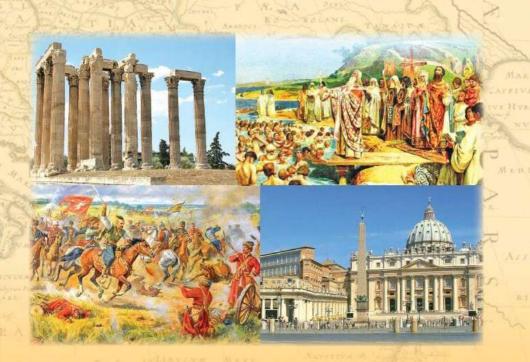
ИЗ ИСТОРИИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ЗА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ, УКРАИНЫ, БЕЛАРУСИ И БАЛТИИ

От принятия на Руси христианства до Петра I. Путь ко дню сегодняшнему

Киев 2017

Из истории геополитической борьбы за территории России, Украины, Беларуси и Балтии

От принятия на Руси христианства до Петра I. Путь ко дню сегодняшнему

С вечной благодраностью моим родителям. Неоценимо сделанное ими для меня.

Киев-2017

Атаев Теймур

Из истории геополитической борьбы за территории России, Украины, Беларуси и Балтии. – Киев: «СІК ГРУП УКРАЇНА», 2017.-238 с.

ISBN 978-617-7457-18-2

История борьбы восточноевропейские 3a территории постсоветского пространства исследована автором в геополитическом контексте. Показана геополитическая подоплека основных событий и процессов светского и религиозного характера, которые определили судьбу этих территорий к концу XVII века, будь то принятие христианства, возвышение Московского княжества, образование Московского царства, Польско-литовская уния, Брестская уния, возникновение греко-католической церкви и многие другие. Раскрыты геополитические мотивы присутствия различных «внешних игроков» на рассматриваемых территориях: императоров Византии и Священной Римской империи, римских и византийских церковных иерархов, золотоордынских ханов, османских султанов, польских королей, генуэзских предпринимателей и других. Разбираясь в нюансах борьбы «внешних игроков» за эти территории, автор демонстрирует, что она имела более многогранный характер, нежели общеизвестное противостояние по линии «Восток – Запад», а также предлагает ряд собственных исторических гипотез.

Книга, написанная в научно-публицистическом стиле, предназначена как для профессиональных историков, политологов, журналистов, студентов гуманитарных факультетов, так и для широкого круга читателей.

Книга напечатана при содействии Общественного союза «Всеукраинская Ассоциация «Альраид»

Редактор: Т. В. Гончарова

ISBN 978-617-7457-18-2

© Теймур Атаев, 2017

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Книга, предлагаемая читателю, касается тематики, которая уже десятилетиями обсуждается в различных историографических традициях. В начале 90-х годов, когда на смену советскому прочтению истории пришли национальные школы (до тех пор представляемые лишь диаспорой), начались дискуссии о таком количестве вопросов, перечень которых можно вместить в отдельное издание. В этом смысле любая новая книга, а тем более посвященная столь длительному историческому периоду, обычно становится очередным этапом в определенной полемике.

Но в данном случае мы имеем дело с несколько иным подходом. Азербайджанский исследователь Теймур Атаев (наверное, один из самых известных гуманитариев в регионе) непредвзято описать сложнейшие процессы, которые в период средневековья и раннего модерна сформировали лицо современной Восточной Европы. Конечно, вопрос «непредвзятости» весьма проблематичен, поскольку, как знает любой студент истфака, в идеале ее нет. Однако дело не в нем, а в том, насколько автор открыт к критике, насколько располагает к осмыслению его книга, насколько она далека от общеизвестных субъективных образцов довольно историографии.

Название книги может сразу показаться «типичным», а читатель, еще не открывший ее, решит, что на страницах его ждет обыкновенная «история войн», то есть сухое изложение фактов. Однако главное преимущество книги — в глубоком исследовании «духовной составляющей» средневековых и модерных сообществ, особое внимание к религиозным и культурным процессам. Как показывает Теймур Атаев на примере взаимодействия ислама и христианства, католицизма и православия, а также их проекции на политику, очень часто не религиозная жизнь отражает процессы «светского характера» (хотя и не без этого), а собственно религия определяет многие социальные и политические процессы.

Помимо этого есть и определенная новизна подхода к устоявшимся терминам – например, *росы* вместо *русы*, что

подтверждают и иные авторы. В книгах по истории часто цитируются арабские источники (где фигурирует *pyc*), однако следует заметить, что арабская буква *вав* в словах иностранного происхождения может передавать и «у», и «о» одновременно.

Конечно, отдельные детали книги, изложение фактов и прочее можно обсуждать, можно и критиковать авторские оценки, однако в целом труд состоялся и, хочется верить, читатель оценит его по достоинству.

Михайло Якубович, кандидат исторических наук, Национальный университет «Острожская академия», Острог, Украина

ВВЕДЕНИЕ

Темп сегодняшней жизни ошеломляет. А иногда поглощает, причем многое и многих, без остатка и даже маломальского сожаления. Исчезают веками нажитые ментальность, традиции, ценности, на смену которым приходят новые ориентиры, нередко прямо противоположные прежним. Причина тому кроется совсем не в изменении так называемых общественно-экономических формаций, а в идеологических нюансах, проявляющихся, прежде всего, в социально-культурной плоскости.

Тем не менее, в основе происходящего, нравится нам то или нет, лежит геополитическая составляющая, которая становится определяющей во всех нынешних хитросплетениях и коллизиях мирового, континентального или регионального масштаба. Речь здесь идет прежде всего о взаимоотношениях между странами, включая такой фактор как намерения более сильных из них возобладать над более слабыми.

Все бы ничего, но если число желающих установить контроль над «чужим» регионом, включая его территорию, природные богатства, культуру и менталитет, превышает максимально допустимый предел, тогда начинается розыгрыш очередного раунда геополитической партии, заложниками которой чаще всего оказываются «простые смертные».

Именно в этот момент выходит из тени Ее Величество История. Она всегда актуальна и поучительна, поскольку в процессе осознания нынешних событий вкупе с усилиями предвидеть их последующее развитие мы всякий раз вынуждены оборачиваться назад, пристально всматриваясь в прошлое.

Исходя из этого автор постарался привлечь внимание читателя к тем регионам постсоветского пространства, вокруг которых постоянно происходит эскалация напряженности — в том или ином формате. В качестве элементарного примера можно привести развитие российско-украинских отношений. Причем если ранее они омрачались периодическими коллизиями, не перераставшими в открытое противостояние, будь то в экономической (газово-маршрутные скандалы), исторической (к примеру, оценка Конотопской битвы) или

религиозной (вопрос о статусе Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата) сфере, год 2015-й привел к военным действиям на территории Украины.

Важнейший нюанс здесь кроется в том, что внешне все эти коллизии выглядят как итог прямого российско-украинского конфликта. Однако исследование их истоков и этапов развития демонстрирует заинтересованность третьих (внешних) сил и, следовательно, подтверждает, что они имеют геополитическую подоплеку.

С целью анализа этих и аналогичных проблемных сфер – будь то российско-польские или российско-балтийские отношения, поверхностный взгляд на которые не дает исчерпывающих ответов на животрепещущие вопросы, автор попытался совершить ретроспективный экскурс в мировую историю. В книге отражены подробности происхождения росов (русов), взаимоотношения русских княжеств с Византией, политикорелигиозная борьба за овладение Киевом (Киевским престолом), причины разгрома Киева А. Боголюбским, невидимые нюансы перемещения центра Руси из Киева в Москву, тонкости взаимоотношений Московского княжества с Золотой Ордой, митрополичьи кафедры, геополитический фон постепенного превращения Московского княжества в царство, рождение концепции «Москва - Третий Рим», политическая подоплека возникновения Брестской унии, развитие отношений Левобережной Украины Московским государством, реформы «духовно-идеологическое» Никоновские как обоснование общемирового лидерства Москвы в православном вопросы. В качестве объективно направлении др. необходимого преддверия к данной тематике, в которой особыми высвечивается религиозный фон, красками автор счел целесообразным отдельно коснуться геополитической подоплеки становления христианства в качестве официальной религии Римской империи.

Способствовала ли авторская инициатива лучшему пониманию нынешней ситуации в вышеназванных регионах и, прежде всего, на российско-украинском пространстве, судить читателю.

ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСТВА. ГЕОПОЛИТИКА МЕЖДУ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ И РИМОМ

«История – свидетельница времен... жизнь памяти, учительница жизни» (Цицерон, [1])

Несколько слов об императоре Константине І

С конца III в. Восточная и Западная Римская империи, управляемые собственными правителями, по сути лишь формально являлись единым государством. В этот период процесс развития христианства все еще протекал в условиях отсутствия общего церковного центра. В 313 г. находящиеся в родстве императоры Константин I и Лициний составили текст «Миланского эдикта», уравнивающего в правах все бытовавшие в стране религиозные системы провозглашением свободы «следовать той религии, какую сам считает наилучшею для себя» и постановлением «никого не лишать свободы следовать и держаться соблюдаемой у христиан веры», фактически лишив традиционное римское язычество статуса официальной религии [2].

Политическая тонкость этого решения состояла в том, что язычество было в «приказном» порядке заменено на поклонение Единому Богу путем безоговорочного следования догматам христианства, в результате чего верующие становились более «идеологически». управляемыми Константина устраивало такое положение вещей, особенно в свете его стремления первенству во всех вопросах, К религиозные. Вместе с тем, очевидно, что планы императора изначально были направлены на консолидацию общества под крылом христианства, распространявшегося в западной и восточной частях Римской империи. Важнейшим шагом к этому явилось его «перевоплощение» в 323 г. в единодержца единого Римского государства.

На следующий год христианство было провозглашено государственной религией империи. А в 325 г. Константин созвал признанный вселенским I Никейский Собор Церкви,

участниками которого был утвержден постулат о единосущии «Сына Отцу и Его предвечном рождении», составлен Символ Веры и признано верховенство епископов четырех крупнейших митрополий — Римской, Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской, с конкретизацией: «Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими» [3]. Таким образом, Александрийская кафедра обрела значимость, уступающую только Риму.

В 330 г. Константин перенес столицу в переименованный в его честь г. Византиум, где преобладала греческая культура. Очевидно, из Константинополя ему было легче контролировать нестабильные восточные и северо-восточные границы Римской империи. С другой стороны, управлять теперь уже христианской страной императору, вероятно, было комфортнее из нового «центра», нежели из пропитанного языческим прошлым Рима, в котором сенаторы к тому же упорно держались за традиционные домонотеистические верования.

При Константине церковь обрела статус одной из опекаемых императором государственных структур: «первый римлянин» не выпускал бразды правления ею, практически руководя всем епископатом и взращивая в епископах качества своих основных чиновников, на которых впоследствии он мог бы опираться при решении политикоэкономических задач.

Не вдаваясь в нюансы теологических споров, сопровождавших религиозное движение той эпохи (арианство и др.), подытожим вышеизложенное выводом о явном присутствии геополитических оттенков в поддержке Константином прохристианских веяний в империи.

Новый Рим

В 379 г. последний император единой Римской империи Феодосий I получил власть над ее восточной частью как соправитель императора Грациана. При нем единой государственной религией империи была объявлена никейская формула христианства, существующая в рамках католического течения, а второй Вселенский Собор 381 г. определил т.н.

пентархию: четыре главные епископские кафедры (поместные Церкви) христианского мира плюс Константинопольская. Епископы этих пяти городов приняли титул патриархов и, по словам Каллиста Уэра¹, «разделили между собой юрисдикцию над всем известным тогда миром, за исключением Кипра» [4]. отдельным пунктом объявлялось, тем. «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по римском епископе, потому что град оный есть новый Рим» [5]. Иными словами, Константинополь, будучи первой кафедрой на Востоке, снискал статус Нового Рима, оттеснив Александрию. «Старый» Рим отказался признать такое нововведение под предлогом того, что оно было принято представителями епархий, соборе неоспоримое имевшими на преимущество. Этот прецедент лег в основу церковного разделения Востока и Запада.

После смерти Феодосия I в 395 г. империя окончательно разделилась на западную часть и восточную часть – Византию. В целях дальнейшего дистанцирования от Рима Халкидонский собор 451 г. подтвердил позицию ІІ Вселенского собора. Правило 28-е собора гласило: «Мы определяем и постановляем о преимуществах святейшия Церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима Отцы прилично дали поелику царствующий преимущества: был TO Константинополь, как град получивший честь быти градом Царя и Синклита, и имеющий равныя преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет вторый по нем» [6]. Данный пункт был вновь оспорен римскими легатами. При этом был утвержден догмат об образе соединения в лице Иисуса Христа двух сущностей – человеческой и божественной: «Господь наш Иисус Христос есть один и тот же Сын, один и тот же совершенный по Божеству и совершенный по человечеству, истинный Бог и истинный Человек».

Свод Юстиниана и «симфония властей»

_

¹ Митрополит Диоклийский, бывший директор Института православных христианских исследований в Кембридже, председатель смешанной комиссии по православно-англиканскому диалогу. – прим. авт.

Пытаясь реализовать общую программу возрождения величия Рима, византийский император Юстиниан I узаконил церковные порядки и ортодоксальную доктрину, в основу которой легли положения Халкидонского собора. В целях укрепления собственного влияния он «приземлил» эту концепцию, объявив себя носителем высшей власти – как церковной, так и светской. Подобного рода воззрения стали фундаментом православной государственной идеологии, опирающейся на принцип единства этих властных ветвей аналогично «божественно-человеческой природе» Христа. Неслучайно в подготовленном в период его правления своде римского гражданского права, получившем название «Кодификация Юстиниана» (534 г.), преамбула к Шестой новелле, провозвещающая принцип «симфонии» государственной и церковной властей, гласит: «Величайшие дары Божие человеку, дарованные Вышним человеколюбием, священство и царство: одно служит вещам Божественным, другое управляет и заботится о вещах человеческих; и то, и другое происходит от одного и того же начала» [7].

Получив как бы «законное освещение», Юстиниан приступил к экспансии в Европе, в 540 г. захватив Равенну, ставшую византийским городом в качестве столицы особого образования — Равеннского экзархата. Мечта Юстиниана о воссоединении Римской империи осуществилась в 554 г.², и он безотлагательно ввел использование своих законов в Италии. Считая церковь и империю единым целым, Рим — своим городом, а себя — высшим авторитетом, Юстиниан легко признал главенство назначаемых и управляемых им пап над константинопольскими патриархами.

К слову, 36-е правило Трулльского собора 691 г., рассматриваемого Церковью как продолжение VI Вселенского собора, вновь подтвердило «равныя преимущества с престолом древняго Рима [Константинополя], и якоже сей, да возвеличивается в делах церковных, будучи вторым по нем» [8].

Геополитика не дремлет. Светско-религиозный тандем в действии

_

² После победы Византии в Византийско-готских войнах – войнах Византии с королевствами остготов в Италии и вестготов в Испании. – прим. ред.

Несколько десятилетий спустя «освящения» трона уже желали и короли, правившие на землях Европы, которые римляне (и их преемники византийцы) считали «варварскими». Понятно, что такое желание не могло быть исполнено без санкции духовных лиц. Вопрос был лишь в том, как этой санкции добиться. А сценарий его решения к тому времени был уже давно известен, и назывался он «геополитика и ее интересы».

В 750 г. Пипин III Короткий из рода Каролингов получил добро Папы Захария I на коронацию, став в 751 г. королем франков. Но кто бы «за просто так» услышал Пипина? Вскоре ему представился шанс ответить любезностью на любезность, заработав новые политические дивиденды.

Риму угрожал лангобардский король, и новый папа Стефан II (III) обратился к франкскому правителю за помощью. Стороны ударили по рукам. В 754 г. Стефаном было совершено миропомазание над Пипином и его сыновьями Карлом и Карломаном, а населению было велено под страхом отлучения избирать себе королей только из освещенной Церковью «фамилии» Каролингов. Пипин же, в свою очередь, принес торжественную клятву за себя и потомков заботиться о Церкви и ее интересах, подкрепив ее обещанием вернуть Папе отобранные лангобардами земли. Он сдержал слово и, заполучив в результате военных действий против лангобардов территорию бывшего Равеннского экзархата, в 756 г. преподнес в дар всю эту область Папе.

Вместе с тем, Рим и его окрестности все же формально считались принадлежащими Византии. Этот проблемный вопрос был виртуозно решен внезапным появлением в миру т. н. «Константинова дара» — документа, свидетельствовавшего о передаче Константином I верховной власти над Западной Римской империей Папе Римскому Сильвестру наряду с предоставлением ему главенства как над четырьмя кафедрами — александрийской, антиохийской, иерусалимской и константинопольской, — так и над всеми христианскими церквами во всей вселенной. В XV в. итальянский гуманист Лоренцо делла Валла в своем сочинении «О даре Константина», опубликованном век спустя Ульрихом фон Гуттеном, убедительно доказал факт подлога. Однако на момент

обнародования документ слыл подлинным, в частности в восточных христианских церквях. Так возникло Папское государство, главная особенность которого состояла в том, что возглавлял его правитель всех католиков.

Карл I Великий продолжил политику отца. Поскольку преемственность — с геополитическим оттенком — оказалась характерной и для папского престола, королю франков и Папе Льву III на этой основе удалось выстроить «правильные» взаимоотношения: из-за требований оппозиции в лице знатных римлян об отречении Льва III в 799 г. он бежит к Карлу, который успешно возвращает его на папский престол, за что на праздничной рождественской мессе 800 г. в соборе Святого Петра Папа собственноручно надел на голову франкского короля императорскую корону.

Тем временем в Византии наблюдалось внешнее спокойствие, если не считать начавшихся «брачных игр» вокруг коронации: между византийской царицей Ириной и Карлом был намечен брачный союз, навеянный надеждами на восточно-западное воссоединение посредством «семейных уз». Безусловно, такой поворот событий далеко не всем пришелся по душе, и в результате дворцового переворота Ирина оказалась не у власти.

Занявший византийский престол Никифор I даже не считал Карла императором, и тот незамедлительно пошел «другим путем», к 810 г. захватив Венецию и Далмацию, «числившихся» за Византией, и заключив антивизантийский союз с Багдадским халифом аль-Амином.

Сменивший Никифора Михаил Рангве по итогам Ахенского мира 812 г. между Византией и Карлом Великим признал за последним императорский статус в обмен на получение контроля над Венецией и Далмацией. Так наряду с византийским легализовался и западноевропейский император, что способствовало дальнейшему отчуждению Запада и Востока.

«Геополитическая» азбука

Во второй половине IX века на политико-религиозной арене возникают фигуры выходцев из византийского г. Салоники – братьев Кирилла и Мефодия, по некоторым данным имевших не

булгарское этническое происхождение славянское, a (протоболгары). Проповедуя в Болгарии христианство, в 863 г. греческий алфавит, основу составили они. взяв старославянскую азбуку, осуществив перевод на нее основных богослужебных Согласно памятнику книг. болгарской агиографии «Житие св. Кирилла», последний письмена», что обрадовало болгарского царя Бориса (после крещения Михаил). Цесарь «послал его [к моравскому князю] Ростиславу», сопроводив посланием: «Увидев твои веру и стремление», Бог «явил письмена для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам», прославляющим Господа «на своем языке» [9]. В Моравии Кирилл и Мефодий продолжили обучение славян чтению, письму и ведению богослужения на славянском языке.

С геополитической точки зрения славянское направление миссии братьев видится неотъемлемой составляющей стремления Византийской империи распространить свое влияние в славянских землях. Естественно, это вызвало неприятие латинизированной Европы, претендовавшей на славянские территории, из-за чего немецкое духовенство вменило в вину Кириллу и Мефодию введение практики богослужения на славянском языке.

Акцент на «языковой барьер» безусловно являлся лишь прикрытием соперничества Рима и Константинополя за контроль над Балканами, происходившего на фоне геостолкновения Папы Николая I с

Константинопольским патриархом Фотием. Хотя Кирилл и Мефодий действовали по инициативе последнего, однако здесь не обошлось без благословения Папы. Но в 863 г., когда деятельность братьев в Болгарии обрела размах, Николай I объявил Фотия лишенным сана (позже он сам был лишен сана и анафемствован собором православных епископов в Константинополе).

При этом на религиозной «доске» предпринимались и другие антивизантийские «ходы». Тот же Ростислав, князь Моравский, предоставил салоникским братьям право проповедовать не вполне безвозмездно: в середине 860-х гг. через посредничество Кирилла и Мефодия к Риму обратилось Болгарское царство,

порвавшее с Константинопольским патриархатом, с просьбой создать условия для образования в Моравии независимой от Византии церковной организации. Тем самым, направленные проповедовать Византией, они, поневоле, фактически сыграли на противоборствующую сторону.

Именно поэтому, несмотря на отрицательную оценку славянского богослужения немецкими епископами, сменивший Николая I папа Адриан II одобрил славянскую литургию невзирая на то, что общепризнанными западной церковью языками богослужения являлись еврейский, греческий и латинский. Более того, в 870 г. Адриан II определил Мефодия архиепископом Паннонии. А разве могло быть иначе, если создание на этой территории особой митрополии, подчиненной Риму, способствовало росту влияния Папы, ведя к ослаблению позиций франкского епископата, практически не считавшегося с авторитетом папства?

Как следствие, на Баварском соборе немецкие епископы осудили Мефодия, лишив его свободы (к тому времени Кирилл уже несколько лет как скончался). В Баварскую темницу был заключен и князь Моравский Ростислав ³, потерпевший поражение от Людовика Немецкого. Антинемецкое восстание в Моравии 873 г. привело к освобождению Мефодия, до которого был доведен приказ Папы Иоанна VIII о запрете совершать богослужения «на варварском, то есть славянском языке», на котором отныне допускалось лишь проповедование перед народом. Однако буллой 880 г. Иоанн VIII дал согласие на чтение Писания и совершение церковных текстов обрядов одобрив одновременно изобретенное славянском языке, Мефодием славянское письмо и предписав «славить» Христа на славянском языке [10]. Как бы то ни было, западные славяне не вошли в орбиту влияния Византии.

Византия и Священная Римская империя

-

³ Ростислав с 846 г. находился во главе Моравского престола (или, как отмечается, унаследовал престол Великоморавского княжества в 846 г.); один из видных исторических деятелей славянства, ведший неустанную борьбу с немцами за независимость Моравии. В 862 г. он призвал славянских апостолов, св. Мефодия и Кирилла, для проповеди в его владениях на славянском языке. – прим. авт.

В 962 г. возникает Священная Римская империя (полностью это название стало употребляться позднее): тогда папа Иоанн XII короновал императором германского короля Оттона I, признанного верховным сеньором Папского государства, который претендовал на преемственность античной Римской империи и Франкской империи Карла Великого и призван был объединить весь западноевропейский христианский мир. Нюанс состоял в том, что религиозным центром империи был Рим, но политическое верховенство принадлежало Германии.

Спустя десяток лет в западноевропейских землях вновь вспомнили титул «римский император», а вслед за ним и название «Римская империя». Однако Византия не признала этот обосновывая германскими монархами, титул легитимностью его закрепления за византийским императором. Только к последним, по их убеждению, могли относиться слова, сказанные византийским правителем Константином Багрянородным (913-920): «Создатель <...> утвердит тебя на пьедестале неколебимом <...> Престол твой, как солнце, - и перед ним, <...> поскольку он избрал тебя, и <...> даровал тебе царство свое как лучшему из всех, и поставил тебя <...>, [чтобы] поклонялись тебе населяющие землю» [11].

Тем самым были, по сути, были предрешены последовавшие в 1054 г. события, называемые великим церковным расколом в христианском мире (схизма), который окончательно разделил Церковь на Римско-католическую (Запад) и Православную (Восток) с центром в Константинополе. Известно, что причинами события этого историки различные склонны считать богословские нестыковки, также сложность взаимной культур (ориентированность ДВУХ западного адаптации христианства на латинское наследие, невосприятие греческих языка и богословия и т. д.). Тем не менее, приведенные факты позволяют утверждать, что в основе процесса, приведшего к расколу, все же были причины политического свойства. Они прослеживаются и в предпринимаемых Римом со второй половины XI в. действиях по переводу «чужих» территорий под его религиозную юрисдикцию. Вместе с тем, очевидно, что Рим - ни светский, ни духовный - не мог признать самостоятельность восточного ответвления христианства. Однако для возвращения

«ушедших» сначала нужно было попытаться разобраться со «своими». Таким образом, светско-религиозное соперничество в Западной Европе, которое усилилось после разделения церквей, неслучайно переросло в борьбу за политико-экономическое первенство.

Папство пытается стать единственным верховным сюзереном

Папство никоим образом не смирялось с принадлежностью светской власти права церковной инвеституры (назначение на церковные должности и введение в сан). Учрежденная в 1059 г. коллегия кардиналов тут же присвоила полномочия избрания понтифика, и вскоре обе стороны — церковная и светская — вступили в борьбу за первенство в назначении прелатов. Кроме того, на церковном соборе 1095 г. в Клермоне папа Урбан II выступил с призывом освободить «Святую землю» от «неверных», тем самым дав добро на первый крестовый поход. Все эти события, ставшие прямым свидетельством роста авторитета пап, положили начало борьбе между светской и церковной властью за преобладающее влияние на европейские земли.

Вполне очевидно, что эта борьба, где на кон были поставлены главенствующие позиции в государстве, изначально не могла быть бескровной: вскоре обыватели перестали удивляться папским анафемам в адрес «высокопоставленных» лиц, как и выдвижению «своих» пап (антипап) лицами, которые не имели отношения к «духовной» сфере. Конфликт удалось загасить в 1122—1123 гг. после заключения т. н. Вормсского конкордата — компромиссной договоренности между римским папой Каликстом II и императором Священной Римской империи Генрихом V, согласно которой император обязался вернуть папе и местным церквям захваченное в ходе противостояния имущество, а епископы вошли одновременно и в церковную, и в феодальную иерархию, став вассалами императора. Хотя император и сохранил право наделять епископов ленами и светской властью, вручая им скипетр, в целом конкордат

продемонстрировал силу папства, не отказавшегося от притязаний на верховный сюзеренитет над монархами.

Вслед за этим настал период второго крестового похода (1147-1148).«христово Хотя воинство» возглавляли «гражданские» церковь лица, уже обрела достаточное могущество. Поскольку пассивное наблюдение за процессом возвышения церкви грозило имперским (т. е. светским) кругам вполне очевидными последствиями, в 1157 г. было принято решение добавить к европейской «Римской империи» эпитет «Священная» (которое связывают со знаменитым Фридрихом I Барбароссой). Принцип «освященности» государственного образования позволял императорам использовать его в качестве обоснования любых предпринимаемых ими шагов как во внутренней, так и во внешней политике. Будучи же главой уже «Священной» Римской империи, они подтверждали свое «предназначение» защитников и покровителей церкви, что давало им повод для претензий на высшую духовную власть. К примеру, тот же Фридрих Барбаросса принял активнейшее участие в третьем крестовом походе (1189–1192).

Падение христианского Константинополя от рук христианской Европы

Далее настал черед крестовой атаки Рима на «своих» «неверных», то бишь на Константинополь. Четвертый крестовый поход (1204 г.) начинался как обычно под призывом двигаться к «Святой земле», которой «по факту» (что неудивительно) оказалась Византия. Здесь светско-духовные интересы европейских правителей совпали однозначно, и в результате этого крестового похода православный Константинополь был завоеван крестоносцами — христианами католической конфессии.

Когда войска крестоносцев подошли к городу, то, со слов французского хрониста начала XIII в. Робера де Клари, константинопольский император Алексей III направил «к ним добрых послов» с предложением о том, «что если они хотят получить сколько-то из его золота или серебра, то весьма охотно пошлет его». Однако крестоносцы призвали Алексея III отречься

«от своей власти», которой «он владеет не по праву и незаконным образом» [12]. Отмечая большую выгоду и удобство для крестоносцев «завоевать великую христианскую метрополию, чем сражаться с азиатскими мусульманами», крупнейший испанский прозаик начала XX в. Бласко-Ибаньес Висенте с печалью констатирует: «Их штурм был ужасен» [13].

Сведения о том, что происходило при христианском захвате христианского же центра, можно почерпнуть даже из письма тогдашнего Римского Папы Иннокентия III одному из лидеров Бонифацию Монферратскому: «Некоторые [крестоносцы] совершали насилие, разврат и кровосмешение на глазах людей без различия религии, пола и возраста, утехам солдат были отданы не только замужние женщины и вдовы, но и женщины и девы, посвященные Богу. Мало было грабить имперские богатства и забирать добычу у богатых и бедных, вы посягнули на церковные сокровища, и, что хуже всего, на ее главное достояние, срывая серебряные чаши с алтарей, расхищая святые сокровищницы, иконы, кресты и реликвии» [14]. Но далее обелить Иннокентий III явно пытается исполнителей: «Поскольку вам отказали в обещанном и необходимом, полностью нарушив клятвы и соглашения, а тем паче нападали на вас с оружием, с огнем, с хитростью и ядом⁴, вы, оказавшись таким образом в безвыходном положении, осуществили раскольников заслуженное возмездие В отношении клятвопреступников <...> И видится божий суд в том, что те, кого милосердно терпели и даже настойчиво увещевали не только другие, но и мы, и которые не желали возвращаться к единой церкви <...> теперь потеряли и место свое и народ» [15].

Однако вплоть до сего дня единый взгляд на роль Папы в предоставлении «добра» на захват Константинополя отсутствует.

Немного об Иннокентии III

В приведенном выше истолковании Папой атаки на Константинополь ничего удивительно нет, если рассматривать ее в свете планов последнего по достижению Римом мирового

⁴ Історичні факти свідчать про цілком інше. – прим. авт.

господства. Уже своими первыми шагами Иннокентий III начал претворять в жизнь теократические принципы реформы направленные Григория навязывание VII, на христианскому сообществу верховенства католической церкви (в лице Папы Римского), что означало ее вмешательство в светские дела. «Предварительным условием создания универсальной политической власти», по словам серьезного венгерского исследователя истории Церкви Ене Гергея, «являлось создание государства». Глобальный Папского замысел «осуществиться лишь тогда, когда он [Папа] станет абсолютным властителем сначала в Риме и в Церковном государстве, а затем вселенской церкви. Он исходил из неограниченность свободы церкви – если понимать под этим верховенство папы – зиждется на прочной власти папы над независимым светским государством» [15].

Нельзя не согласиться с Е. Гергеем, поскольку еще в декреталии "Venerabilem" (1202 г.) Папа «присудил» себе право окончательного вердикта в вопросе о том, кто достоин императорского титула: «Князья должны признавать», что «право и власть рассмотрения особы, избранной королем, долженствующей стать императором, принадлежит нам, которые ее помазываем, освящаем и коронуем», поскольку «рассмотрение особы касается того, кому принадлежит рукоположение» [16].

Более того, Иннокентий III прекрасно осознавал, что без вооруженных действий претензии на мировое господство неосуществимы. Поэтому содействовал ОН Тевтонского ордена в Палестине (1198 г.) и Ордена Меченосцев г.) в Риге. Причем последний, идеологически облагороженный религиозными преподносился в качестве организации «братьев воинства Христова». Тогда же для борьбы с внутренней оппозицией, «еретическими движениями», называемой нищенствующие ордена: Францисканский и Доминиканский.

Так не укладывается ли католическая атака на православный Константинополь в доктрину Иннокентия III?!

Заключение

Как бы то ни было, Константинополь пал, Византия претерпела раздел. Возникла Латинская империя, называемая в Константинопольской период или Романией. императорством Балдуина Фландрского, который, считая себя преемником византийских императоров, сохранил многое из этикета и церемониала дворцовой жизни. Но важнейшую роль в захвате православной столицы мира сыграла Венеция, и патриарха избирало исключительно венецианское духовенство (в лице венецианца Фомы Морозини). Частью Константинополя начал распоряжаться Балдуин, хозяевами трети города стали венецианцы. Византийцы же ограничились созданием на востоке страны Никейской империи, правители которой продолжали считать себя истинными византийскими императорами.

Таким образом, «латинизированный» Константинополь оказался полностью во власти Папы, и Иннокентий III теперь уже без душевных колебаний признал на Латеранском соборе 1215 г. значимость константинопольской кафедры. Присутствовавшие латинские патриархи Иерусалима, Антиохии и Константинополя поклялись Папе в верности ему восточных христиан.

Кроме того, собор подчинил папскому престолу православных греков, проживавших на землях бывшей Западной Римской империи, запретив постановления греческих епископов там, где уже действовали латинские. Последователям же греческого обряда была уготована в таких епархиях роль викариев, подчиненных епископам латинским.

Лишь в 1261 г. византийцы при поддержке генуэзцев сумели отвоевать город, ввиду чего власть перешла к византийской династии Палеологов.

Анализ этих событий приводит к выводу, что и начальная стадия официального распространения христианства, и объявление Константинополя Новым Римом, и крестовые походы были проявлением геополитической борьбы за обладание мировым господством. Другое дело, что успеха в кровопролитнейших битвах за его достижение — пусть и не в планетарном, а «локально-континентальном» масштабе — мог добиться далеко не каждый. Лишь харизматические личности как светского, так и духовного толка, принимающие тандемные

условия игры друг с другом, могли надеяться на реализацию своих грандиозных замыслов.

- 1. Марк Туллий Цицерон. Об opaтope http://ancientrome.ru/antlitr/cicero/tractates/deorat2-f.htm
- 2. Текст Миланского эдикта http://drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=1835
- 3. Правила Святого Вселенского Первого Собора, Никейского

http://www.heretics.com/library/docs/sobor/sobor1.htm

- 4. Каллист Уэр. Православная церковь http://reformed.org.ua/index.php?wl=2&id_mat=209&part=5
- 5. Цит. по: Епископ Никодим (Милаш). Толкование на правила святаго второго вселенского собора, константинопольского

http://pagez.ru/olb/208.php?id=147

- 6. Цит. по: М. А. Новоселов. Письма к друзьям http://www.pagez.ru/olb/nov/06.php#14
- 7. Цит. по: «Император Юстиниан и "симфония" властей» http://religion.russ.ru/history/20011127-yustin.html
- 8. Цит по: «Правила Вселенских Соборов» http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Sobors_rules.php
- 9. Память и житие блаженного учителя нашего Константина-Кирилла Философа, первого наставника славянского народа.

http://old-rus.narod.ru/03-42-1.html

10. См. Борис Флоря. Сказания о начале славянской письменности

http://krotov.info/history/09/3/fl or_01.htm

- 11. Константин Багрянородный. Об управлении империей http://oldru.narod.ru/biblio/kb_imp1.htm
- 12. Робер де Клари. Завоевание Константинополя http://www.vostlit.info/Texts/rus/Klari/frameKlari2.htm
- 13. Бласко-Ибаньес Висенте. Восток http://az.lib.ru/b/blaskoibanxes_w/text_0120.shtml
- 14. Письмо Иннокентия III маркизу Монферрату

http://istoriya.info/index.php?mode=innocent&id=cxxxiii

- 15. Е. Гергей. История папства http://www.sedmitza.ru/text/441614.html
- 16. Цит. по: Предисловие к статье «Золотая булла» (1356 г.) http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Germany/XIV/Bul la1356/text.htm

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРИНЯТИЯ НА РУСИ ХРИСТИАНСТВА

Немного истории. О росах

Согласно наиболее раннему из дошедших до сего дня древнерусских летописных сводов — «Повести временных лет», датируемой началом XII в., — в 852 г., «когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля. Узнали мы об этом потому, что при этом царе приходила Русь на Царьград» [1/а].

Здесь речь идет о Михаиле III – императоре, находившемся на византийском престоле с 842 г. А подразумеваются, по мнению большинства исследователей, события 860 г. В так называемой «Брюссельской хронике», отражающей историю царствования византийских императоров, сказано, что 18 июня 860 г. «пришли росы на двухстах кораблях» [2]. Византийцы не имели представления об их происхождении. Одна из аналитикопроповедей, экзегетических называемых гомилий так византийского богослова, патриарха Константинопольского того времени Фотия I носила название «На нашествие росов». Тем не менее, в отличие от заглавия, в тексте наименование напавших не встречается. Однако в самом начале гомилии вопрошается: «Что за гнетущий и тяжкий удар и гнев? Откуда обрушилась на гиперборейская?» страшная гроза нас эта гиперборейцами античные авторы подразумевали легендарных жителей крайнего севера.

Здесь уместно привести версию о более раннем происхождении термина «рос», сторонники которой относят его к 839 г., ссылаясь на так называемые «Бертинские анналы» – летописный свод Сен-Бертенского монастыря, охватывающий историю государства франков с 830 до 882 года. В нем, в частности, сказано: «Пришли послы греков, отправленные от императора Теофила⁵». Он «также послал с ними тех самых, кто себя, то есть свой народ называли "рос" <...> тщательно

⁵ Византийский император Феофил, предшественник Михаила III, направивший в 839 г. посольство ко двору франкского короля Людовика I Благочестивого. – прим. авт.

исследовав причину их прихода, император 6 узнал, что они из народа свеонов 7 » [4].

По мнению историка Елены Мельниковой и старшего научного редактора издательства «Советская энциклопедия» Владимира Петрухина, в «Бертинских анналах» слово «рос» «не только прямо почерпнуто от пришедших к Людовику «росов», но и, вероятно, отражает самоназвание этой группы свеонов». Они допускают, что это слово могло быть заимствовано «у пришельцев» отражало «самоназвание И укомплектованных «в значительной части» выходцами из Скандинавии, сохранившими «то же название с основой rops-», ранее усвоенного финнами «в форме ruotsi». «Лишь позднее, по установления торговых расширения связей, крепнущего Древнерусского дипломатических отношений государства с Византией, - резюмируют исследователи, - ее осведомленность о росах увеличивается». По их мнению, под влиянием «др.-русск. "русь" в середине X в. появляется форма с корневым -у-», оказывающаяся, однако, «не в состоянии конкурировать с привычной формой. Одновременно слово "ros" усваивается греческим языком, вовлекается в греческую парадигматику (появляется склоняемая форма) и образует ряд производных: прилагательное "rosicsos", хороним⁸ "Rosia" и др.» [5].

Однако в тех же «Бертинских анналах» «король» росов назван термином «каган», что этимологически направляет нас в исторический «Хазарский каганат», населенный хазарами — тюркоязычным кочевым народом [4]. В свою очередь, так называемый «баварский географ», составивший «описание городов и земель к северу от Дуная», в датируемой IX в. восточнофранкской таблице племен поместил в списке рядом: "Саziri ciuitates Ruzzi" [6]. Под первым наименованием основная масса исследователей видит хазаров, под вторым — руссов.

В этой связи представляется небезынтересной точка зрения азербайджанского историка Алекпера Алекперова, который, ссылаясь на сочинение арабского географа IX в. Ибн Хордадбеха

⁶ Людовик I – прим. авт.

⁷ Выходцы из Швеции. – прим. авт.

⁸ Хороним – собственное имя территории, имеющей определенные границы. – прим. ред.

«Китаб алмасалик ва-лмамалик» («Книга путей и стран») 9, «Арабские историки, упоминавшие саклабов и пишет: использовавшие в той или иной степени данные Ибн Хордабеха, имели в виду под саклабами не славян, а булгар-огузов (т. е. тюрок)» [7]. Дело в том, что в одном из переводов этого произведения есть следующая фраза: «Если говорить о купцах ар-рус, то это одна из разновидностей славян» [9]. Опираясь в своих заключениях на вышеприведенные издания, А. Алекперов сформулировал любопытную гипотезу: «Один из первых мусульманских историков, указавший на этническую принадлежность русов, ибн Хордадбех, писал: «Что касается купцов ар-рус, то это род саклабов». Анализ мусульманских источников позволяет утверждать, что «саклабы» для Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха, Ибн Фадлана и др. были булгарами, а не славянами. Поэтому не случайно, что ал-Марвази, Ибн Халдун, Ибн Ийас родословную русов возводят к тюркам. Манипуляции норманистов и антинорманистов, ратующих за славянство «руси», страдают лингвистическими натяжками. Ибо ни среди норманов, ни среди славян племени с корневыми «p-c» не имеется. Слово «руотси», из которого норманисты выводят «рус», было не самоназванием шведов; их так называли финны. Также безосновательна гипотеза, связывающая происхождение этнонима «рус» со Средним Поднепровьем – с бассейном реки Рось. Собственно славянские поселения в этом районе прослеживаются лишь с XI в. Жители же берегов реки Рось называются в летописи не «русь», а «поршане»» [7; 8].

Как бы то ни было, Константинопольский патриарх Фотий I в окружном послании восточным патриархам 867 г. отметил следующий факт: «Тот самый так называемый народ Рос», поднявший «руки на саму Ромейскую державу», ныне «переменил языческую и безбожную веру» на «чистую и неподдельную религию христиан», тем самым «поставив в положение подданных и гостеприимцев вместо недавнего против нас грабежа». Причем настолько «воспламенило их страстное стремление и рвение к вере», что «приняли они у себя епископа и пастыря и с великим усердием и старанием встречают

-

⁹ А/изд. Де Гуе. Лейден, 1967, с. 54, и б/изд. Н. Велиханлы, Баку, 1986, с. 124.

христианские обряды» [10]. Иными словами, Фотий проинформировал восточных патриархов о планах русов креститься. Также о некоей связи событий 860 г. и крещения свидетельствует другой византийский источник: «Потом¹0 набег росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли». После же возвращения русов «домой <...> вскоре прибыло от них посольство в царственный город, прося приобщить их Божьему крещению. Что и произошло» [11].

Варяги, Киев и Новгород

В преддверии же данного исторического эпизода имели место иные немаловажные события, описанные в «Повести временных лет». Если в 859 г. «варяги из заморья взимали дань с чуди¹¹ и со словен¹², то в 862 г. они «изгнали варяг за море», прекратив выплату дани. И «начали сами собой владеть», вслед за чем наступил этап войн «друг с другом». Это привело к походу «за море к варягам» тех, кто именовал себя «русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы». Встретившись с ними, «сказали руси чудь, словене, кривичи и весь»: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Просителям не отказали, и «сел старший, Рюрик, в Новгороде». От «тех варягов прозвалась Русская земля. Новгородцы же — те люди от варяжского рода, а прежде были словене».

К 862 г. относится и первое датированное упоминание о существовании Киева. «Повесть временных лет» включает в себя предание о трех братьях, что «построили город в честь старшего» из них и «назвали Киев». Жители земли этой именовались «полянами». На пути в Царьград в 862 г. князья Аскольд и Дир из окружения Рюрика увидели Киев и «остались» в нем, «собрали у себя много варягов и стали владеть землею полян».

Тонкость здесь в том, что с VIII в. жители Скандинавии осваивали торговый путь через Восточную Европу в Византию,

 $^{^{10}}$ 860 г. – прим. авт.

¹¹ Древние балтийско-финские племена. – прим. авт.

¹² Новгородская область – прим. авт.

именуемый в «Повести временных лет» «из варяг в греки и из Днепру». Древнерусский памятник блестяще описывает этот маршрут: Балтийское море – р. Нева – Ладожское озеро – р. Волхов – о. Ильмень – р. Ловать (последние три протекают в том числе через Новгородскую область), затем дважды волоком (перевал в верховьях рек различных бассейнов) - р. Западная Двина - р. Днепр - Черное море и далее, вдоль побережья Болгарии, до Константинополя. Причем речь также идет и о Западном пути: через «море Варяжское¹³ можно плыть до Рима, а от Рима приплыть <...> к Царьграду». Здесь же описание и Восточного водного пути: «Из Руси можно плыть по Волге в Болгары и в Хвалисы¹⁴, и на восток пройти», практически достигнув территорий Арабского халифата. Таким образом, важнейшее геополитическое налицо значение «грековарягского» маршрута, а, следовательно, и прилегающих к пути территорий.

Не случайно получивший княжение от Рюрика «родич» его Олег – фактически регент сына Рюрикова Игоря – в 882 г. направился в Киев, и, расправившись с местной властью, «сел, княжа, в Киеве», промолвив: «Да будет это мать городам русским» и установив при этом «варягам давать дань от Новгорода» [1/a]. утверждению По зампредседателя Новгородского любителей общества древности Трояновского, главная цель этого похода «заключалась в оформлении политическом важнейшего экономического маршрута ("путь из варяг в греки")», в котором наряду со скандинавами были заинтересованы и новгородцы, поскольку в «географическом отношении именно Киев являлся центром» этого пути, будучи «удобным для базирования и контроля за окружающей территорией» [12]. Как пишет в отношении этого (и не только) эпизода российский историк Владимир Миндолин, в истории Древней Руси между Киевом и Новгородом Великим наблюдается «постоянное соперничество», в котором «выражает себя конфликт региональных интересов». Несмотря на то, что в г. «начинается формирование единого культурноисторического пространства от Новгорода до Киева; возникает

 $^{^{13}}$ Древнерусское название Балтийского моря. – прим. авт.

¹⁴ Древнерусское название Каспийского моря. – прим. авт.

единое государство», по словам исследователя, «непрочно еще это единство». Поскольку «в 980 г. тем же самым путем пойдет из Новгорода к Киеву со своей новгородской, варяжской дружиной князь Владимир. Осадит Киев, доведет осадой до голода <...> и утвердится» в городе. «Как обручем будет стянуто это огромное пространство от Новгорода Великого до Киева». Но «понадобится еще третий обруч», стянуть который предстоит одному из сыновей Владимира – Ярославу, который в 1016 г. снова устремится «на Киев с новгородцами и варягами» [13].

Но это произойдет несколько позже, а пока обратимся к событиям 882 г. После захвата Олегом Киева власть княжества постепенно признали Полоцк, Смоленск, а также ряд народностей, ранее подвластных хазарам. Вслед за этим объектом наступательных устремлений князей стала Византия.

Русо-византийские взаимоотношения

Согласно «Повести временных лет», в 907 г. «пошел Олег на греков <...> и много другого зла сделали русские», в связи с чем византийцы «стали просить мира». В том же году был подписан мирный договор. Если коротко охарактеризовать результаты не отраженной ни одним византийским источником кампании 907 г., Византия согласилась с выплатой Руси как единовременной контрибуции, так и периодической дани, а также дала добро на содержание русского посольства, предоставив руссам весомый Ряд статус [1/a]. исследователей, торговый выдающегося основателя новой науки этнологии Льва Гумилева, выдвинули гипотезу, согласно которой в качестве похода 907 г. в «Повести временных лет» отражены события 860 г. Если брать за основу эту версию, то с учетом весьма плачевных для византийцев (согласно летописи) итогов 907 г. становится объяснимой приведенная выше в связи с набегом русов 860 г. констатация Фотием I «гнетущего и тяжкого удара».

В «Повести временных лет» есть и сведения об отправке в 912 г. Олегом «мужей своих заключить мир и установить договор между греками и русскими». На самом деле события эти относятся к 911 г., а данная летописная дата возникла вследствие того, что началом года на Руси, как и в Византии, считалось 1

марта. Целью княжеской инициативы, согласно источнику, являлось стремление «удостоверить» всегда «существовавшую между христианами и русскими» дружбу, засвидетельствовав «ее по вере и по закону нашему». Дружба определялась как «навсегда непревратная». Всего в договор вошло тринадцать статей, одна из которых касалась союзной помощи грекам со стороны Руси: в случае «набора в войско и эти (русские) захотят почтить вашего царя, и сколько бы ни пришло их в какое время, и захотят остаться у вашего царя по своей воле, то пусть так будет». Также был включен пункт о порядке службы русов в византийской армии. Византийский император Лев VI «почтил русских послов золотом, шелками, драгоценными тканями». Им продемонстрировали «церковную красоту», обучая «вере своей и показывая истинную веру», после чего правитель «отпустил их в свою землю с великою честью».

Следующий договор русов с византийцами, датированный 944 г., стал результатом походов уже утвердившегося во власти князя Игоря. Первая, завершившаяся провалом попытка заключения такового состоялась в 941 г. Среди причин политического фиаско летопись ненавязчиво преподносит неверие русов: «Много святых церквей предали монастыри и села пожгли и по обоим берегам Суда захватили немало богатств». К слову, описывая один из предшествовавших безуспешных походов русов, автор «Повести временных лет» употребляет фразу: «Разметало корабли безбожных русских». Второй же поход Игоря (943 г.) без военных столкновений увенчался заключением в 944 г. мирного договора византийцами, обязывающего последних к выплате дани: «Великий князь русский и бояре его пусть посылают в Греческую землю к великим царям греческим корабли, сколько хотят, с послами и с купцами, как это установлено для них». В целом договор имел военно-торговый характер, регулировал условия пребывания и торговли русских купцов в Византии. пунктом явилось соглашение Немаловажным его взаимопомощи: «О Корсунской стране¹⁵. Да не имеет права князь

-

¹⁵ Подразумевается Херсон, Херсонес – древнегреческий полис на юго-западном побережье Крыма. Вошедший в состав Византийской империи в V в. Херсонес (Корсунь), в IX в. стал одной из военно-административных областей Византии. – прим. авт.

русский воевать в тех странах, во всех городах той земли, и та страна да не покоряется вам, но когда попросит у нас воинов князь русский, чтобы воевать, дам ему, сколько ему будет нужно». В случае же нападения на «Корсунскую страну <...> черных болгар» – тюркских кочевых племен булгарского происхождения – «князю русскому» предоставлялось право «не пускать их» [1/а]. Необходимо подчеркнуть, что «херсонский» акцент в изложении неслучаен, поскольку ему было суждено сыграть значимую роль на этапе принятия Русью христианства. Анализируя договор, директор Института российской истории Андрей Сахаров констатирует «официальное заступление» Руси на «место Хазарии как союзника Византии на северных берегах Черного моря», отмечая фактическое согласие Константинополя на «превращение устья Днепра, Белобережья, острова Святого Елферия в русскую сферу влияния». Овладев же ключевыми позициями в районе Восточного Крыма, русские форпосты окружили византийские владения в этих землях с севера, востока и запада [14]. Русские владения вплотную подошли к хазарским границам.

Вместе с тем, в связи с договором 944 г. следует выделить один нюанс. В заключительной части договора сказано о клятве соблюдать его, с уточнением: «Те из нас, кто крещен, в соборной церкви клялись <...> А некрещеные русские кладут <...> оружие, чтобы поклясться». Этот факт свидетельствует в пользу того, что крещение, еще не обретшее массовость и масштаб, тем не менее уже не было бессмыслицей для русов.

Стоит отметить, что в том же году Игорь принял решение «пойти на древлян, желая взять с них еще большую дань». Древляне же убили его. После смерти Игоря править стала его супруга Ольга как регент наследника престола Святослава. Она серьезно отнеслась к управлению подвластными ей землями, установив точный размер взимаемой в пользу Киева дани — «уроков» («оброков») и периодичность их сбора («уставы»). С этой целью княгиня лично направилась в новгородские и псковские земли, в результате чего подвластные ей территории были поделены на административные единицы, управляемые подотчетными Киеву княжескими ставленниками («тиунами»). Далее же происходит отчетливая стыковка геополитики с

религией. В 955 г. Ольга «отправилась в Греческую землю и пришла к Царьграду», где византийский император Константин VIII назвал ее «достойной <...> царствовать с нами в столице нашей». Ольга согласилась получить крещение, «и крестил ее царь с патриархом» [1/а], после чего император сделал ей предложение, на которое, прекрасно осознавая политические последствия брака, Ольга благоразумно ответила отказом.

Однако принятием христианства она заложила фундамент дальнейших «обоснованных» притязаний Руси на вожделенный Константинополь.

Князь Святослав, Византия и Болгарское царство

В 964 г. в состав Киевской Руси были включены вятичи, находившиеся под контролем слабеющего Хазарского каганата. На следующий год подросший Святослав захватил хазарский Саркел. С его именем связано также подчинение восточной части Болгарского царства. Согласно «Повести временных лет», в 967 г. «пошел Святослав на Дунай на болгар, <...> одолел» их, взяв «городов 80 по Дунаю». После чего «сел княжить там в Переяславце, беря дань с греков» [1/б]. Точное местонахождение Преславца не установлено. Он отождествляется с болгарским городом Преславом или исчезнувшим городком Преславом Малым (Преславцем), находившимся некогда на нижнем Дунае в современной Румынии.

Подоплеку нападения князя на Болгарию раскрывают византийские источники. Современник событий, один из крупнейших византийских историков, писателей второй половины X в. Лев Диакон пишет, что в тот период на встрече с византийским императором Никифором Фокой «послы мисян» (болгар) передали ему требование болгарского царя Петра I о получении с Константинополя «обычной дани, за которой они и посланы теперь к василевсу». Возмутившись, Никифор приказал им «убираться в свою землю» и «выступил в поход против мисян». Однако решив «не подвергать опасности [своих людей] в непроходимых и опасных местах», он отозвал войско «и вернулся в Византию». Затем он направил «патрикия Калокира <...> к тавроскифам, которых в просторечии обычно называют

росами». Приказав «распределить между ними <...> золото», император поставил задачу «привести их в Мисию» для захвата страны [15/а]. «Завязав дружбу» со Святославом, Калокир «совратил его дарами и очаровал льстивыми речами», что представилось реализуемым постольку, поскольку «все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания». Но при этом Калокир преследовал и собственные цели. Дав добро Святославу «подчинить и удержать» Болгарию после победы «для собственного пребывания», он обратился к нему с просьбой оказать содействие патрикию «в борьбе за овладение престолом и ромейской державой» [15/б].

Византийский чиновник, хронист XI — начала XII в. Иоанн Скилица несколько иначе описывает исходные причины происшедшего. С его слов, в 967 г. Никифор Фока потребовал от болгарского царя Петра I обеспечить недопущение переправы через Дунай венгров, преследовавших цель «опустошать [владения] ромеев». Петр проигнорировал обращение, и Никифор направил Калофира к Святославу для склонения «к нападению на болгар» все теми же «обещаниями даров и немалых почестей». На следующий год русы «разорили многие города и села болгар, захватили обильную добычу и возвратились к себе» [16]. Примечательно то, что в византийских источниках упоминаний о княжении Святослава в Переяславце нет.

Как повествует «Повесть временных лет», в 969 г., многозначительно наименовав Переяславец «серединой земли моей», куда «стекаются блага из Греческой земли <...> Чехии, Венгрии <...> Руси», Святослав заявил о своем намерении жить на Дунае [1/а], что вполне можно было бы трактовать как шаг к реализации договоренностей с Калофиром. Лев Диакон сообщает, что двинулся Святослав в поход на болгар во главе войска «из шестидесяти тысяч <...> мужей» вместе с Калокиром, с которым он «соединился узами побратимства». Необходимо отметить, что этот поход, не будучи санкционирован официальным Константинополем, имел самостоятельный характер. Болгары «не вытерпели первого же обратились в бегство, и постыдным образом заперлись в

безопасной крепости своей Дористоле». Никифор тем самым оказался перед фактом войны как с болгарами, так и русами. Не «более договориться с таврами» и подчинить налеясь «окончательно уклонившегося от истинного пути» Калокира, император решил склонить на свою сторону болгар посредством династических браков. Не являясь выходцем из царского рода и не имея по рождению прав на императорскую корону, Никифор «попросил» у мисян «девиц царского рода» для выдачи их «замуж за сыновей василевса Романа» (предшественника Никифора Романа II). Болгары согласились, в Константинополь прибыли уже было невесты, но в конце года военачальник Иоанн Цимисхий организовал убийство Никифора, императорский престол [15/6].

Устроив «все дела управления», Иоанн в начале 970 г. «отрядил послов» к Святославу, которым было поручено предложить ему в обмен на «обещанную Никифором за набег на мисян награду» покинуть Болгарию. Но князь киевский «уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью». Он потребовал «выкуп за все захваченные» в ходе войны города и пленных, в противном же случае пусть византийцы «покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию», не надеясь на заключение мира. Начался период обмена угрожащими посланиями. После фразы Святослава, присутствующей в одном из таковых: «Мы сами разобьем вскоре свои шатры у ворот Византия», дабы «предупредить нашествие», Иоанн Цимисхий приказал военачальникам «собрать войско и отправиться в <...> пограничные с Мисией земли» тренировать воинов и объезжать страну, чтобы «она не потерпела никакого вреда от скифских набегов». Тут же «тавроскифы отделили от своего войска одну присоединили ней большое К число гуннов (тюркоязычный народ) и мисян и отправили их против ромеев», вторгнувшись в пределы византийской Фракии (весна 970 г.) [15/в]. Следовательно, к этому времени болгары имели союзнические отношения с русами.

После поражения русов под Аркадиополем войска вернулись в Болгарию, где провели остаток года. Но силы византийцев ослабила внутренняя оппозиция. Один из военачальников Варда

Фока (племянник Никифора Фоки), «склонившись к перевороту, убежал из Амасии, куда он был сослан» заявив, что именно ему «принадлежит верховная власть». Мятеж был подавлен другим военачальником по имени Варда — Склиром к концу 970 г. [15/г] (Сестра Фоки была женой брата Склира, патрикия Константина).

Весной 971 г. Иоанн Цимисхий возглавил поход на русов, атаковав Преслав, где находился болгарский царь Борис II. Достигнув успеха, византийцы двинулись к г. Доростолу, который был опорным пунктом Святослава в Болгарии. Между тем Святослав, отметивший переход болгар на сторону Византии, «созвал около трехсот наиболее родовитых и влиятельных из их числа» и с «бесчеловечной дикостью» расправился с ними: «Всех их он обезглавил, а многих других заключил в оковы и бросил в тюрьму» [15/д]. Длившаяся три месяца с переменным успехом битва за Доростол уносила лучшие силы византийцев и русов. Весьма показательно, что, описывая успех русов созвучно автору «Повести временных лет», считавшему неверие атаковавших причиной поражения киевских князей в византийских походах, Лев Диакон приходит к аналогичному выводу касательно одного локального эпизода, сочтя, что «родственник государя, магистр Иоанн стал добычей варварского неистовства, понеся кару за совершенные им против святых храмов преступления, ведь говорят, что он разграбил в Мисии много церквей и обратил в свое частное имущество их утварь и священные сосуды» [15/e].

На фоне военных действий Константинополь столкнулся с очередным бунтом, возглавленным братом Никифора Фоки Львом. Хотя мятеж был успешно подавлен, византийский император, будучи «удручен потерей времени» и сожалея о погибших «ромеях», согласно Иоанну Скилице, предложил Святославу поединок, призванный решить исход войны, мотивировав инициативу тем, что «надлежит решить дело смертью одного мужа, не убивая и не истощая силы народов» – кто из двоих одержит победу, тот станет «властелином всего». Реакцией князя стали «издевательские слова», а именно, ответное предложение императору выбрать вариант («какой захочет») собственной смерти [16].

Лишь после июльской битвы «израненный стрелами, потерявший много крови, едва» не попавший в плен Святослав «стал просить мира», выдвинув следующие условия: передача византийцам Доростола, освобождение пленных, уход из Болгарии в обмен на безопасное отплытие на родину, включая снабжение продовольствием отходящих. При том, что «ромеи <...> как прежде <...> будут считать своими друзьями» торговым делам Византии» посылаемых ≪ПО Согласившийся со всеми условиями Святослава Иоанн, «всего в четыре месяца» победивший «полчища россов <...> вернулся с большими трофеями в Византий». Приняв от горожан венцы и скипетры, император совершил «свой триумф посреди» Константинополя [15/е]. Надо признать, повод для радости действительно имел место. Северо-восточная Болгария оказалась присоединенной к Византии – независимыми остались только западные болгарские земли. Лишившийся царского титула Борис II стал византийским вельможей.

Естественно, «Повесть временных лет» описывает ситуацию в совершенно ином ключе, отнеся ее к 971 г.: «Пришел Святослав в Переяславец, и затворились болгары в городе». Захватив «приступом» город, Святослав поставил византийцев известность о планах взятия Константинополя: «Была жестокая сеча <...> греки бежали. Пошел Святослав к столице, воюя и разбивая города». Иоанн послал ему «дары», но тот велел спрятать их, приняв в дар «меч и другое оружие» от следующей депутации. Затем он взял дань «и даров много» и возвратился в Переяславец «со славою великою». Кроме того, согласно приводимым в этом источнике статьям русо-византийского договора 971 г., Святослав обязался отказаться «замышлять на страну вашу, <...> собирать на нее воинов», наводить «иной включая находящиеся «под властью греческой» народ», территории. Среди них указывалась и «корсунская страна и все города тамошние». Далее подводился итог: при нападении «иного кто» на Византию, «я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы неизменным договор».

А уже из Переяславца Святослав «в ладьях отправился к порогам», не прислушавшись к совету обойти их «на конях, ибо

стоят у [них] печенеги¹⁶». Решив, предположительно, отомстить Святославу, переяславцы известили печенегов, возвращается «с небольшой дружиной», имея при себе «много богатства и пленных без числа». Не сумев пройти пороги, на которые заступили печенеги, Святослав остановился зимовать в Белобережье 17 [1/а,б]. В этой связи Иоанн Скилица отводит всяческие подозрения от византийцев, отмечая, что «по просьбе Свендослава» Василий отправил к печенегам посольство с предложением не только «стать его друзьями и союзниками, не переходить через Истр и не опустошать Болгарию», но и «беспрепятственно пропустить росов пройти через их землю» для возвращения домой. Печенеги «заключили договор на предложенных условиях, отказавшись только пропустить росов» [16]. Весной 972 г. направившийся к порогам Святослав подвергся нападению князя печенежского, «и убили Святослава, и взяли голову его, и сделали чашу из черепа, оковав его, и пили из него» [1/б].

На геополитическом поле русы и византийцы встретились спустя 15 лет при совершенно иных обстоятельствах. Поэтому представляется целесообразным хотя бы в общих штрихах проследить, как стороны двигались навстречу друг к другу.

Владимир Святославич

После смерти князя Святослава во главе Киева стал один из его сыновей — Ярополк. Другой сын, Олег, оказался хозяином Древлянской земли. Третий, Владимир, с 970 г. княжил в Новгороде. Он был внебрачным сыном Святослава от Малуши — «ключницы Ольгиной». Начиная с 975 г. между первыми братьями обострились отношения. Как следствие, в 977 г. «пошел Ярополк на брата своего Олега в Деревскую землю» и поверг его. Получив об этом известие, Владимир «испугался и бежал за море». Ярополк же, назначив «своих посадников в Новгороде», завладел «один Русскою землею». В 980 г. «Владимир вернулся в Новгород с варягами», сообщив

¹⁶ Союз тюркских племен. – прим. авт.

¹⁷ Полоса побережных земель, включающая территорию всей нынешней Кинбурнской косы, расположенной в Николаевской и Херсонской областях Украины; на тот момент состояла из нескольких крупных островов, прорезанных протоками днепровской дельты. – прим. авт.

посадникам Ярополка о готовности «с ним биться». Захватив по пути Полоцк, подошел Владимир «к Киеву с большим войском», но Ярополк «затворился» в городе «со своими людьми». «Повесть временных лет» повествует о том, как Владимир заманил Ярополка на переговоры, в преддверии которых «два варяга подняли его мечами под пазухи». После чего «стал Владимир княжить в Киеве один» [1/6].

Однако согласно труду «Память и похвала русскому князю Владимиру», авторство которого приписывают монаху XI века Иакову Черноризцу-Мниху, «сел в Киеве князь Владимир в <...> 978 г.» [17]. Владимир «поставил кумиры на холме¹⁸», которым «приносили жертвы, называя их богами, и приводили своих сыновей и дочерей, и приносили жертвы бесам». На этом фоне князь приступает к активной внешнеполитической деятельности. В 981 г. «пошел Владимир на поляков и захватил <...> Перемышль, Червен и другие города» на Волыни. Тогда же он «завоевал» земли ятвягов¹⁹, получив выход на Балтику. В 984 г. настал черед атаки Владимиром «радимичей» [1/б], населяющих междуречье верхнего Днепра и реки Сож в черте нынешних Гомельской и Брянской областей, что есть фактически территория между Киевом и Новгородскими землями. В 985 г. Владимир «серебряных болгар²⁰ победил» и хазар, и «дань на них положил» [17].

Киев усиливался на всех географических направлениях. Как представляется, многие правители пытались заручиться его поддержкой посредством использования религиозного фактора. Да и сам Владимир, разумеется, не мог не понимать, что для усиления международного авторитета Русь должна была принять в качестве официально-государственной одну из мировых религий. Наверняка, он просчитывал перспективы этого решения, прежде всего геополитические. И довольно серьезно.

В 986 г. «пришли болгары магометанской веры», уговаривая Владимира уверовать «в закон наш» и «поклониться Магомету». Но, как свидетельствует «Повесть временных лет», князь «любил

_

¹⁸ Пантеон идолов. – прим. авт.

¹⁹ Балтоязычное племя, населявшее довольно обширные земли на территории современных Беларуси, Польши и Литвы. – прим. авт.

²⁰ Волжские булгары. – прим. авт.

всякий блуд <...> ему нелюбо обрезание и воздержание от свиного мяса», к тому же сказал он: «Руси есть веселие пить: не можем без того быть». Затем гонцы от Папы Римского, упомянутые в летописи как «немцы», наткнулись на непонимание из-за неприятия этой ветви христианства «отцами нашими». «Хазарским евреям» Владимир заявил: «Как вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны?» После настал черед греков. А что же в это время происходило в Византии?

Мятеж Варды Фоки, принцесса Анна и крещение Руси

После смерти Иоанна I Цимисхия, в начале 976 г. императорский престол занял Василий II. За год он, будучи руководителем правительства, сместил с ключевого поста командующего восточной армией Варду Склира, который немедля поднял мятеж. Однако здесь суждено было проявиться уникальнейшим гримасам истории. Для противодействия мятежнику Василий вызволил из изгнания Варду Фоку, который с радостью вернул своему тезке «долг» по подавлению мятежа, и в 979 г. Склир с семьей бежал в Багдад, найдя пристанище при дворе халифа. Там он обещал амиру ал-умара и амиру Ирака и Ахваза Адуд ад-Дауле «из своих владений, обязавшись, если победит, несколько крепостей из тех, которые греки заняли и вырвали из рук мусульман». С этими известиями Адуд ад-Даула отправил своего доверенного человека к Василию, потребовав от него «сдачи этих крепостей». В противном случае он грозил поддерживать Склира «в его намерении воевать с царем». Василий на шантаж не отреагировал, и вскоре Адуд ад-Даула скончался. Склир вынужден был оставаться фактически в почетном заточении. Однако через 8 лет исторические декорации меняют тон.

В 986 г. Василий II попытался завоевать западные земли Болгарии, но «обратился [летом] в бегство царь и все его войско». Причем «преследовали его болгары и разграбили обоз и казну». Как отмечает в этой связи известный сирийский историк XI века Яхъя Антиохийский, сведения о происшедшем стали достоянием Склира, и он «послал к Самсам алдауле²¹, прося

_

²¹ Сын Адуда-ал-Даула, амир ал-умара и амир Ирака. – прим. авт.

отпустить его» с целью исполнения обещанного отцу амира. Самсам ал-даула согласился, и Склир вернулся в Константинополь. Постепенно его «положение усилилось», и Василий, возвратив Варде Фоке «звание доместика <...> предписал ему идти на Склира», предварительно снабдив его войсками [18]. Однако ситуация приняла поистине непредвиденный оборот.

Согласно византийскому писателю Михаилу Пселлу, тезки разделили военные силы «на две части», придав мятежу «новый размах» [19].

В действительности же, как о том свидетельствует Яхъя Фока посредством родственных Антиохийский. договорился со Склиром объединить усилия против императора, чтобы после победы поделить Византию по принципу «Фока в городе Константинополе, а Склир вне его». Таким образом, первый становился потенциальным «обладателем» европейских владений империи, а второй – азиатских. По всей видимости, это было игрой Фоки, опасавшегося в борьбе за неблагонадежного в его глазах родственника. После очередной встречи «Фока схватил Склира», любезно предоставив ему почетнейшую ссылку в крепость под надзор своей супруги, договоренности исполнить после получения императорского престола [18].

В сентябре 987 г. Фока провозгласил себя императором. Успешно овладевая имперскими территориями, к концу года «дошли войска его до Хрисополя». Это вызвало озабоченность Василия II «по причине силы его войск и победы его над ним», в связи с чем преемник Иоанна I Цимисхия обратился «к царю руссов — а они его враги <...> помочь ему». По всей видимости, речь может идти о конце 987 г. Князь Владимир ответил согласием, выдвинув, сообразно сведениям арабоязычного историка, в качестве требования соблюдение так называемого «договора о свойстве», дающего добро императора на брак его единственной сестры Анны и князя при условии, «чтобы он крестился и весь народ его страны» [19].

Если взять за основу приблизительное время константинопольского посольства к Владимиру и учесть наверняка нелегкий ход переговоров, вынуждавший

посланников неоднократно советоваться с «центром», то можно предположить, что заключение «дела о браке», вероятно, пришлось на конец первой четверти 988 г. Вряд ли, конечно, Василий легко согласился на этот брачный союз. Еще дедушка Василия и Анны, император Константин VII Багрянородный наказывал их отцу – императору Роману II – «отклонить» быть может возымеющую место «когда-либо» просьбу любого народа из «неверных и нечестивых северных племен о родстве», в частности путем женитьбы на дочери «василевса ромеев». Предполагаемое крещение несколько смягчало ситуацию, но ведь Константин VII очевидно руководствовался в своих наставлениях не только религиозными приоритетами, но еще и соображением «благородства их родов» [20].

Однако положение Василия было поистине отчаянным, что явствует из относящегося к апрелю 988 г. закона императора, в соответствии с которым изданная в 964 г. «занявшим царство» Никифором новелла, провозглашающая вето на строительство новых монастырей и богаделен, объявлялась «недействующим, отмененным и не имеющим силы» документом [21]. В этой связи следует отметить, что на момент введения вето кампания по возведению монастырей обрела огромную популярность и размах, и в числе ее причин закон назвал «суетную славу и явное безумие» людей, стремящихся «заводить собственные новые монастыри, дабы не только мы сами могли самоуслаждаться суетным титулом [основателей], но дабы наше стояло явно и отдельно». Ввиду этого новеллой воспрещалось завещание полей и поместий «монастырям, богадельням и странноприимным домам или же митрополитам и епископам» [22].

Возможно, подоплекой появления данного закона были несколько иные обстоятельства. Происходивший не из царского рода Никифор не имел по рождению прав на императорскую корону, на что всегда могла сослаться его оппозиция. Новеллой же он ослаблял позиции византийской аристократии, в которую наряду с землевладельческим сословием входило и духовенство. Но Василию было не до этих тонкостей, и, усмотрев в законе 964 г. «корни настоящих бедствий» вкупе с причинами «ниспровержения и смятения всей вселенной», он решил заручиться поддержкой церкви.

Как бы то ни было, той же весной прибывшие «войска русов соединились» с греками и «победили Фоку», в результате чего, по всей видимости, ближе к концу 988 г. «завладел Василий приморскою областью» [21].

Крещение Руси: геополитика и даты

Но как раз здесь проявилась одна заслуживающая особого внимания деталь. Сирийский историк Яхъя Антиохийский, описывая процесс заключения «договора о свойстве» и русогреческого объединения, отмечает тот факт, что послал к Владимиру «Василий впоследствии митрополитов и епископов», которые «окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов» [18]. Судя по этой цитате крещение непосредственно Владимира, Руси и его женитьба на Анне произошли после русо-византийской атаки на Варду Факу, то есть, по меньшей мере, до конца 988 г. Так ли это на самом деле? Обратимся к «Повести временных лет».

Отмечая факт воздействия внешних сил на Владимира при вынесении им решения о принятии одной из мировых религий в течение 986-987 гг., летопись сообщает о созыве князем в 987 г. «бояр своих и старцев градских» с целью совещания и утверждения окончательного решения. Предварительно князь отправляет за рубеж «мужей славных и умных, числом 10», призвав их: «Испытайте веру» – на местах. Последней из посещенных ими оказалась «Греческая земля», где прибывших подробно ознакомили с процессом православного богослужения. После чего «царь Василий» отпустил их «с дарами великими и с честью». Возвратившись, они сообщили князю, что у мусульман нет «веселья, только печаль и смрад великий», на службе католиков «красоты не видели никакой», а вот у греков -«зрелище и красота». Таким образом, ключевым моментом в повествовании стал обрядовый фактор – роскошность и внешняя выразительность богослужения, то есть его зрелищность и красота.

Вместе с тем, параллельно был озвучен немаловажный в условиях необходимости выбора исторический прецедент –

принятие православия «мудрейшей из всех людей» Ольгой, бабушкой князя. С аргументами Владимир согласился, и на вопрос «где примем крещение?» получил ответ «где тебе любо» [1/б]. На этом описание событий 987 г. в данном источнике завершается.

Следовательно, этот эпизод относится к концу года. В каком бы виде ни преподносил автор летописи предысторию решения Владимира о принятии христианства, он совпадает во времени с началом контактов между константинопольским императором и киевским князем, в том числе по вопросу о крещении Руси. Но это не единственное совпадение: «Повесть временных лет» также не дает каких-либо дополнительных данных на тему «киевский князь – крещение» за 987 г.

Вместе с тем, в «Житие» Владимира есть такая фраза: «По святом же крещеньи поживе блаженный князь Володимерь 28 лет» [17]. С учетом того, что датой рождения князя обычно указывается «ок. 960», если брать за основу 959 г., то 28-летие Владимира приходится на 987 г. В принципе, в этом никакого курьеза нет. В вышеприведенных условиях договора между Василием и князем четко озвучено требование, «чтобы он крестился и весь народ его страны». Следовательно, могла быть оговорена, в частности, поэтапность процедуры крещения, первоначальное крещение непосредственно включавшая Владимира. Что он, судя по «Житию», и совершил в 987 г. Нельзя исключать и вероятность присутствия в составе посольства представителей Василия высших слоев византийского духовенства. Поэтому остановимся на версии о том, что этот шаг был предпринят князем в рамках реализации вышеупомянутого «договора о свойстве».

Теперь вернемся к «Повести временных лет», начинающей рассказ о 988 г. с упоминания о походе Владимира «с войском на Корсунь», когда он остановился «в расстоянии полета стрелы от города» [1/б]. Но что стояло за этим походом? Выдающийся русский ученый XVIII в. Михаил Ломоносов видит причину в «жажде» крещения «уже обращенного сердцем» Владимира. Который, «помня свое и предков в военном мужестве преимущество перед греками, желание свое намерился прикрыть важным предприятием, дабы греческие цари и греки не стали

величаться ради российской уклонности в прошении крещения» [22]. Тот факт, что по М. Ломоносову в 988 г. князь Владимир еще не крещен, не удивителен, поскольку в своем сочинении мыслитель опирался исключительно на летопись. Другое дело, что М. Ломоносов, пусть и опосредованно, но представляет политический фон подхода войск Владимира к Корсуни. Однако совместная русо-византийская атака в середине 988 г. на взбунтовавшегося Варду и успешное овладение Василием к концу года приморской областью свидетельствуют, что в этот период между византийским императором и киевским князем вряд ли могли возникнуть какие-то серьезные противоречия.

Согласно же «Повести временных лет», войдя после длительной осады «с дружиною своей» в Корсунь, Владимир довел до императора свои требования: «Взял уже ваш город славный; слышал же, что имеете сестру девицу; если не отдадите ее за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу». Получив утвердительный ответ при условии необходимости креститься, Владимир дал на то свое согласие, вслед за чем византийцы «послали сестру свою <...> и вышли корсунцы навстречу ей с поклоном». Владимир тут же «повелел крестить себя», после чего «привели царицу для совершения брака». Затем «Корсунь отдал грекам как вено 22 за царицу», возвратившись с семьей в Киев, получив напутствие не принимать «учения от латинян». В Киеве он приказал избавиться от идолов, призвав всех жителей креститься. И вышел «с попами царицыными и корсунскими на Днепр», где «сошлось людей без числа», которые, «крестившись, разошлись по домам» [1/б]. Завершив описание этого эпизода, автор источника переходит к отображению событий 989 г.

Таким образом, на основе данного отрывка вырисовывается следующая картина: византийский император отказался соблюсти (или задержал) исполнение одного из основных пунктов «договора о свойстве» — выдачу Анны замуж за Владимира, — и последний силой вынудил Константинополь предоставить обещанное, вернув за это предварительно захваченный Херсонес. Но тогда получается, что все

²² Выкуп. – прим. авт.

представленные выше выкладки, касающиеся весенней атаки русов на византийского мятежника и успехов Василия к концу 988 г., неверны хронологически. Или же захват Корсуни, приведший к моментальной выдаче Анны замуж за киевского князя, состоялся в первой четверти 988 г. (в крайнем случае, в конце этого периода)? Однако Яхъя Антиохийский дает конкретные сведения о том, что «8 марта 989 г.²³ выступил царь Василий и брат его Константин со своими войсками и с войсками руссов, и столкнулись с Вардою Фокою в Абидосе <...> и победили Фоку; и был он убит 13 апреля того же года» [18]. Следует ли отсюда, что русо-византийский тандем не подавил в 988 г. мятеж Варды? Не предстает ли правдоподобной в этом случае – несмотря на хронологическую ошибку – версия «Повести временных лет», согласно которой Владимир взял Корсунь из-за невозможности осуществить бракосочетание с Анной? Вполне возможно, что Василий, приблизившись к победе над мятежниками при помощи русов к концу 988 г., вдруг решил приостановить исполнение «договора о свойствах», из-за чего русы не только перестали соблюдать союзнические обязательства по отношению к императору, но и заставили Константинополь отдать Анну за Владимира. Благодаря этому Варде удалось вернуть свои позиции, поскольку лишившееся поддержки войско Василия было вынуждено биться не только с Фокой, но и с захватчиками Корсуни.

Если эта гипотеза верна, тогда Владимир все действительно просчитал до мелочей: по прибытии к нему невесты он вернул Корсунь, выполнил пункт о крещении и сразу же отправил войска на подмогу Василию, обеспечив победу над Вардой Фокой.

Лев Диакон говорит о «взятии тавроскифами Херсона» [15/ж] в 989 г. Упоминание о народе «тавроскифов» впервые встречается у римского географа Птолемея, указавшего, что ареалом их расселения являются низовья Днепра. Другие римские и византийские авторы считали это племя проживавшим в Крыму. Лев Диакон первым использовал данный этноним применительно к русам. «Житие» также подтверждает, что

²³ Возможно, несколько позже. – прим. авт.

Владимир «на другое лето по крещении²⁴ к порогом ходи, на третье лето Корсунь город взя» [17]. В то же время, не называя точной даты события, Лев Диакон предоставляет другие ценнейшие сведения, проливающие свет на время этого события. Он пишет, что захват Корсуни «и завоевание мисянами Веррии», подразумевая под мисянами болгар, а под Веррией современный греческий г. Верия, знаменовали «восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью в северной части неба». Далее историк говорит о «комете» [15/ж].

По сообщению ряда источников, авторитетный исследователь истории, российский византинист XIX в., основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения Василий Васильевский путем сопоставления различных данных о том периоде определил, что «огненные столбы», являясь на самом деле не чем иным, как северным сиянием, были видны 7 апреля, а комета показалась 27 июля. Соответственно, захват Корсуни и взятие Веррии произошли между этими датами. Что возможно лишь в том случае, если в изложении Льва Диакона не имела «симметричность», приурочивавшая знамению особое событие» [23]. Но если рассматривать даты 7 апреля и 27 июля по отдельности, то вырисовывается такая картина: в марте войска русов и византийцев начинают атаковать силы Варды в Абидосе; появившиеся 7 апреля «огненные столбы» знаменуют «взятие тавроскифами Херсона», но все же тандем наносит поражение Фоке, убитому 13 апреля. Если эту версию сопоставить с описанием аналогичного события в «Повести временных лет» – с учетом хронологических погрешностей, – тогда окончательный вариант исторического сценария будет выглядеть так: столкнувшись с нежеланием Василия отдать сестру за Владимира (на фоне успеха против мятежников) или, как минимум, опасаясь этого, киевский князь осаждает Корсунь. Но и это не дает результатов вплоть до захвата Владимиром города и приостановки им совместной византийцами атаки против Варды (7 апреля 989 г.). Лишь с утратой Херсона Василий исполняет обязательства. Владимир

²⁴ То есть после 987 г. – прим. авт.

заполучает Анну, после чего принимает православие, обеспечивая крещение населения. Одновременно с этим он возвращает Корсунь и помогает Василию нанести окончательное поражение Варде. Таким образом, с учетом вышеизложенного христианизация Руси приходится на 989 г. Правда, при этом остается одно «но» (хотя, возможно, и не единственное). После смерти Фоки мятеж продолжился — его супруга «выпустила Склира», вокруг которого стало собираться окружение первого.

Что касается «небесных знамений», то, как отмечают некоторые эксперты, в 989 г. «осенью, в седьмой луне, около созвездия Дунцзин появилась комета, находившаяся там в течение тридцати дней» [24]. Также известно, что построившие «астрономо-математическую теорию движения кометы Галлея» (начало XX в.) астрономы «Коуэлл (Cowell) и Кроммелин (Crommelin) <...> рассчитали [ee] теоретические появления в прошлое». Согласно этим данным, в сентябре 989 г. комета проходила «через перигелий» [25] – ближайшую к Солнцу точку орбиты небесного тела, движущегося вокруг него по одному из конических сечений (эллипсу, параболе или гиперболе). проблем «небесноастрономического» Возможно, характера, воспринятых им в качестве предзнаменования, Василий решил исполнить обещанное Владимиру и пойти на примирение со Склиром. Первому была отдана Анна, второму 11 октября предоставлен титул куропалата ²⁵ и ряд областей во владение. Солидные преференции заработало и окружение Склира [18].

Соответственно, в таком случае связка «Корсунь – Анна – крещение – Корсунь» сработала осенью 989 г. Ну так что же, все по новому кругу? Конец 989 г. или даже начало 990-го?!

Взгляд А. Поппэ

Однако существует еще одна крайне любопытная версия трактовки околокорсунских событий. Ее автор — профессор исторического института Варшавского университета Анджей Поппэ. По его мнению, «поход Владимира на Херсонес был направлен не против Византийской империи, а имел целью

_

 $^{^{25}}$ Придворный чин — прим. авт.

поддержать законного византийского императора». Иными словами, «князь действовал не против города, лояльного по отношению к императору Василию, а против мятежного», поддержавшего Фоку. Историк пишет, что Херсонесу всегда были присущи сепаратистские тенденции, поэтому вполне вероятен переход городских властей на сторону Варды Фоки с надеждой «на большую автономию». В принципе, здесь стоит вспомнить специальные «корсунские» пункты в русовизантийских договорах 944 и 971 гг. На что и ссылается А. Поппэ, вместе с тем предполагая, что «новая измена города» актуализировала «корсунскую» статью договора 944 г., предусматривавшую участие в решении проблемы русов.

Кроме того, по мнению польского историка, крещение Владимира могло произойти 1 января 988 г. Вслед за чем, согласно А. Поппэ, в жизни князя произошло другое стержневое событие, связанное с описанным в летописи путешествии к днепровским порогам. Исследователь называет «определенной» дату похода, обозначая таковой первую половину 988 г., «в период навигации на Днепре <...> т. е. с весны до осени». Согласно его версии, Владимир «мог выступить навстречу своей невесте» для обеспечения ее «безопасной переправы через опасные днепровские пороги» с дальнейшим сопровождением. К этой мысли исследователя подвела существовавшая «в середине XII столетия» традиция, согласно которой князья русов «выходили к порогам или даже устью Днепра навстречу невесте и ее свите». В пользу гипотезы А. Поппэ свидетельствует тот факт, что во взаимоотношениях между Василием II и Владимиром не наблюдалось никаких проблем, следовательно, император Византии выполнил обязательства по выдаче сестры замуж за князя после его крещения. А вслед за прибытием Анны произошло «массовое крещение киевлян в водах Днепра», попадающее, по всей вероятности, «на пятидесятницу 988 г.» – на 50-й день после Пасхи, а значит на конец весны. Далее же последовало взятие росами мятежной по отношению к императору Корсуни. Таким образом, согласно точке зрения А. Поппэ, обе стороны выполнили условия «договора о свойстве» без давления с чьей-либо стороны [26].

Бесспорно, интерпретация польского историка имеет право на существование. Тем не менее, спасти империю от «реализации» природных «предзнаменований» Василию II не удалось. В день, когда «праздновалась память великомученика Димитрия», Византию постигло «страшное землетрясение», которое опрокинуло башни, «причинило смерть многим <...> жителям <...> разрушило и сбросило на землю купол и западный свод великой церкви» [18] — храма Святой Софии, который после взятия Константинополя османами был обращен в мечеть «Айя-София».

Заключение

Таким образом, вся логика событий, предшествовавших крещению Руси, свидетельствует о геополитической основе выбора христианства религией Руси. Вопреки сказанным впоследствии словам Иллариона – первого этнически русского митрополита, поставленного во главе Киевской митрополии в 1051 г., – который связывал стремление Владимира «быть христианином и земле его также быть» с тем, что он «всегда слышал о благоверной земле греческой, христолюбивой и сильной верою: как (там) Бога Единого в Троице почитают и поклоняются (Ему)» [27].

В целом, принятие православия вкупе со свершившимся браком между Владимиром и Анной привело не просто к развитию союзнических взаимоотношений Руси с Константинополем. По меткому выражению русского философа, публициста, монархиста по убеждению Льва Тихомирова, «женитьба Владимира на Византийской принцессе» внушила ему «мысль о царственном праве на Верховную власть» [28]. Поэтому Владимир стал уделять религиозному фактору огромнейшее значение, озвучив задачу «собирать у лучших людей детей и отдавать их в обучение книжное» [1/б].

В свою очередь, изначально (с 988 г.) на Руси утвердилось славянское богослужение и славянская книжность. Языком богослужения стал южнославянский по своему происхождению церковнославянский язык, возникший благодаря выходцам из византийского г. Салоники, братьям Кириллу и Мефодию.

Согласно «Повести временных лет», последний с помощью «хороших скорописцев» перевел «все книги полностью с греческого языка на славянский». А «славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне; хоть и полянами назывались, но речь была славянской» [1/а]. По мнению русского писателя XIX в. графа Михаила Толстого, в отличие от непонятной для народа латинской Библии «проповедник православный приносил Священное писание в переводе на язык того народа, к которому он обращался с проповедью; сила его проповеди заключалась в силе Слова Божия; вместо него действовала на душу язычника сама Библия. Так было и в России 26, для которой уже был готов перевод Священных книг – труд святых Кирилла и Мефодия»» [29].

Однако специалисты отмечают отсутствие хоть сколько-то существенного тождества между древнерусским церковнославянским языком во всех его формах. Виктор Живов, российский филолог, специалист в области истории русского языка, литературы и культуры, пишет, что «с самого начала церковнославянский был языком книжным. отчетливо противопоставленным бытовому разговорному языку». С его слов, «русский и церковнославянский понимались не как разные языки, а как разные варианты одного», разграничиваясь - книжного применения «сферами и некнижного: церковнославянски не вели бытовых разговоров, а по-русски не молились» [30]. Ввиду чего в X-XI вв. церковнославянский принял функции книжно-литературного языка.

Вместе с тем, уже к концу X в. на Руси становятся известны номоканоны (византийские сборники на славянском языке в 50 и 14 титулов), касающиеся церковных правил и императорских указов, изданная в 741 г. императором Львом III Исавром эклога (кодекс византийского законодательства), а также вышедший в конце VIII в. «Прохирон», который именовался «Градским Законом» или «Ручной Книгой законов». Впоследствии все эти церковно-юридические документы — так называемые «Кормчие Книги» — стали полноправными законодательными актами.

²⁶ Напомним, что в период, о котором говорит Толстой, ни государственного образования, ни географической территории с названием «Россия» не было. – прим. авт.

Вслед за чем настал черед возникновения института церковных судов.

Одновременно с этим в «образ» русской власти плавно переходили присущие византийскому двору пышность и роскошь. Как отмечает ректор Свято-Владимирской Духовной Академии Американской Православной Церкви (Нью-Йорк, США) протоиерей Иоанн Мейендорф, Киев быстро принял византийские традиции «за образец своего собственного культурного развития». Поэтому после крещения «в глазах византийцев» Русь «становилась частью империи» [31].

- 1. Повесть временных лет a/ http://www.hrono.info/dokum/povest1.html б/ http://www.hrono.info/dokum/povest2.html
- 2. Цит. по: Зарубежные источники по истории Руси как предмет исследования. Гл. 3
- http://www.lants.tellur.ru:8100/history/DRSZI/II.3.htm
- 3. Святейшего Фотия, архиепископа Константинопольского, первая гомилия «На нашествие росов»

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/860-880/Fotij/text1.htm

4. Бертинские анналы

http://www.vostlit.info/Texts/rus14/Annales_Bertiani/text2.phtml

5. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории древнерусского государства (IX–X вв.)

http://janaberestova.narod.ru/mp.htm

- 6. Geographus Bavarus, Text der Handschrift http://www.idrisi.narod.ru/geo-bavar.htm
- 7. Алекперов А. О походах русов на Каспий и в Азербайджан

http://karabakh-doc.azerall.info/ru/turkologiya/trk027.htm

8. См. подробнее: Алекперов А. О происхождении каганата (государства) "Рус"ов

http://karabakh-doc.azerall.info/ru/turkologiya/trk011.htm; Алекперов А. Ф. Саклабы. К постановке проблемы.

http://karabakh-doc.azerall.info/ru/turkologiya/trk002.htm;

Алекперов А. Ф. К интерпретации одного рассказа в сообщении персидского анонима «Худуд ал-Алем» http://karabakh-doc.azerall.info/ru/turkologiya/trk013.htm

9. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран http://www.vostlit.info/Texts/rus2/Hordabeh/frametext8.htm

10. Окружное послание Фотия, Патриарха Константинопольского, к Восточным Архиерейским Престолам

http://myriobiblion.byzantion.ru/photius/okr_posl.htm

11. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей

http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/ProdFeof/04.php

12. Ответ С. Трояновского

http://www.novgorod1150.ru/ask/

13. Миндолин В. Русский социум X–XI вв.

http://zfmsh.nsu.ru/zfmsh/video/mindolin_soc.doc

- 14. Сахаров Андрей Николаевич. Дипломатия Святослава http://www.hrono.ru/libris/saharov01.html
- 15. Лев Диакон. История

a/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%20 IV.htm

6/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%2 0V.htm?

B/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%20 VI.htm?

r/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%20 VII.htm?

д/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%2 0VIII.htm?

e/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%20 IX.htm?

ж/http://www.ropnet.ru/sapsan/text/bizant/diakon/books/book%2 0X.htm

- 16. Иоанн Скилица. Обозрение историй
- http://www.vostlit.info/Texts/rus/Skyliza/text3.phtml
- 17. Похвала равноапостольному князю Владимиру и житие его, сочинение мниха Иакова

http://www.krotov.info/acts/11/2/vladimiru_pamyat.htm

18. Яхъя Антиохийский. Летопись

http://www.vostlit.info/Texts/rus/Yahya/text1.phtml?id=1996

19. Михаил Пселл. Хронография

http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Psell_M/text1.phtml?id=671

- 20. Константин Багрянородный. Об управлении империей http://oldru.narod.ru/biblio/kb imp1.htm
- 21. Новелла 988 г. Василия Болгаробойцы http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/X/980-1000/Vasilij II/ novella 988.htm Новелла императора Никифора Фоки 964 г.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/X/960-980/Nikifor Foka/novella 964.htm

22. Ломоносов М. Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года

http://www.kirsoft.com.ru/freedom/KSNews 456.htm

23. См. подробнее: Комментарии

http://www.vostlit.info/Texts/rus/Yahya/primtext4.phtml

24. См. Маркабов М. Анализ астрономических явлений описанных в истории государства Киданей http://new.chronologia.org/volume4/m_kid2.html

25. См. подробнее: Носовский Г. В., Фоменко А. Т. Империя

http://lib.ru/FOMENKOAT/imperia1.txt_Piece40.12

26. Поппэ Анджей. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) http://narod.ru/disk/11351956000/poppe_kreschenie.pdf.html

- 27. Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона http://www.vehi.net/oldrussian/slovo.html
- 28. Тихомиров Л. Монархическая государственность http://society.polbu.ru/tihomirov monarhgosud/ch61 i.html
- 29. Граф М. В. Толстой. Рассказы из истории Русской Церкви

http://www.magister.msk.ru/library/bible/history/tolstm01.htm

30. Живов В. М. О церковнославянском языке

http://www.philology.ru/linguistics2/zhivov-01.htm

31. Протоиерей Иоанн Мейендорф. Византия и Московская Русь. Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке

http://vizantia.info/docs/155.htm

РУСЬ КАК СФЕРА ИНТЕРЕСОВ КОНСТАНТИНОПОЛЯ И РИМА

Ветви христианства между Польшей и Русью

Около 960 г. во главе небольшого польского княжества Великая Польша с центром в Гнезно стал Мешко I, явившись первым исторически достоверным польским правителем. Присоединив Восточное Поморье – историческую область на севере Польши, расположенную на берегу Гданьского залива Балтийского моря, – он решил прибрать к рукам и его западную часть. Но, столкнувшись с сопротивлением немецких князей, польский князь оказался вынужден заключить императором Священной Римской империи Оттоном I. Помимо «фактора Оттона» принятию Мешко христианства в 966 г. по латинскому (католическому) обряду способствовала женитьба на чешской принцессе Дубравке. Тем самым исчезли какие бы то ни было препоны для овладения князем Западным Поморьем, что и произошло в 967 г. Хотя Великопольская хроника причинами «таинства святого крещения» поляков называет лишь факты состоявшегося брачного союза да «божественного вдохновения» [1], согласие Мешко на уплату дани императору за Западное Поморье являет собой неоспоримое свидетельство присутствия в нем геополитической подосновы.

В то же время, на рубеже 990-х гг. князь объявил Польшу ленным владением Папы Римского, стремясь обезопасить страну от немецких вторжений. Император Оттон III попытался смягчить ситуацию, освободив Польшу от ленных обязанностей и даровав преемнику Мешко Болеславу I титул «Брата и партнера империи». Однако со смертью Оттона противостояние между поляками и немецкими князьями обрело новую силу.

Как уже было отмечено ранее, принятие православия вкупе со свершившимся браком между Владимиром и Анной привело не просто к развитию союзнических взаимоотношений Руси с Константинополем.

Что же касается уже упомянутых номоканонов, то причиной принятия этих документов была далеко не идея единения с Византией при признании первенства последней. Речь,

повторимся, могла идти лишь о главенстве — пусть и в перспективе — Руси над православным миром посредством овладения Константинопольским престолом: в прямом и переносном смысле.

Что же касается уже упомянутых номоканонов, то причиной принятия этих документов была далеко не идея единения с Византией при признании первенства последней. Речь, повторимся, могла идти лишь о главенстве — пусть и в перспективе — Руси над православным миром посредством овладения Константинопольским престолом: в прямом и переносном смысле.

Таким образом, в предпринятых вскоре русскими князьями геополитических акциях, которые имели явно выраженный конфессиональный уклон, нет ничего удивительного. Другое дело, что осуществлялись они на «восточном направлении», между тем как на «западном направлении» развивались русскопольские отношения — через внутренние междоусобицы и тесные родственные связи.

Княжеские междоусобицы

В 1010 г. Владимир посадил на княжение в Новгороде своего сына Ярослава, известного впоследствии как Мудрый, который в 1014 г. отказался от уплаты отцу традиционной дани в две тысячи гривен серебра. Ряд исследователей причиной демарша Ярослава считают намерения Владимира передать Новгород младшему сыну Борису. Как бы то ни было, Владимир решил «территориально» проучить сына и, выделив из Новгородской земли Псков, отдал его под княжение брату Ярослава Судиславу.

В то же время, согласно «Повести временных лет», Ярослав опирался на варягов, несших «насилие новгородцам и женам их», в связи с чем местные жители «восстали и перебили» их. Тогда князь отличившихся в этом «лучших мужей» из новогородцев пригласил на переговоры, но, «обманув их, перебил» [2]. Вскоре насилие прекратилось в связи с получением известия из Киева о смерти Владимира и вступлении на престол Святополка, расправившегося с Борисом.

Отметим, что Святополк Окаянный был сыном гречанки, вдовы киевского князя Ярополка, которую во время беременности взял в наложницы брат ее покойного супруга – креститель Владимир. Он счел родившегося своим законным сыном и даже предоставил ему удел в Турове.

В борьбе за Киев Ярослав проявил мудрость, решив опереться на поддержку Новгорода. Покаявшись в 1016 г. на созванном вече²⁷, он попросил помощи города, на что получил согласие: «Хотя, князь, и иссечены братья наши, — можем за тебя бороться!» Таким образом, «собрал Ярослав тысячу варягов, а других воинов $40\,000$, и пошел» на Киев [2].

Многие ученые предполагают, что новгородцы согласились на просьбу Ярослава при одном условии — они сами будут вырабатывать правовые нормы, обязательные для всех горожан и гостей города.

Приняв это условие, князь смог усилить войско новгородцами, присоедившимися к наемникам-варягам. После этого, овладев в 1016 г. Киевом, он материально поощрил новгородских участников похода, которым досталось по десять гривен серебра, вслед за чем Ярослав «отпусти их всех домой», где, «дав им Правду, и Устав списав, тако рекшим им: по сей грамоте ходите, якоже списах вам, такоже держите <...> А се есть Правда Русская» [3]. Так на Руси впервые возник свод законов.

Родственные основы внешней поддержки в борьбе за княжение в Киеве и власть в Польше

Но борьба за киевский престол на том не прекратилась. Святополк бежал к тестю, польскому королю Болеславу I Храброму. Поддержка Запада не заставила себя ждать. В 1018 г. Болеслав, возглавив польские войска, а также примкнувших к ним наемников-немцев и венгров, вернул взятые еще князем Владимиром Червенские города²⁸, включавшие Волынь, Броды и т. д., после чего овладел Киевом, поддержав претензии на престол со стороны зятя.

_

²⁷ С чем было связано первое упоминание этого собрания в летописях. – прим. авт.

 $^{^{28}}$ «Червоная Русь», Галичина, позже Галиция. – прим. авт.

По всей видимости, Ярослав в качестве киевского князя устраивал Новгород. Поэтому новгородцы выделили ему средства на формирование нового войска. После ряда поражений в мелких боях Болеслав I вернулся в Польшу. Бежал и Святополк, из-за чего Ярослав в 1019 г. получил титул Великого князя. Он незамедлительно отблагодарил власти Новгорода, даровав городу политически значимый статус «вольность в князьях», что способствовало росту авторитета этой земли. Здесь же он и обосновался, опасаясь - в частности - столкновений с братом Мстиславом прозвищу Храбрый или Удалой, ПО претендовавшим на киевский престол.

В том же году Ярослав укрепил свои международные позиции обычным для того времени способом: он женился на дочери шведского короля Олафа Шетконунга Ингегерде, которая при крещении получила имя Ирина. Согласно скандинавским шведской принцессе источникам. был передан Альдейгаборг (Ладога) с прилегающими землями: когда «в Швецию прибыли послы Ярицлейва конунга²⁹ из Хольмгарда³⁰ узнать, собирается ли Олав <...> выдать свою дочь Ингигерд» за него, шведский король сообщил дочери о том, что поддерживает эту идею. На что она заявила: «Если я выйду замуж, то хочу получить от него как вено все владения ярла Альдейгьюборга и сам Альдейгьюборг». Послы из Гардарики ³¹ согласились от имени своего конунга» [4]. С того времени земли эти получили название Ингерманландия (земли Ингегерды).

В свою очередь, убежище у Ярослава нашли Безприм и Отто – изгнанные из Польши братья короля страны Мешко II³².

В 1026 г. Ярослав полюбовно договорился с Мстиславом, оставив за собой правый берег Днепра с Киевом и землями к западу и северу, включая Новгород. Левый, степной берег Поднепровья оказался у его брата. Но он по-прежнему не возвращался в Киев, возможно, опасаясь претензий Судислава.

В $1030\,\mathrm{r}$. Ярослав захватил эстонское укрепление и основал на его месте крепость Юрьев 33 . Тогда же им был взят Белз в

²⁹ Ярослава, князя. – прим. авт.

³⁰ Так называли варяги Великий Новгород. – прим. авт.

³¹ Древнее скандинавское название Руси. – прим. авт.

³² Королевство с 1025 г. – прим. авт.

³³ Нынешний Тарту; в западном варианте Дерпт. – прим. авт.

Галиции. Спустя год он вместе с братом Мстиславом оказал поддержку Безприму в борьбе против Мешко II. В результате Ярославу удалось вновь захватить Червенские города. По некоторым данным, одну из должностей в войске Ярослава занимал бежавший к нему король Норвегии Харальд III Суровый — сводный брат Олафа Святого, вскоре женившийся на дочери князя Елизавете.

Но несмотря на все эти успехи Ярослав лишь в 1036 г. обосновался в Киеве, покинув Новгород и предварительно передав его в ведение сына Владимира. Произошло это после смерти Мстислава и заточения в темницу Судислава с одновременной ликвидацией Псковского княжества.

В 1042 г. он вновь втянулся в польскую междоусобицу, поддержав в борьбе за королевский трон внука Болеслава Храброго Казимира I. Стремление к сотрудничеству с последним основывалось на «обыденном» факте — Казимир I приходился мужем сестре Ярослава Марии, ставшей польской королевой Добронегой. Сын же Ярослава Изяслав взял в жены сестру Казимира. Обретенные кровно-родственные связи по логике вещей должны были стать явственным показателем прочности союза с Польшей, но, вопреки ожидаемому, в 1047 г. произошел его разрыв.

На следующий год в Киев прибыли послы Генриха I Французского, дабы просить руки дочери Ярослава Анны.

Далее последовал период политических игр с конфессиональнымуклоном.

Конфессиональная подоплека политических действий

Первыми митрополитами Церкви Руси являлись выходцы из Византии, что неудивительно учитывая факт ее нахождения в юрисдикции Константинопольского патриархата. Но в 1051 г. Ярослав без согласования с Константинополем поставил киевским митрополитом Илариона — первого в истории этнического русского, получившего этот титул. В этом, по словам известного историка церкви, тюбингенского профессорарусиста XX в. Людольфа Мюллера (Германия), «видели акт,

направленный против Византии, в церковную юрисдикцию которой входила и новообращенная Русь» [5].

Примечательно, что в знаменитом «Слове о Законе и Благодати» – одном из древнейших памятников древнерусской литературы, написанном Иларионом между 1037 и 1050 гг. – автор действительно уподоблял крестившего Русь князя Владимира «Великому Константину» как равного «ему умом, равно» христолюбивого. Напомним, что именно римский император Константин объявил христианство господствующей религией в Римской империи, столицу которой он в 330 г. нареченный им «Новым Римом» впоследствии при жизни императора переименованный в Параллель Константинополь. между Константином Владимиром Иларион проводил в том, что князь покорил Богу Русь так же, как император покорил «царство эллинов и римлян». Поэтому «теперь не только у них, но и у нас Христос Царем зовется».

Мало того, Иларион, вспоминая деда и отца Владимира — Игоря и Святослава, — подчеркивал, что «не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли». Определяя князей в качестве «каганов», что на том историческом этапе соответствовало «уровню» императора, Иларион не преминул провести параллель между князьями Руси и просветителями народов, научивших «их православной вере» [6].

Как бы то ни было, митрополит поставил Русь на одну ступень с великими державами без учета «особого места» Византии. Следовательно, фактическое установление на Руси национальной церковной автономии посредством назначения митрополита из этнической русской среды не было случайностью.

Иларион также составил церковный устав (номоканон) Ярослава, что полностью сообразовывалось с шагами Киева по дистанцированию от Константинополя. Однако в 1054 г. Ярослав, после заключения в 1052 г. брака с греческой принцессой и рождения спустя год сына Всеволода, устранил Илариона от «должности». Его место занял Ефрем — митрополит греческого происхождения. Возможно, тем самым в условиях

схизмы, которая случилась в том же году, Русь продемонстрировала свои внешнеполитические приоритеты.

После смерти Ярослава (1054 г.) киевский князь Изяслав Ярославич доверил управлять Новгородом своему родственнику Остромиру. Благодаря ему сохранилась рукописная книга «Остромирово Евангелие», авторство которой приписывают дьякону Григорию. Вплоть до обнаружения в 2000 г. Новгородского кодекса (псалтыря) она считалась древнейшей книгой, созданной на Руси, т. е. первым памятником церковнославянского языка русского извода. Русь после схизмы

Становление самостоятельности Церкви Руси, дистанцирования мымкап свидетельством ee привести к Константинополя, не могло не различным особенности В геополитическим коллизиям. междоусобицы между сыновьями Ярослава, которой не мог не католический Рим. начав распространять свое влияние на Русь. Показательно, что Ярослав сам являлся зачинателем династических браков с европейским католическим Западом. Но восприняла ли спокойно эту инициативу Византия?

Точного ответа на этот вопрос нет, но известно, что сыновьям Ярослава — Изяславу, Всеволоду и Святославу — удавалось сохранять мир в государстве всего 10 лет после смерти отца. Закономерным обоснованием внешнего вмешательства в дела Руси могут служить тесные родственные связи отпрысков Ярослава с европейскими и византийкими правителями. Так, ставший преемником отца Изяслав Киевский был женат на дочери польского короля Мешко II, супругой Святослава Черниговского стала дочь немецкого короля Леопольда фон Штаде (католическая линия), а вот Всеволод Переяславский сочетался браком с родственницей византийского императора Константина Мономаха (православная линия).

Потерпев в 1068 г. поражение от степных кочевников половцев, Изяслав бежал в Польшу, откуда спустя год его племянник, новый польский король Болеслав II, внук великого князя Владимира по линии от княжны Марии, совершил поход на Киев. Согласно польским источникам, «он возвел на царский престол одного русского из своей родни, которому

принадлежало королевство, а всех мятежников, не подчинившихся ему, отстранил от власти» [7]. Речь, разумеется, идет об Изяславе, удержавшемся на киевском троне лишь до 1073 г. Его очередной вояж за помощью к польским родственникам оказался безрезультатным по самой обыденной причине: чуть ранее союз с Болеславом заключили родные братья Изяслава.

Недолго думая, он направился прямиком к германскому императору Священной Римской империи Генриху IV. Однако быстро смекнув, что тот занят решением собственных проблем, «тяжелую задействовать артиллерию», решил командировав сына Ярополка к Римскому Папе Григорию VII. Изяслав прекрасно знал, что в то время Генрих IV и Григорий VII были заняты так называемой «борьбой за инвеституру» 34. А поэтому Папа, враждовавший с Генрихом IV, решил поддержать Изяслава. Назвав его в своем послании (1075 г.) «королем русским», он сообщил о передаче «управления королевством как частью владений св. Петра» сыну Изяслава [8]. Почти одновременно своей буллой к Болеславу II Григорий VII наказал ему «возвратить русскому королю все» отнятое у него «вами или вашими людьми» [9].

Болеслав был «своим» для Папы, поскольку в 1072 г. он отказался платить дань императору и объявил о независимости Польши, ставшей леном папского престола. Результатом «католического взаимопонимания» стал очередной поход короля Польши в 1077 г. на Киев в поддержку Изяслава. Но вскоре его, как и Святослава, настигла смерть, и в 1079 г. Киев оказался в руках Всеволода, у которого, в свою очередь, ближе к 1085 г. проблемы возникли с Ярополком, бывшим уже совместительству» князем Волынским Туровским, поддерживаемым польским князем Владиславом-Германом.

Светско-духовная власть Киева между Римом и Константинополем

³⁴ Борьба за инвеституру – конфликт между папским престолом и императорами Священной Римской империи в последней четверти XI века – первой четверти XII века за право назначения на высшие церковные должности. – прим. авт.

Возможно, угроза вооруженного конфликта подвигла Всеволода на решение выдать его дочь Евпраксию за саксонского маркграфа Генриха Штадена³⁵.

В целом, браки по расчету, предполагавшие переход невесты в «чужую» веру, не приветствовались православной духовной линией. Согласно Церковному правилу тогдашнего митрополита Иоанна II, «не должно и весьма неприлично правоверным (князьям) отдавать дочерей своих замуж в иную страну, где служат на опресноках и не отвергаются скверноядения. И Божественный, и мирской уставы повелевают правоверным поймать жен той же веры» [10].

Но правило это возникло не вдруг. Еще в период первого восстановления Изяславом своего княжества в Киеве на фоне усиления польской (католической) линии («западной» партии) увидело свет «Слово» игумена Киево-Печерского монастыря Феодосия, которое призывало Изяслава «верой латинской не прельщаться, обычая их не держаться, и причастия их избегать, и всякого учения их избегать, и нравов их гнушаться, и оберегать своих дочерей: не отдавать за них и у них не брать» [11].

Однако суть здесь не в предпочтении бракосочетаний внутри «своей» ветви, а в разнице между политическими пристрастиями конфессиональной и светской властей в Киеве в тот период. Первая отражала провизантийское направление. Поэтому на имя Всеволода поступило письмо от византийского императора Михаила VII Дука (1071–1078) о перспективах развития двусторонних взаимоотношений (посредством возможного бракосочетания брата императора с дочкой князя): «Научают нас священные книги и достоверные истории, что наши государства имеют один некий источник и корень, и что одно и то же спасительное слово было распространено в обоих, что одни и те божественного же самовидцы таинства И вещатели провозгласили в них слово Евангелия» [12].

Иными словами, духовный ареал киевского княжеского престола находился в сфере влияния православной Византии – в Киево-Печерском монастыре в ходу были греческие богослужебные книги. Светский же вектор по тем или иным

_

³⁵ C обращением в католичество она приняла имя Адельгейда. – прим. авт.

причинам больше тяготел к Западу. На том историческом этапе, как уже было сказано выше, ситуация в Европе была чрезвычайно противоречивой ввиду борьбы между светской и духовной властью за политическую власть, которая проявлялась в жестоком противоборстве, двоепапии³⁶, взаимных отлучениях от церкви и т. д. Возможно, в этих хитросплетениях князья Руси оказались под определенным давлением императорской партии Европы (католической по сути). Взявшего в 1084 г. Рим Генриха IV короновал антипапа Климент III. По некоторым данным, тогда же Генрих IV известил Всеволода о намерениях папской курии овладеть Волынью, что, естественно, должно было вызвать недовольство князя Папой Урбаном II и заставить его встать во внутриевропейских делах на сторону императора. Кроме того, политическая ставка Всеволода определялась и особыми взаимоотношениями папского престола с Изяславом.

В связи с этим ссора 1085 г. князя с Ярополком, в результате которой тот бежал в Польшу, на родину матери, не может расцениваться как случайность. Исходя из этого можно предположить, что Всеволод, давая добро на брак Евпраксии, действовал далеко не спонтанно, как и в случае ее нового замужества в 1089 г. после смерти первого мужа, когда она стала супругой самого императора Генриха IV.

Однако спустя несколько лет произошли невероятные, на первый взгляд, события.

Фактор Евпраксии в общеевропейских коллизиях

В 1093 г. Евпраксия бежала от супруга, оказавшись в лагере его врагов. К тому времени она находилась в так называемой «веронской изоляции», будучи, по сути, сослана императором в свой личный замок. Причиной побега она назвала невозможность терпеть разврат и оргии императора, невольной соучастницей которых она была. Безусловно, Генрих был далеко не безгрешен, но категоричность Евпраксии не исключает ее участия — осознанного или нет — в спланированной игре против

_

³⁶ Имеется в виду одновременно существование двух (и даже более) пап (папа и антипапа), которые избирались сторонниками противоборствующих партий, часто вопреки каноническому праву. – прим. рел.

ее супруга, бывшего геополитическим конкурентом Папы. Поддерживал ли ее отец? Данных на этот счет история не предоставляет, но факт остается фактом: вплоть до своей смерти в 1093 г. Всеволод довольно активно контактировал с Римским престолом.

В 1094 г. Евпраксия дала официальный ход делу, направив жалобу на собор в Констанце. Обличение Генриха с ее стороны продолжилось в начале 1095 г. на соборе в Пьяченце. Мечтая о придании Генриха анафеме, Папа воспользовался «фактором Евпраксии», дополнив им другие обвинения в адрес императора. Предварительно Урбан II привлек на свою сторону Ломбардию и итальянского короля, после чего позиции Генриха IV в Северной Италии оказались окончательно подорванными.

Эти события способствовали укреплению позиций католической церкви. После прозвучавшего все в том же 1095 г. призыва Папы к европейским правителям освободить «Святую землю от неверных» и объявления первого крестового похода папский престол оказался на геополитической «вершине».

Что касается Евпраксии, то с отлучением императора от церкви Папа оформил ей развод и дал полное оправдание за ее невольное соучастие в оргиях.

А на Руси вместе с тем подходило время великого княжения ее брата Владимира Мономаха.

- 1. Великая Польская хроника http://www.vostlit.info/Texts/rus/Chron_Pol_majoris/frametext2. htm
- 2. Повесть временных лет http://www.hrono.info/dokum/1000dok/povest3.php
- 3. Цит. по: Рыбаков Б. Рождение Руси http://readr.ru/boris-ribakov-roghdenie-rusi.html?page=52
- 4. Сага об Олаве Святом http://norse.ulver.com/heimskringla/h7.html#_ednref69
- 5. Людольф Мюллер. Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество

http://www.golubinski.ru/ecclesia/ilarion/muller_ilarion.htm

6. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Киевского Илариона

http://www.vehi.net/oldrussian/slovo.html

7. Галл Аноним. Хроника или деяния князей или правителей польских

http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Gall/frametext1.htm

- 8. Послание римского папы Григория VII великому киевскому князю Изяславу Ярославичу от 17 апреля 1075 г. http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Italy/XI/GrigorijVI I/frametext1.htm
- 9. Послание римского папы Григория VII польскому князю Болеславу Смелому от 20 апреля 1075 г. http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Italy/XI/GrigorijVI I/frametext2.htm
- 10. Церковное правило митрополита Иоанна к Иакову черноризцу

http://www.krasnickij.ru/forum/57-491-1

11. Слово преп. Феодосия Печерского о вере христианской и латинской

http://www.sedmitza.ru/text/443919.html

12. Цит. по: Архимандрит Никон (Лысенко). Святой апостол Андрей Первозванный и его апостольские труды http://www.izograf888.ru/cell/73-icon/217-2009-12-10-09-48-08?start=7

НОВГОРОД И ПЕРВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ НА РУСИ

Свободолюбивый Новгород

В истории Руси особое место всегда занимал Новгород. Здесь с особой силой разворачивалась борьба за ограничение власти тогдашнего центра — Киева — посредством попыток достичь действительного самоуправления. В связи с этим необходимо упомянуть дарование в 1019 г. Новгороду Ярославым Мудрым особых грамот, надолго ставших главным юридическим основанием независимости города. В течение многих столетий все приглашаемые Новгородом князья давали клятвы на этих грамотах, обязуясь не нарушать вольности новгородцев [1].

Ослабление политического и экономического положения Киева, который из-за падения важности торгового пути «из варяг в греки» уступил пальму первенства Припятско-Бужскому, маршрутам, Западно-Двинскому др. способствовало И переориентации Новгорода на северо-восточный торговый путь в Европу. Как повествует крупнейший лингвист, филолог, историк XX в. Николай Трубецкой, «Киевская Русь не могла ни расширять своей территории, ни увеличивать свою внутреннюю государственную мощь, ибо будучи естественно прикреплена к известной речной системе, она в то же время не могла вполне овладеть всей этой системой до конца; нижняя, самая важная часть этой системы, пролегающая по степи, оставалась всегда под ударами степных кочевников, печенегов, половцев и проч.» Н. Трубецкой отмечает, что «географически заданием Киевской Руси было осуществление товарообмена между Балтийским и Черным морями», однако «задание это в силу указанных выше причин было невыполнимо», в связи с чем Киевская Русь «была нежизнеспособна» [2].

Северо-восточный же вектор выхода Новгорода на Европу открывал двери для присутствия на территории города европейских купцов, которые, по свидетельству северогерманского хрониста XI века Адама Бременского, опиравшегося на сведения от датчан, «при благоприятном ветре за месяц добирались из Дании до Острогарда» [3]. Принято

считать, что «Остроградом» назван Новгород. Таким образом, вехи истории города и его уникальное географическое расположение позволили новгородцам взять курс на проведение обособленной от Киева политики.

В то же время, утрата Киевом его первоначальной значимости как главенствующего центра Руси усилила стремление Новгорода к развитию автономной системы управления. Поэтому нет ничего удивительного в изгнании новгородцами в 1095 г. князя Давыда Святославича. Дело в том, что в 1088—1094 гг. князем Новгорода был Мстислав — малолетний сын Владимира Мономаха (в тот период князя черниговского). Однако в результате проведенной Киевом в лице великого князя Святополка Изяславича рокировки, ставшей возможной из-за внутренних междоусобиц, Мстислав был перенаправлен в Ростов, а Новгород оказался у Давыда. Новгородцы изгнали последнего, настояв на возвращении Мстислава. Так они продемонстрировали свое право самостоятельно определять канлилата на вокняжение.

Согласно исследованиям академика Валентина Янина, возглавлявшего Новгородскую археологическую экспедицию, именно в этот период был учрежден важнейший государственный орган боярского правления — посадничество. Если раньше главой города (посадником) Новгорода становился присылаемый из «центра» наместник, то теперь таковые избирались из числа бояр для совместного с князем управления Новгородским государством.

Отказ Новгорода в 1102 г. принять сына киевского князя Святополка Изяславича усилил тенденцию на обособление Новгородской земли от киевской власти. В тот период было установлено второе важнейшее ограничение княжеских полномочий — запрещение приглашенному правителю владеть какими-либо землями на правах частной собственности на всей подвластной Новгороду территории. Это право предоставлялось лишь самим новгородцам [4].

Добро на завершение Мстиславом княжения в Новгороде местные жители дали только в 1117 г., когда он, исполняя волю отца своего, Владимира Мономаха, с 1113 г. возглавившего Киев, отправился в Смоленск. Другой тому причиной было

наследование новгородского княжеского «трона» сыном Мстислава — юным Всеволодом. К слову, в 1113 г. Мстислав Владимирович «победи на Бору Чюдь» 37 , а в 1116 г. «везя Медвежю голову на 40 святыхъ» 38 [5].

При Всеволоде бояре Новгорода сделали еще один шаг в сторону ограничения княжеских прав. Изначально князь выполнял функции верховного судьи Новгорода. Теперь же был создан совместный суд князя и посадника, в котором главная роль за князем сохранялась лишь формально — он скреплял решения своей печатью, не имея при этом полномочий выносить окончательный вердикт без санкции главы бояр [6].

Развитие политических событий в таком направлении не могло не привести к открытому конфликту Новгорода и Киева, и в 1118 г. Владимир Мономах вызвал «сепаратистов» на «ковер»: «Приведе Володимиръ съ Мьстиславомь вся бояры новгородьскыя Кыеву, и заводи я къ честьному хресту, и пусти я домовь, а иныя у себе остави» [5].

Хотя Мономаху удалось-таки привести бояр к присяге, конфликтная ситуация тем самым себя не исчерпала, вылившись в противоборство между Новгородом и Киевом за право избрания посадника местным электоратом, протекавшее на фоне кровопролитного столкновения за политическое лидерство между Мономаховичами и Ольговичами ³⁹. Оно завершилось крупным поражением киевского князя Ярополка в 1135 г. Последний ранее попытался перевести Всеволода в Переяслав Южный – второй «по старшинству» после Киева град Руси. Но тому воспротивился его дядя, шестой сын Владимира Мономаха ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий, который который с 1132 г. постепенно захватил южнорусские земли, в том числе Переяславль и Киев.

В 1136 г. новгородцы подняли мощное «антивсеволодовское» восстание, не простив ему намерений сесть во княжение в Переяславле. Князем Новгорода стал Святослав Ольгович.

События этого года принято считать началом возникновения Новгородской республики, основой чему стало провозглашение

³⁷ Победил чудь. – прим. авт.

³⁸ То есть забрал у эстов Оденпэ. – прим. авт.

³⁹ Ветвь дома Рюриковичей от князя Олега Святославича, внука Ярослава Мудрого. – прим. авт.

новгородцами «вольности в князьях», позволявшей им самостоятельно назначать и смещать таковых по своему усмотрению. Однако в приведенных выше данных В. Янина отмечено, что выборное посадничество в Новгороде возникло в конце XI в. Вместе с тем, долгое время наиболее расхожим являлось мнение, что оно возникло в Новгороде в связи с запретом, датируемом 1136 г., который не позволял князьям жить в Детинце⁴⁰, собирать налоги и владеть землями новгородской волости, из-за чего они якобы покинули Ярославово дворище, переселившись за город — на Городище.

Но тот же В. Янин, опираясь на данные, полученные в результате возглавляемой им экспедиции, настаивал на несоответствии истине утверждения о проживании князей на Ярославовом дворище до 1136 г.

Так или иначе, гипотеза о сохранении за князьями исполнительной власти представляется вполне правдоподобной. Другое дело, что осуществление таковой проходило под контролем веча, выполняющего де-факто реальную функцию управления городом. Формально вече формировалось всеми семьями Новогорода, пригородов и волостей. Оно призывало князя и смещало его. На нем выбирались глава города (посадник) и руководитель военной тысяцкой организации (тысяцкий). В действительности же это привело к полному торжеству боярства: реорганизация системы политической власти превратила князя в чиновника боярской республики [6]. Боярская олигархия в конечном счете могла управлять деятельностью вече, проводя выгодные ей решения.

Как бы то ни было, побыв вместе с женой, тещей и сыновьями в заточении на епископском дворе Новгорода, с 1137 г. Всеволод Мстиславич стал княжить в Пскове. Безусловно, «свой» князь устраивал псковичей, стремящихся оградить родной город от роли младшего по отношению к Новгороду. В свою очередь, Святослав также подвергся изгнанию со стороны новгородцев, пригласивших на его место сына Юрия Долгорукого Ростислава.

Заметим, что под «новгородцами» здесь следует понимать «партии» бояр разной ориентации, к примеру суздальской или

_

⁴⁰ Новгородский Кремль, «каменный город», княжий двор. – прим. авт.

черниговской, что исключало «единогласное» голосование за того или иного кандидата в князи.

Поэтому Ростислав был вскоре изгнан, как впоследствии и его брат Мстислав.

Дела церковные с православным оттенком

Тем не менее, Владимиру Мономаху на некоторое время все же удалось утихомирить кипевшие на Руси междоусобные страсти. Причем он первым из правителей Руси попытался сформулировать идею единства страны (земли) сквозь призму религии, озвучив ее в своем Послании: «Как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою. Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это <...> Не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле» [7].

Тем временем свои позиции в Киеве пытался укрепить Константинополь, прежде всего посредством антикатолической пропаганды. Никифор, поставленный Константинопольским патриархом в качестве митрополита Киевского, на вопрос Владимира Мономаха о том, «как были отторжены латиняне от святой соборной и правоверной церкви», привел 20 пунктов расхождений, явившихся тому причинами [8].

Применяя идеологию как политический инструмент, Византия отстаивала обязательность подчинения русской церкви Константинополю, что в особой степени проявилось во время «дебатов» вокруг фигуры Климента Смолятича. В 1147 г. он стал вторым в истории Руси русским по происхождению главой церкви, что формально свершилось по решению собора шести русских епископов, на деле — по желанию князя Изяслава Мстиславовича, в борьбе за киевский трон опиравшегося на венгров. Но не все поддерживали такой ход событий: на соборе «блаженный» епископ Новгородский Нифонт заявил о недопустимости на местах «избирать себе митрополита без благословения константинопольского патриарха», поскольку сей факт противен «преданию святой православной восточной Церкви». Однако невзирая на возражения велением князя Климент был посвящен «во епископы главою мощей святого

Климента, Папы Римского», вслед за чем «воссел незаконно на архиерейском престоле митрополии киевской» [9].

Естественно, положение Климента априори не отличалось прочностью. Его религиозную власть признавали лишь на землях, подвластных Изяславу. Когда князь покидал Киев, новоявленный митрополит также вынужден был оставлять город, в частности в 1149 г., когда Киев попал в руки Юрия Долгорукого. Хотя Изяславу с помощью венгерских и польских союзников удалось тогда возвратить Киев, после его смерти в 1155 г. великим князем вновь стал Юрий, в очередной раз изгнавший Климента.

С уходом из жизни в 1157 г. Юрия, который предположительно был отравлен киевскими боярами, город оказался в руках Изяслава Давыдовича, сына черниговского князя. Прибывший в Русь греческий митрополит Константин незамедлительно низложил всех иерархов, поставленных Климентом. Более того, геополитическое значение «восстановления» контроля Константнополя над Киевом было настолько велико, что Византия решила устрашить возможных «оппозиционеров» неслыханным ранее образом — Константин подверг церковному проклятию мертвого князя.

Однако в 1158 г. Изяславичи вновь овладели Киевом, и князь Ростислав стал предпринимать шаги к возвращению на духовный престол все того же Климента. В 1163 г. он просил Константинополь предоставить добро — задним числом — на официальное занятие Климентом «своего» престола, но патриархам удалось посадить на него Иоанна, усилив в Киеве «константинопольскую линию».

В период пребывания на высшем духовном посту Константина II (1167–1169) епископ Киевский получил титул митрополита всея Руси. Когда князь Владимира, сын Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский возжелал разделить митрополию, намереваясь возвести в митрополиты Владимирские близкого ему Феодора, патриарх допустил посвящение его не более чем в епископы. Таким образом, единство русской церкви было сохранено.

Новгород тем временем не оставлял без надзора северные владения, находящиеся в поле зрения Владимиро-Суздальского

княжества. Зимой 1169—1170 гг., во время княжения во Владимире Андрея Боголюбского усилившиеся суздальцы, которым удалось подорвать авторитет Киева, по всем показателям могли овладеть Новгородом, но этого не произошло. Одолеть напавших удалось, как это зачастую преподносится, «силою крестною и святою богородицею и молитвами благов Брнаго владыкы» [5]. Под святой Богородицей подразумевается ее самый древний образ на Руси, запечатленный на новгородской иконе, впоследствии нареченной «Знамение».

Таким образом, в рассматриваемый период Новгород, уверенно осуществлявший самоуправление, являлся довольно значимой силой на Руси. Однако вряд ли это кого-то радовало кроме самих новгородцев, что не могло не отразиться на дальнейшей судьбе города.

1. Новгородская республика. Политическая система Новгорода

http://www.bibliotekar.ru/novgorod/1.htm

2. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока

http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns11.htm

3. Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской Церкви

http://fantasyclub.ru/forum/index.php?showtopic = 16696

- 4. Из исследований возглавлявшего Новгородскую археологическую экспедицию академика Валентина Янина http://www.istorya.ru/articles/novgorod.php
- 5. Новгородская Первая летопись старшего извода http://litopys.org.ua/novglet/novg01.htm
- 6. Из исследований возглавлявшего Новгородскую археологическую экспедицию академика Валентина Янина http://www.istorya.ru/articles/novgorod.php
- 7. Поучение Владимира Мономаха http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874
- 8. Первое послание Никифора, митрополита Киевского, к князю Владимиру http://old-rus.narod.ru/03-16.html

9. Св. Димитрий, митрополит Ростовский. Житие преподобного отца нашего Нифонта, епископа Новгородского http://www.sedmitza.ru/text/1112211.html

СУЗДАЛЬСКО-КИЕВСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ. ТЮРКСКИЕ КОРНИ МОСКВЫ

Политическая подоплека религиозной активности Андрея Боголюбского

Став в 1154 г. Великим князем Киевским, Юрий Долгорукий посадил сына Андрея (впоследствии нереченного Боголюбским) княжить в Вышгороде, расположенном близ Киева, дабы подготовить в его лице, согласно «Житию Святого благоверного князя», близкую себе опору. Но княжение на юге Руси оказалось Андрею не по душе: он со скорбью воспринимал междоусобные распри князей, бесчинства их дружин, беззащитность населения. Так в нем родилось стремление перебраться в Суздальские земли, где «покой и благочестие», с целью основать единую сильную княжескую державу на севере Руси с единой православной верой [1].

В 1155 г. он, покинув свои владения, самостоятельно перебрался в город Владимир, который уже стал центром Владимиро-Суздальского княжества. Туда же он перевез и находившуюся ранее в женском Вышгородском монастыре икону Божией Матери, ценность которой заключалась в том, что ее «написал святый апостол и евангелист Лука» [19] и она являлась одной из двух икон, доставленных патриархом Лукой Хризовергом в 1131 г. из Константинополя в Киев в качестве дара Юрию Долгорукому. В честь реликвии Андрей возвел во Владимире Успенский собор, окружив ее особым почитанием. С тех пор она становится известной как чудотворная Владимирская икона Божией Матери. В начале 1160-х гг. о ней появляется «Сказание», первыми же строками провозглашающее ее планетарную общехристианскую значимость: «Образ пресвятой Владычицы нашей Богородицы, обходя все страны мира, просвещает и от недугов различных избавляет». С другой стороны, посредством перечисления чудес, связанных с этой иконой и якобы свершившихся в различных городах Руси, «Сказание» характеризует ее как национальное религиозное достояние [2]. В акафисте⁴¹ Пресвятой Богородице сказано, что

 $^{^{\}rm 41}$ Песнь, жанр православной церковной гимнографии. – прим. авт.

«имея в себе благодатное сокровище – икону Твою Владимирскую, преуспеваше от силы в силу Отечество наше. Во дни бо обстояний и напастей не оставила еси род наш, Владычице» [3].

Тогда же Андрей устроил гробницы для мощей свв. Леонтия и Исаии, просветителей Ростовских. После строительства собора были возведены храмы Рождества Успенского Богородицы в Боголюбове и Покрова Богородицы на Нерли. В свою очередь, успех похода Андрея на волжских болгар 1164 г. связывался с Владимировской иконой. Одновременно с этим церковь установила 1 августа празднование Всемилостивого Спаса и Пресвятой Богородицы (медовый Спас) в память о крещении Руси и победы над булгарами. Затем состоялось воздвижение князем Золотых Ворот во Владимире с надвратной церковью Положения Ризы Богоматери, а также церкви Спаса на Княжьем дворе.

перечисление беглое предпринятых Даже Боголюбским церковных мероприятий позволяет предполагать целенаправленность религиозной деятельности, его политическая подоплека которой прослеживается в обращениии Андрея 1162 г. все к тому же Константинопольскому патриарху Луке Хрисовергу с просьбой о предоставлении Владимиру и его митрополичьей княжеству собственной кафедры, юрисдикции ростовского подчиненной церковной И суздальского епископства. Андрей даже назвал имя кандидата на место митрополита – Феодора. Здесь четко просматривается основная идея владимирского князя – перенести центр политический тяжести Руси из Киева в его княжество, - и религиозное прикрытие этому Андрей, по всей вероятности, счел необходимым заблаговременно обеспечить. Иными словами, вследствие осуществляемых им действий северо-восточные земли вполне могли обзавестись славой нового религиозного центра Руси, что явилось бы важнейшим промежуточным итогом в перехвате политического лидерства у Киева. Таким образом, налицо попытка князя установить некое подобие светскорелигиозного единства – естественно, вокруг своего имени и для подвластных ему последующим землях начала распространением на всю Русь.

Вместе с тем, предпринимая шаги по превращению Владимира в центр Руси, в глобальном плане Андрей Боголюбский вполне мог просчитывать и вариант постепенного достижения церковной независимости от Константинополя с подчинением Владимиру — новой столице — всех местных епископств. Поэтому помимо упомянутых выше религиозных мероприятий им было совершено и освящение церкви Покрова Богородицы в честь установленного — что примечательно, без предварительного согласования с Константинополем — праздника Покрова Божией Матери, который в русском православии ежегодно отмечается 14 октября.

Однако вся тонкость кроется в византийских истоках происхождения этого празднества. В христианской традиции принято считать, что 14 октября 910 г. во Влахернской церкви Константинополя юродивый Андрей стал свидетелем чудесного явления Богородицы, чьи риза, покров и часть пояса, будучи перенесенными из Палестины, хранились в этом храме. Преклонив колена, Пресвятая Дева молилась за людей и, сняв с головы покрывало, распростерла его над молящимися в храме. Придавая официальный статус этой дате на Руси, Андрей Боголюбский, быть может, стремился провести незримую, но отчетливую нить между Константинополем и православной Русью в лице ее северо-восточной части – причем не просто связующую нить, а нить преемственности. Сама по себе реализация планов обретения независимости владимирской митрополичьей кафедры от Константинополя по сути не имела особой ценности – православным центром все равно оставалась Византия, что обуславливало тяготение к ней всех церквей на местах. В связи с этим преемственность объективно усиливала Владимир с точки зрения антикиевской позиции, что в перспективе делало его важнейшим фактором укрепления авторитета Руси в международном масштабе. Поэтому неслучайно этот праздник отмечается преимущественно в русском православии, считаясь одним из великих.

Такая церковная политика князя очевидно не осталась без внимания Византии. В связи с чем в ответной грамоте Андрею

патриарх Лука сообщил: «Но обновити е митрополиею и поставити от нас в не митрополита, тамо сущаго у благородия твоего Феодора» [4]. То есть Константинопольский патриарх дал добро на посвящение Феодора, но не в сан митрополита, а в епископа Владимирского. Таким образом, Владимир не стал местом исключительной релизиозной значимости, поскольку учреждение епископских кафедр не было чем-то исключительным — ранее так уже было в Смоленске, Галиче, Перемышле и т. д.

Поход на Киев

Но это не отвратило Андрея от попыток воплотить в жизнь идею о покорении Киева, приведя лишь к смещению акцента с религиозного поля на политическое. В 1167 г. киевский престол Мстислав Изяславич, отец которого находился постоянной вражде с отцом Андрея, Юрием Долгоруким. Одновременно в Новгороде был свергнут состоявший в крепком союзе с Суздалем князь Святослав, на место которого заступил сын Мстислава Роман. Все это давало Андрею шанс овладеть Киевом. Но, повторимся, не в целях воцарения на центральный престол Руси, что было пределом мечтаний всех без исключения предыдущих князей, а для низложения Киева как столицы. В связи с чем, как повествует датируемый второй половиной XVII в. «Синопсис» 42 или «Краткое описание о начале русского народа», ⁴³ в 1169 г. «князь Андрей Юрьевичь, в то время Князь в Суждали, видя себе быти паче иных Князей ближайшаго, по отцу своем князю Юрию, Престола Киевскаго, абие собравши силу воинственную великую со многими Князьми Российскими, посла к Киеву сына своего Князя Мстислава, иже изгна Мстислава Изяславича из Киева, а в нем посади Глеба» [5].

Наряду с дружинами одиннадцати князей в походе участвовали и половцы. Киев подвергся страшнейшему разрушению, пострадали церкви и монастыри: «иконы поимаша,

_

⁴² Синопсис – изложение чего-либо в одном общем обзоре, в сжатой форме, без подробной аргументации и теоретических рассуждений. – прим. ред.

 $^{^{\}rm 43}$ Автором которого считают ректора Киево-Могилянской коллегии, архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля. – прим. авт.

и книгы, и ризы». Это был первый подобный случай за всю историю междоусобной вражды на русских землях. Но он был вполне закономерен учитывая то, что Мстислав удалился на Волынь и заброшенный им Киев утратил статус столицы. Вызванный из Переяславля младший брат Андрея Глеб тогда являлся лишь наместником старшего брата, принявшего титул великого князя.

С этого периода в российской истории великими князьями считаются князья Владимира. Однако с Новгородом в 1170 г. Андрею справиться не удалось. Тем не менее, он, по Ипатьевской летописи, «самовластець быти всеи Суждальскои земли» [6/а], создал во Владимире новый политический центр и обрел во владимирских землях полную власть. Но Андрей так и не сумел подчинить другие земли, включая Киев. Возможно, он намеревался сделать это несколько позже, но в 1174 г. был убит.

Как бы то ни было, в ходе «разборок» между Владимиром и Киевом за обладание «столичным» статусом междоусобное противостояние на Руси проявилось гораздо более откровенно, нежели в предшествующий период. Этот факт обусловил неоднозначность взглядов на характер деятельности владимирского князя. Знаменитый русский историк XIX-XX вв. Василий Ключевский считал, что современники готовы были проводника новых государственных Андрее стремлений. «Но его образ действий возбуждает вопрос, достаточно обдуманными руководился самодержавия ответственного или только самодурства. В лице князя Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену, и это выступление нельзя признать удачным» [7].

Согласно мнению Льва Гумилева, «киевляне не любили суздальцев настолько, что законный князь Юрий Долгорукий был ими отравлен». Посему «его сын Андрей в 1169 г. отдал Киев на разграбление своей рати». Эти «факты показывают», что было утрачено «единство Руси», превратилавшейся «из этноса в суперэтнос, политически раздробленный, как Западная Европа». Но «пока столкновения происходили между отдельными княжествами или только между князьями, целостность Русской земли не вызывала ни у кого сомнений». К «началу XIII в. эти

войны изменили свой характер – из внутриэтнических они стали межэтническими». Говоря другими словами, междоусобица расцвела новыми красками и «в процессе этнической дезинтеграции» Русь «из монолитной державы закономерно превратилась в конфедерацию» восьми «полугосударств» [8].

Самый известный памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», датируемый концом XII в., открыто винит в сложившейся ситуации внутренние силы: «И застонал, братья, Киев от горя, а Чернигов от напастей; тоска разлилась по Русской земле; печаль обильная пошла посреди земли Русской. Князья же сами на себя крамолу ковали, а поганые сами с победами делая набеги на Русскую землю, брали дань по белке с [каждого] двора». Другое дело, что междоусобица ловко обыгрывалась внешними силами: «Тут Немцы и Венециане, тут Греки и Мораване поют славу одному князю и корят другого» [9].

В то же время, насильственная смерть Андрея Боголюбского опосредованно затрагивает наиболее значимые аспекты российской истории — географический, топонимический и этнический. Речь, как это не покажется странным, идет о Москве — вернее, об ее прародителях.

Юрий Долгорукий и Стефан Кучка

В годы княжения отца Андрея Боголюбского, князя Ростово-Суздальского и великого князя Киевского Юрия Долгорукого, впервые упоминается Москва. Согласно Ипатьевской летописи, в 1147 г. «иде Гюрги⁴⁴ воевать Новгорочкой волости, и пришедъ взя Новый Торгъ и всю взя, а ко Святославу⁴⁵ присла Юрьи, повеле ему Смоленьскую волость воевати <...> И прислав Гюрги и рече — Приди ко мне, брате, в Московъ. В честь Святослава повел Гюрги устроить обед силен» [6/б]. А в 1156 г. князь поставил в Москве новую деревянную крепость, разместив отряд княжеской дружины для защиты Суздальского княжества от западных соседей.

 $^{^{\}rm 44}$ Юрий Долгорукий. – прим. авт.

⁴⁵ князь новгород-северский. – прим. авт.

Основываясь на повести «О начале царствующего великого града Москвы», научный сотрудник МГУ В. Сорокин пишет о боярине из вятических старшин Стефане Ивановиче Кучке, докняжеской Москвы, владельце принадлежали «обо полы Москвы реки села красные. Кучково село, Кучково поле были расположены на большой территории, прикрывавшейся от внезапных набегов кочевников с юга и северо-запада долинами Москвы-реки И взгорьем Неглинной, а с востока Яузой, текущей тогда в крутых берегах» [10].

Фарид Асадуллин, заместитель председателя Духовного управления мусульман Европейской части России, сопредседатель Информационно-аналитического центра Совета муфтиев России, исследуя этот вопрос, счел, что непривычное для русского уха слово «кучка», по всей вероятности, восходит к словам тюркского корня «кучюк» – маленький, небольшой или, как и имя Кучум, «кучу» – перемещение, переезд, кочевье. По исследователя, правдоподобность этой миграционные активные процессы между доказывают Владимиро-Суздальским княжеством и Волжской Булгарией в силу их географической близости и постоянного расширения торговых Заключались связей. смешанные формировалось смешанное булгарорусское население, которому – в чем со ссылкой на вполне достоверные источники высказал уверенность Ф. Асадуллин, – принадлежал принявший крещение С. Кучка.

В целом, «павший от рук воинов Юрия Долгорукого при защите своих владений <...> хозяин Кучковых сел, по праву может разделить лавры основателя Москвы с Юрием Долгоруким» [11]. Так, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов, доктор филологических наук Михаил Горбаневский отмечает, что долгое время память о роде Кучковичей сохранялась в названии старинного московского урочища – Кучково поле. Подчеркивая, что сам топоним Кучково упоминается в Ипатьевской летописи от 1176 г. записи как своеобразный синоним Москвы – «идоша с ним до Кучкова рекше до Москвы» [12].

Но по какой причине была искусственно предана забвению фамилия Кучков?

Андрей Боголюбский, Улита и авторство основания Москвы

Для начала следует отметить, что Юрий Долгорукий повелел казнить С. Кучку. Российский историк XVIII в., автор первого капитального труда по русской истории Василий Татищев со ссылкой на «Отечественные достопамятности» описал это событие следующим образом: «Юрий хотя имел княгиню любви достойную и ее любил, но при том многих жен подданных часто навещал и с ними более, нежели с княгинею, веселился», чем оскорблялись». Между «многие вельможи его полюбовницами жена тысяцкого суздальского Кучка наиболее им владела, и он все по ее хотению делал». Когда «Юрий пошел к Торжку, Кучко, не могши ни поношения от людей терпеть, ни на оных Юрию жаловаться, ведая, что правду говорили, более же княгинею возмущен, не пошел с Юрием и отъехал в свое село, взяв жену с собою, где ее посадив в заключение, намеривался уйти к Изяславу в Киев». Узнав, «что Кучко жену посадил в заточение», Юрий, «оставив войско без всякого определения, сам с великою яростию наскоро ехал с малым числом людей на реку Москву, где Кучко жил». Встретившись с ним, «не допрашивая ни о чем», князь «Кучко тотчас убил, а дочь его выдал за сына своего Андрея⁴⁶. Полюбив же весьма место то, заложил град и пребывал тут строя, пока брак Андреев не совершил» [13]. Именовалась дочь Кучка, супруга Андрея, Улитой. По данным ряда источников, после женитьбы в окружении Андрея появилось немало Кучковичей. Согласно «Повести об убиении Андрея Боголюбского», 28 июня 1175 г. (1174 г.) его доверенный слуга Яким, узнав о казни князем своего брата, «примчался к друзьям своим <...> и задумали убийство Андрея. Среди этих лиц находились – Петр, зять Кучки <...>, Ключник, Яким, да Кучковичи – всего числом двадцать. Во время нападения на князя проклятые прикончили его, Петр же отсек ему правую руку» [14].

-

⁴⁶ В последующем Боголюбского. – прим. авт.

Примечательно, что в результате анализа могилы Андрея Боголюбского археологами и антропологами (1934 г.) было установлено, что у князя действительно отрублена рука – но не правая, как то было указано в упомянутом выше летописном повествовании, а левая [15].

Существуют различные версии причин «путанья рук» автором повести. Так, Максим Макиенко, член политсовета Национал-социалистического общества, которое, к слову, генеральная прокуратура России относит к наиболее активным экстремистским объединениям. ссылаясь на выводы патологоанатов, отмечал: «Левая рука отрублена аккуратно, что свидетельствует о том, что была отрублена ритуально. Сейчас уже высказывается мнение о том, что на самом деле Андрей Боголюбский был скрытым язычником, которых хоронили, отрубая левую руку, а красивая легенда убийства была придумана позже» [16].

Воздержавшись от рассмотрения данной версии, отметим, что среди 617 раскрашенных миниатюр знаменитой Радзивилловской летописи, известной также как Радзивиловский список, датируемый началом XIII в., имеется и миниатюра, изображающая убийство Андрея Боголюбского, на которой среди прочего изображена женщина, держащая отрубленную левую (!) руку лишенного жизни князя. Этой женщиной традиционно считается Улита. К тому же в некоторых источниках ее называют если и не участником, то одним из организаторов убийства Андрея.

Данная тема также была своеобразно обыграна в произведении «Андрей Боголюбский», написанном Антоном Кудрявцевым для исторического театра московской гимназии № 248 (спектакль поставлен в 2005 г.). В уста Улиты вложены такие слова: «Все дышит смертью! Смерть, приди скорее. Пади как тень на голову Андрея! Лишь одного теперь желаю – и мщенья!» [17/а]. Но она решила отомстить князю не просто так. По сценарию, к этому ее подвигла семейно-бытовая драма на княжеском пиру, где оказалась пассия Андрея Боголюбского – плененная княжна Булгарская Кремена. Это послужило причиной озлобления Улиты: «Как смеет князь Андрей любовницей своей иноплеменной здесь хвастаться на людях!»

Самому Андрею она сказала: «К блудодейству и распутству! Ты с девкою булгарскою резвись, покои превращая в дом разврата!» В ответ князь оскорбляет Улиту, свидетелем чего является их сын Глеб, ставший на сторону матери. Разъяренный отец набрасывается на него, но тут в спор вступает боярин Никита Кучкович, сын Стефана Кучки. Конфликт разгорается, и Андрей наносит кинжалом смертельный удар Никите [17/6]. К слову, Стефан Кучка, являющийся одним из действующих лиц постановки, назван владетелем Кучкова поля, подлинным основателем Москвы

Приведенные выше эпизоды — кроме, естественно, спектакля — привели Ф. Асадуллина к выводу о том, что Юрий Долгорукий считается основателем Москвы неслучайно. Дело в том, что окончательная редакция исторических фактов происходила уже в позднесредневековый период, когда восторжествовала мессианская идея «Москва — Третий Рим» и история Русского государства писалась под прямых наследников античновизантийской традиции — великих князей начиная от отца Юрия Долгорукого Владимира Мономаха. С учетом этого худородный Кучка, чья дочь Улита, мстя за отца, убила князя, для почетной роли основателя Москвы и Московского княжества по понятным причинам явно подходить не мог [11]. Неспроста тот же В. Татищев убиение Андрея Боголюбского Кучковичами называет басней [13].

Несмотря на существование разных версий факт остается фактом – вне зависимости от мотива акт убийства имел место.

Здесь стоит обратить внимание еще на один аспект, Асадуллиным. рассматриваемый Существенным Φ. дополнением к историческому сюжету о Кучках он считает наличие тюркских корней в происхождении самого Андрея Боголюбского, рожденного от брака Юрия Долгорукого и дочери (кипчакского) хана Аепы (Аййуба) половецкого Действительно, князь был женат дважды – первый раз на дочери хана Аепы Осекевича. Принято считать, что посредством этого брака отец Юрия Владимир Мономах намеревался упрочить союз с половцами. В свою очередь, известный российский писатель, историк Вадим Кожинов трактовал это таким образом: личность Владимира Мономаха – «как и сама Русь к середине XI

века – словно бы вобрала в себя тогдашний мир: внук Ярослава Мудрого, он одновременно был правнуком прославленного шведского короля Олафа (на чьей дочери Ингигерде был женат Ярослав) и внуком византийского императора Константина Мономаха (его дочь была матерью Владимира); сам он обручился с Гитой – дочерью последнего собственно английского (англского) короля Гаральда II». По словам В. Кожинова, «все эти идущие с Запада и Юга "нити" как-то сплелись в личности Владимира». Поэтому старшего сына, Мстислава, «он женил (в конце XI века) на дочери очередного шведского короля», а вот в начале XII в. расклад создания семейных союзов оказался «совсем иным» – супругой Ярополка стала осетинская княжна, а Андрею и Юрию Долгорукому в качестве жен отец определил дочерей «знатных половецких ханов». Согласно Кожинову, «в этом выборе, надо думать, проявилось осознание «евразийской» судьбы Руси» [18]. С учетом излагаемого упомянутым выше Синопсисом факта, что князь Андрей «прежде крещенія нарицашеся Китай» [5], Ф. Асадуллин высказывает точку зрения, согласно которой тюркское имя Китай (Катай) на языке половцев означало «крепость», «укрепление». От этого корня происходит название исторического места самого древнего после Кремля района Москвы – Китай-города, появившегося после того, как в 1534— 1535 гг. торговые ряды, составлявшие Великий посад, были обнесены стеной.

На основании этого исследователь резюмирует, что первые свидетельства о Москве говорят о ней как о городе, который с момента основания соединил этнически и конфессионально две изначально присущие ему духовно-культурные традиции — традицию, восходящую к исламу, прежде всего к принявшим его волжским булгарам, и традицию, восходящую к христианству византийского образца, которое в силу исторического выбора стало религией и образом жизни большинства населения как самого города, так и всего Российского государства [11].

- 1. Житие Святого благоверного князя http://www.saints.ru/a/andrey bogolubsky.html
- 2. О чудесах Владимирской иконы Пресвятой Богородицы

http://nesusvet.narod.ru/ico/books/vladimirskaya.htm

Акафист Пресвятой Богородице перед Ея иконой, именуемой Владимирская

http://www.hram.ru/index.php/library-akafi st-20

- Грамота великого патриарха Луки ко князю Ондрею ростовскому, Боголюбскому. Цит. по: Митрополит Макарий. История русской церкви. Приложения http://rus-sky.com/church his/mak3ap0.htm
- Киевский синопсис, или Краткое собрание от различных летописцов о начале Славенороссийского народа и первоначальных князех богоспасаемого града Киева https://books.google.az/books?id=m9xKAAAAcAAJ&pg=PA11 4&lpg=PA114&dq=%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%B8%D 1%86%D0%B0%D1%88%D0%B5%D1%81%D1%8F+%D0%9 A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9&source=bl&ots=28CD byv-

yf&sig=r4_vwc_YC4cAkGSkXLlrtiQmw0&hl=ru&sa=X&ved= 0ahUKEwjYidLqkMLMAhVBuxQKHS8QBNIQ6AEIGzAA#v= onepage&q=%D0%9A%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%B9& f=false

- 6. Ипатьевская летопись a/ http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat22.htm 6/ http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat15.htm
- Русская история. Полный курс лекций. Лекция 7. восемналиатая

http://bibliotekar.ru/rusKluch/18.htm

- Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь http://gumilevica.kulichki.net/ARGS/args316.htm
- 9. Повесть о походе Игоревом, Игоре, сына Святославова, внука Олегова

http://his95.narod.ru/doc00/igor.htm

- 10. Сорокин В. На древнем Кучковом поле http://mos-nj.narod.ru/1990_/nj9511/A/index.htm
- 11. Асадуллин Ф. Глубокие корни родства http://www.tatmir.ru/article.shtml?article=816§ion=0&headi ng=0
- 12. Горбаневский М. В. Сретенка

- http://www.familii.ru/fi les/Gazeta_09_(01-07).pdf
- 13. Татищев В. История Российская. Часть 2 www.e-reading.club/chapter.php/55892/42/Tatishchev Istoriya Rossiiiskaya Chast%27 2.html

Istoriya Rossiiiskaya Chast%27_2.html

- 14. Повесть об убиении Андрея Боголюбского http://bibliotekar.ru/rus/47.htm
- 15. См. подробнее: Борис Богоявленский. Страсти по Андрею

http://his.1september.ru/article.php?ID=200201901

- 16. Макиенко М. Путешествие рязанских HC http://kiborg14.livejournal.com/tag/D18FD0B7D18BD187D0B5 D181D182D0B2D0BE
- 17. Кудрявцев А. Андрей Боголюбский a/ http://times248.narod.ru/premier/005-premier/page-premier-005/017pages-act-2-5.htm
- $6/\ http://times248.narod.ru/premier/005-premier/page-premier-005/016pages-act-2-4.htm$
- 18. Кожинов В. История Руси и русского Слова www.e-reading.club/chapter.php/28186/30/Kozhinov__Istoriya_Rusi_i_ russkogo_Slova.html
- 19. Постниковский летописец http://www.russiancity.ru/books/b59.htm

РИМ РАСКРЫВАЕТ «ОБЪЯТИЯ» ДЛЯ РУСИ

Очевидно, что намерения Андрея Боголюбского обрести церковную независимость от Константинополя не устраивали католический Запад, имевший значительные виды на Русь. Но напрямую подступиться к русским землям было не так-то просто, и поэтому Рим искал пути, по которым в них можно было проникнуть.

Коммерческая подоплека интереса католического Запада к Новгороду

К 1180 г. внутриполитическая обстановка в Новгороде обострилась из-за борьбы между партиями бояр, представляющими интересы тех или иных внешних сил, в основном смоленских и суздальских. Смоленскую партию поддерживал князь Мстислав — сын смоленского князя Давыда, а суздальскую — посадник Михалко.

Противоборство партий в Новгороде обходилось без прямых столкновений и смена позиций происходила в основном бескровно. В этих условиях политические предпочтения новгородских властей склонялись в сторону запада, и причиной тому были коммерческие интересы местного купечества. В взаимоотношения Новгорода частности, развивались балтийским островом Готланд, где с середины XII в. укрепилась немецкая купеческая община. Здесь четко определили выгодность торговли с богатым Новгородом, в подтверждение чего обычно приводится один из пунктов грамоты германского императора Фридриха I Барбароссы городу Любеку от 1188 г.: «Rutheni, готы, норманны и прочие восточные народы пусть приходят в неоднократно упомянутый выше город (Любек) беспошлинно» и «свободно уходят». Правда, в комментариях к документу отмечается, что сохранявшийся до Второй мировой войны в Государственном архиве Любека (ныне – в Немецком центральном архиве в Потсдаме) экземпляр грамоты долгое время считался оригиналом, но, по всей вероятности, является списком, подготовленным ок. 1225 г. для подтверждения германским императором Фридрихом II И «подвергся

тенденциозной любекской редактуре»; впрочем, Фридрих II подтвердил в мае 1226 г. эту редакцию в полном объеме. С учетом того, что «вмешательство любекских редакторов в текст вряд ли затронуло» вышеприведенные «внешнеторговые установления», датировка документа остается традиционной – 1188 г. [1]. В любом случае, по убеждению большинства исследователей, под Rutheni (т. е. «русскими»), получившими право беспошлинной торговли в Любеке, подразумевались новгородцы [2].

Тем не менее, согласно Новгородской Первой летописи, в том же 1188 г. «рубоша новгородьце Варязи на Гътехъ, Немьце въ Хоружьку и въ Новотържьце; а на весну не пустиша из Новагорода своихъ ни одиного мужа за море, ни съла въдаша Варягомъ, нъ пустиша я без мира» [3].

Текст летописи явно свидетельствует о конфликте между новгородцами и немцами в Готланде. Однако его подоплеку в общих чертах удалось расшифровать относительно недавно силами исследований Андрея Зализняка — российского лингвиста, изучавшего языки берестяных грамот⁴⁷ и памятников письменности Древней Руси XI–XV вв. Особо важным в свете этого конфликта стал его анализ глагола «рубили», который имелся в летописи в форме «рубоша» и являлся одной из форм глагола «рути», смысловое значение которого соответствует словосочетанию »подвергать конфискации».

Таким образом, в переводе А. Зализняка начальная часть приведенного выше летописного текста выглядит так: «В том же году варяги, т. е. на Готланде немцы, конфисковали товар у новгородцев за вину Хоружка и новоторжцев». Российский археолог, преподаватель кафедры археологии МГУ Елена Рыбина приводит факты, подтверждающие соответствие перевода исторической действительности. Она отмечает, что прямые аналогии конструкции А. Зализняка содержатся в берестяной грамоте № 246 (ХІ в.), в которой автор письма Жировит угрожает некоему Стояну из-за того, что тот конфисковал в счет долга товар другого новгородца («хочу ти вырути в тя лучшего новгорожанина»). Подобная мера против

_

 $^{^{47}}$ Берестяные грамоты — письма и записи на коре березы. — прим. авт.

должника зафиксирована в полоцкой грамоте XV в. При этом летопись раскрывает, о каких именно варягах идет речь: поскольку варягами обобщенно именовались жители северных стран, в том числе Готланда, а конфликт произошел между новгородцами и готландской немецкой общиной, ее составитель уточнил, что в описанном случае под варягами подразумеваются немцы Готланда – «варяги, на Готах немцы». Соответственно, в основе «торговой» проблемы лежала некая провинность новгородского купца Хоруга и новоторжекских купцов жителей Нового Торга и Торжка, входящих в состав Новгородской земли, - перед немецкими торговцами на Готланде, по причине которой последними был конфискован товар и этих, и других новгородских купцов. Такой шаг вынудил Новгород предпринять ответные меры, «не пустиша из Новагорода своих ни единого мужа за море, ни съла въдаше варягом, нъ пустиша я без мира» [4].

Однако взаимный интерес к восстановлению торговых связей привел к появлению в первые годы последнего десятилетия XII в. торгового договора новгородцев с послом Арбудом, со всеми немецкими сынами и с готами, дозволявшего «ходити Новгородцю послу и всякому Новгородцю в миръ в Немечьску землю и на Гъцкъ Берегъ. Такоже ходити Немьчьмь и Гтяномъ в Новъгородъ безъ пакости, не обидимъ ни кымже». В договоре было сказано, что смена власти в Новгороде, Готланде и немецких городах не будет являться основанием для его перезаключения [5].

Насколько известно, этот договор является первым коммерческим договором Новгорода с Западом. К тому времени в городе обосновался торговый двор готландских купцов, начала функционировать Католическая церковь св. Олафа — первого канонизированного норвежского святого. Таким образом, в орбите католической Европы Новгород занимал одно из самых важных мест.

Галицко-Волынское княжество

Другим объектом пристального внимания папского престола являлось Галицко-Волынское княжество.

С 1168 по 1170 г. в Новгороде княжил Роман Мстиславич, сын великого киевского, а затем великого владимиро-волынского князя Мстислава Изяславича и польской княжны Агнешки. С 1170 г. он становится князем Волынским, а в 1188 г., при содействии польского короля Казимира, - Галицким. Согласно Великопольской хронике, Казимир, «с большой силой вступив на земли, принудил» галицкого русские князя Владимира «покинуть Галицкое королевство». Ярославича Казимир «назначил галицким князем Романа, сына своей сестры, рожденного от ее второго мужа, а сам, усмирив Русь, счастливо вернулся домой».

Экс-князь Владимир Ярославич также стал искать поддержки за рубежом, обратившись, в частности, с просьбой «помочь ему вернуться на трон» к венгерскому королю Беле III. Ответом Белы Владимиру Ярославовичу было согласие, но «отнюдь не из сочувствия к нему, а скорее домогаясь Галицкого королевства». Войска венгров сместили Романа, и на его место королем был воцарен не кто иной, как его сын Эндре II, будущий правитель Венгрии. Владимир же оказывается в тюрьме, но, пообещав «тюремным стражам дары», ускользает из плена [6]. По данным Ипатьевской летописи, он тут же направился за подмогой к «царь Немецкыи» [7]. Вместе с тем, Великопольская свидетельствует, Владимир что ≪B покровительства» Казимира, и добился его: краковский воевода Николай изгнал Эндре, «восстановив» в «Галицком королевстве» Владимира [6].

Далее на политической арене вновь возникает фигура Романа Мстиславича. В результате конфликта между его тестем Рюриком Ростиславичем, который был князем Киевским с 1194 г., и князем Владимирским Всеволодом Большое Гнездо Роман Мстиславич лишился многих земель, отошедших в пользу последнего. Обратившись за помощью к князю Мазовецкому и Краковскому Лешеку Белому, он получает такой ответ: «Мы быхом тобе раде помогло, но обидить насъ стрый свои Межька⁴⁸, ищеть под нами волости», посему сначала «оправи насъ, а быхом

⁴⁸ Подразумевается низложенный в 1180 г. князь великопольский Мешко III Старый, пытавшийся овладеть Краковом. – прим. авт.

быле вси Ляхове не раздно, но за одинемь быхомъ щитомъ быле с тобою и мьстили быхомъ обиды твоя» [7].

Договоренность сторон была достигнута, и в 1195 г. в знаменитой битве на Мозгаве Роман Мстиславич помог Лешеку Белому разбить Мешко, за что спустя четыре года Роман Мстиславич, заручившись поддержкой Лешека, стал первым Галицко-Волынским князем. Несмотря на то, что после кончины князя Галиции «князья Руси, одни дарами, другие хитростью, некоторые и тем и другим, старались захватить пустующее место», галичане «вынуждены принять князем Романа» [7]. Уничтожив внутреннюю оппозицию в лице мятежных галицких бояр, в 1201 г. он, изгнав из Киева Рюрика Ростиславича, отдал великое княжение Ингварю Ярославичу, сыну Ярослава Изяславича и дочери чешского князя Владислава II.

В 1204 г. после завоевания Константинополя католическим Римом Папа Иннокентий III направил своего легата к Роману Мстиславичу с предложением о получении им королевской короны в обмен на принятие католичества. Но столкнулся с отказом, что вполне объяснимо: с ослаблением позиции Константинополя нарушалась прежнее духовное подчинение Руси Византии. Так был ли смысл Роману Мстиславичу становиться правителем, опекаемым новым «духовником»? К тому же он намеревался продвинуться вглубь Европы, вплоть до Саксонии.

Как бы то ни было, в качестве первичного шага к достижению цели — продвижению в центр Европы — Роман Мстиславич, «забыв о бесчисленных благодеяниях, оказанных ему» Казимиром и Лешеком Белым, вторгся в Польшу. Но, «получив удар мечом, испустил дух на поле боя» [6] в битве при Завихосте, где галичане в 1205 г. были разбиты поляками.

Балтийский берег

Еще одним промежуточным звеном в процессе постепенного «внедрения» на Русь католическому Риму виделся балтийский берег. По данным ливонского летописца Бальтазара Руссова, в 1158 г. к Ливонии, получившей «свое название от ливов, которые издревле были жителями этой страны», на парусных судах

подступили бременские купцы, найдя здесь «злой, языческий народ». Вслед за первоначальным столкновением стороны «заключили мир», после чего купцы «часто приезжали со своим товаром», будучи «хорошо принимаемы». Спустя некоторое время в Ливонии появились «первые крепости христиан», поскольку Папа Римский Александр III велел направить туда представителя Рима, которым оказался Мейнерт (Мейнгард), «монах из Зегеберга» (в Голштейне), в 1186 г. ставший епископом. С 1198 г. его сменил бременский каноник Альберт (Альбрехт) фон Буксгевден, в 1201 г. основавший город-крепость Ригу. Спустя некоторое время был создан Орден «Братьев Христова рыцарства» (меченосцев), члены которого «должны были жить в Ливонии и помогать при покорении всей страны». В 1202 г. Папа Иннокентий III «даровал ордену и утвердил за ним все приобретенные земли и всех людей в Ливонии». Причем с правом владения землями ≪на вечные времена» «наследственными» [8].

В свою очередь, согласно древнейшей хронике Ливонии, так называемой «Хронике Генриха Латыша», в 1203 г. князь Полоцкий Владимир (Вальдемар, Володша) осадил один из ливонских замков, чему ливы «не посмели сопротивляться» и откупились от него. Тогда же вассал полоцкого князя, правитель княжества (королевства) Герцике (Ерсика, ныне латвийский поселок) Висвалдис (Всеволод) совместно с литовцами подошел к Риге, и «захватил двух священников». И ливы, и литовцы, и князь Полоцкий постоянно нападали на Ригу, но Альберт, распространявший в юго-восточной Ливонии христианство, воспользовавшись Орденом меченосцев захватом стратегических крепостей, с 1205 г. перестал платить дань полоцким князьям.

В том же году литовцы «двинулись в поход против эстов». Возвращаясь «со всей добычей и пленными» через Ливонию, они подверглись нападению, организованному Вестгардом, «одним из старейшин семигаллов⁴⁹», и тевтонцами. Вскоре после этого «жившие у Двины ливы», кто «еще остался в язычестве, обещали креститься».

•

⁴⁹ Семигалия, Земгале, или Земгалия – одна из пяти исторических областей Латвии, названная по древнему балтийскому племени земгалов. – прим. авт.

Тем временем Вальдемар II, «король Дании с большим войском» в сопровождении «архиепископа лундского Андрея» в 1206 г. «высадился на Эзеле» — острове Балтийского моря, расположенном при входе в Рижский залив. Но вскоре король вернулся назад, а архиепископ вместе с епископом Николаем «повернули в Ригу». Андрей начал «читать псалтырь» клирикам, и в 1207 г. «была обращена и крещена вся Ливония».

Об укреплении Риги свидетельствует обращение в том же году к епископу Альберту правителя удельного западнорусского Кукейносского княжества Вячко с просьбой о помощи «против нападений литовцев» в обмен на «половину своей земли и своего замка». На что было получено добро. В 1209 г. вассалом Риги признал себя князь Всеволод [9]. К этому времени в Ерсике существовали православные храмы, а значительная часть латгалов, населявших восток современной Латвии, приняла православие.

В 1217 г. возглавивший католический престол в Риме папа Гонорий III санкционировал поход крупнейшего вассала датской короны графа Альберта Голштинского (Орламюндского) в Ливонию. Поход этот он оправдывал тем, что «с открытого севера неверие подожгло котел»⁵⁰, а «малое стадо <...> никоим образом» не может «оставаться без внимания» [10].

В том же году датский король Вальдемар II высадился на берегах северной Эстляндии, основав крепость Ревель (Таллин).

А в 1219 г. на Ливонию «иде князь Всеволодъ съ новгородьци <...> устретоша стороже Немьци, Литва, Либь, и бишася», но «стояща 2 недели, не взяща города» [1/б].

«Хроника Ливонии» свидетельствует, что как только в 1219 г. объединенные силы меченосцев, лэттов и ливов «разгромили ревельскую область, уже принявшую проповедь датчан», последние заявили о «принадлежности» Эстонии «королю датскому» Вальдемару II, переданной «ему епископами ливонскими». Правда, датчане и Орден вскоре «любезно» разделили Эстонию. Но тут король Швеции Иоанн «собрал большое войско и явился в Роталию, рассчитывая захватить какую-либо часть Эстонии и господство там» [9].

⁵⁰ В данном контексте могли подразумеваться как эсты, так и псковичи с новгородцами. – прим. авт.

Папа Гонорий III, продолживший политику своего предшественника, открыто выступил в поддержку «святого» воинства. Красиво выразившись в булле от 1220 г. о том, что «молодые саженцы христианской религии в необыкновенном изобилии произвели цветы и плоды почета и добродетели» ⁵¹, Гонорий III засвидетельствовал «навечное» нахождение Тевтонского ордена «под покровительством и защитой апостольского престола», разрешив его членам не только беспрепятственное присвоение «для своих потребностей то из награбленного язычниками, что вы захватите у них», но и «мирно владеть теми землями, на которых [они] обоснуются, не нарушая прав своих сеньоров» [11].

Разумеется, далеко не все были согласны с «римским» видением мира. С одной стороны, среди самих европейцев не было – да и не могло быть – геополитического единства. С другой стороны, потеря собственных территорий — даже будучи «освещена» Папой — никоим образом не устраивала местных прелатов, среди которых начались метания. Так, епископ ливонский, не получив поддержку ни римского двора, ни императора Священной Римской империи, «отдал Ливонию и Эстонию под власть» Вальдемара II с условием, что «прелаты его монастырей, его люди и все рижане с ливами и лэттами дадут согласие на это». Однако спустя некоторое время «по всей Эстонии и Эзелю» прозвучал «призыв на бой с датчанами и тевтонами», для ведения совместных действий против которых эсты призвали на помощь «русских из Новгорода и Пскова», с которыми «закрепили мир».

Вместе с тем, в 1221 г. «двенадцать тысяч русских, собравшихся из Новгорода и других городов Руссии» вошли «в землю лэттов» и, «дожидаясь литовцев», перешли Койву, разграбив «всю страну». А «где русские нанесли меньший вред, там приложили руку литовцы». Но после выступления «из Риги магистра братьев-рыцарей со своими», русские, по пути разоряя и сжигая «окрестные области», вернулись «в Руссию». «Не

_

 $^{^{51}\,\}mathrm{A}$ как же разгром Константинополя? – прим. авт.

решаясь отделиться от русских из страха перед тевтонами», ушли с ними «во Псков» и «литовцы» [9].

Фактор монголов

Тем временем в половецкие степи в 1222 г. вторглось монгольское войско, в связи с чем половцы «бежали к русским, прося помощи, и прошел по всей Руссии призыв биться с татарами» [10].

Согласие на просьбу половцев о помощи было дано в Киеве на совете во главе с Мстиславом Романовичем Киевским, Метиславом Удалым Галицким и прочими южнорусскими князьями в отсутствие вовремя не подоспевших северорусских делегаций. По свидетельству Суздальской летописи, русское войско стало стекаться к «реце Днепру на Зарубъ к острову Варежьскому». Узнав об этом, к месту сбора подоспели монгольские послы с предложением заключить мир: «Мы вашеи земли не заехомъ, ни городовъ ваших, ни селъ, ни на вас приидохомъ <...> на поганых половци. Возмите с нами миръ». При этом послы, отметив, что ранее половцы «и вамъ многа зла озвучили творити», возможность совместных монгольских антиполовских действий: «Половци и вы беите, а товаръ емлите себе». Однако князья «того не послушаша, послы Татарьскыя избиша», «поидоша против имъ». Не прислушались они и ко второму монгольскому посольству. В результате Русь не смогла оказать сопротивления монголам, «обедившимъ Росскых князеи за прегрешеніє христьяньскоє» [12].

В 1223 г. у реки Калка монголы нанесли русско-половецким войскам сокрушительное поражение: «Бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева с сорока тысячами воинов <...> Мстислав Галицкий спасся бегством» [9].

А из-за продвижения «Татаромъ до Новагорода» [12] смоленский, полоцкий и ряд других князей «отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлен был мир».

Путь к католизации Руси открыт?

Тем временем в 1225 г. по просьбе с мест, прозвучавшей из уст рижского епископа, римский двор направил в Ливонию легата апостольского престола, который призван был, «заботясь о вновь обращенных», проповедовать «слово спасения» для закрепления «жителей в вере католической». Его авторитет был настолько высок, что приходили «к нему тевтоны, ливы и лэтты просить суда по разным делам». Опираясь на него, легат пригрозил «церковной карой» тевтонцам и «заставил отдать» «спорные» присвоенные ими c датчанами покровительство верховного первосвященника». Датчане же, обещав «полное повиновение» Риму, передали католическому центру «Виронию, Гервен, Гариэн и Поморье», после чего был заключен мир между тевтонами и датчанами, а также «с эстами всех областей».

В начале 1226 г. интересы легата обратились на «область лэттов». Проповедуя в Гервене и в окрестностях «слово Божье», он «наставлял в вере католической и принял их под власть верховного первосвященника». Сочтя миссию в этой области выполненной, представитель Папы вернулся в Ригу, направившись из Ливонии в Готландию, «сея там слово божье» [10].

Католизация большинства земель Балтии открыла путь к «конфессионально-идеологическому» продвижению папского Рима к Руси. В послании «королям Руси» 1227 г. Гонорий III спрашивал их, готовы ли они «принять легата Римской церкви, чтобы под воздействием его здравых наставлений» постичь «истину католической веры». Наряду с этим Папа наказывал поддерживать «прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии», не мешая распространению «веры христианской». Рим фактически прибег к недвусмысленным угрозам, заявив, что лишь подчинение его указам позволит избежать «негодования божественного апостольского престола», легко могущего «воздать вам возмездием» [13].

Как подчеркивает российский историк Борис Флоря со ссылкой на немецкие и польские источники, в одной из булл за 1230 г. Папа Григорий IX призывал шведских рыцарей отправиться в поход против «жестоких язычников», обосновавшихся в Карелии, Ижоре (Ингрии) и Вотской земле

(Watlandie). Внешне «экспансия католических государств севера Европы» при «прямой поддержке римской курии» была направлена против «живущих на побережье Балтийского моря язычников». Однако с учетом признания последними политического верховенства «древнерусских княжеств» Запад фактически подступал в «традиционную зону русского влияния». Не случайно, говоря об успехах, достигнутых Римом в «обращении финнов», Папа отмечал, что «русские, живущие с ними по соседству», питая к ним «огромную ненависть» из-за принятия ими католической веры, «часто в ярости нападают на них». В связи с чем он предписывал таким европейским центрам как Готланд и Любек прервать торговлю с этими «врагами Бога католической веры» до прекращения с их стороны «преследований новообращенных». В послании к ливонским рыцарям Григорий IX призывал их направиться в Финляндию сражаться против «неверных русских», а в булле к польскому духовенству речь шла о «сарацинах, русских и других врагах католической веры» [14].

Вдобавок к этому посланием 1232 г. своему легату Готланда, Финляндии, Эстонии и Курляндии Балдуину Альнскому Папа «вменял» ему не допускать «перемирия» христиан «ни с язычниками этих земель, ни с рутенами⁵² <...> в пределах границ твоего посольства без твоего согласия» [15].

Этот папский указ вышел в период возникновения Ганзейского союза неменких своболных городов, объединившего земли вокруг Северного и Балтийского морей с целью развития международных экономических связей и противостояния пиратству. Центром Ганзейского союза был город Любек на Балтике, что способствовало развитию торговли немецких городов со Скандинавией и Русью, где русские купцы создали реальную конкуренцию скандинавам, которые держали в своих руках большую часть балтийских торговых путей. Так называемый «Договор Смоленской торговой правды» от 1229 г. позволил смоленским, полоцким и витебским землям расширить торговлю с Балтией и немецкими городами. По свидетельству балтийского историка XIX в. Германа Гильдебранда,

-

⁵² Русскими. – прим. авт.

«постоянное русское население с тех пор имело пребывание в Риге, под защитою ее стен» ввиду «сознаваемой важности посреднического положения» поселенцев «в отношении к краю». Поэтому им предоставлялись «гражданские права в Риге». Точно так же и «немецкий купец пользовался в русских городах равноправностью с коренными жителями их» [16].

В свою очередь, получив доступ к внутреннему русскому порту Новгороду, любекские купцы основали в нем контору «Немецкий двор», ставший одним из крупнейших филиалов Ганзейского союза. Отсюда становится ясно, что послание Григория IX 1232 г. имело далеко не случайный характер.

Кроме того, отметим, что Орден меченосцев, предпринявший в 1236 г. первый крестовый поход в Литву и поддержанный псковичами, был разбит литовцами в битве при Сауле. Поражение было настолько сокрушительным, что после битвы Орден меченосцев прекратил существование. Уцелевшие «меченосцы» влились в Тевтонский орден. Именуясь Ливонским орденом, они стали его Лифляндским отделением – Ливонским ландмайстерством Тевтонского ордена.

1. Грамота германского императора Фридриха I Барбароссы городу Любеку (1188/1226 г.) и комментарий к документу

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Germany/XII/1180-1200/Friedrich_I/gram_lubeck_19_09_1188_II.phtml?id=12667

2. См. напр.: Новгород и Ганза http://www.novgorod/150.ru/ganza/novgorod/

б/ http://litopys.org.ua/novglet/novg06.htm

4. См. подр.: Рыбина Е. А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода.

annals.xlegio.ru/rus/novgorod/nis13_ryb.htm

5. Мирный договор князя Ярослава Владимировича с немецким послами

http://www.hrono.info/dokum/1100dok/1199ru_ge.html

6. Великая Польская хроника

 $http://www.vostlit.info/Texts/rus/Chron_Pol_majoris/frametext2. \\ htm$

- 7. Ипатьевская летопись http://litopys.org.ua/ipatlet/ipat28.htm
- 8. Бальтазар Руссов. Хроника провинции Ливония http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/text21.phtml?id=128 7
- 9. «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского http://livonia.narod.ru/chronicles/henricus/introduce/introduce.ht m
- 10. Послание папы Гонория III Альбрехту http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1200-1220/GonorijIII/Schreiben_Albrecht_Orlamund_25_01_1217/fra metext.htm
- 11. Булла папы Гонория III магистру и братьям Тевтонского ордена в Ливонии 20 о предоставленных им привилегиях http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1200-1220/GonorijIII/Bulla_bruder_Livoniae_12_12_1220/frametext.h tm
- 12. Суздальская лЪтопись.

http://litopys.org.ua/lavrlet/lavr31.htm

- 13. Послание папы Гонория III королям Руси http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1200-1220/GonorijIII/schreben_koenigen_Russiae_17_01_1227.phtml ?id=6042
- 14. Борис Флоря. У истоков конфессионального раскола славянского мира

http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2000/2_6/6_5.htm

- 16. Герман Гильдебранд. Немецкая контора в Полоцке http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XIII/1260-1280/Gildebrand/pred.phtml?id=3968

«БИТВЫ» АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО. НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ПРОДВИЖЕНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ВОЙСК В ЕВРОПУ

100 верст до Новгорода

В том же 1236 г. произошли события принципиально иного формата.

К Волге подошла монгольская армия. Разгромив Волжскую Булгарию, в декабре 1237 г. войска Батыя вторглись в пределы Рязанского княжества. В условиях раздробленности Руси должного сопротивления нападавшим оказано не было, и спустя год под власть монголов перешли Москва, Владимир, Суздаль, Переяславль-Залесский, Тверь и другие города, вслед за чем в начале весны 1238 г. монголы направились к Новгороду. Но дойдя «Серегерьскымъ путемъ до Игнача креста» – урочища в Новгородской земле, – войска развернулись, «не дошедше за 100 версть 53 до Новагорода». По версии русской стороны, это произошло благодаря тому, что за «городъ заступи Богь, святая и великаа съборнаа и апостольскаа церковь Софиа, святый преподобный Кирилъ, святыхъ правоверныхъ архиепископъ молитва, и благоверныхъ князей, и преподобныхъ чръноризецъ иерейскаго събора» [1].

Тем не менее, до сего дня исследователи пытаются разобраться в подлинных причинах поворота войск Батыя от Новгорода. Одни выдвигают гипотезу о тяжелых погодных условиях (весенней распутице), другие – о проблемах с кормом для лошадей, третьи предполагают, что крупная группировка монгольских воинов завязла в битве на реке Сить, куда из Владимира отступила дружина князя Юрия Всеволодовича. предоставляет никто аргументированные Однако не исторические факты, способные пролить свет на данный вопрос. Поэтому не исключено, что такой казалось бы странный поворот событий стал следствием неафишируемой геополитической договоренности между ведущими мировыми силами.

_

 $^{^{53}}$ 1 верста = 1,0668 километра. – прим. авт.

Анализ событий того периода в балтийско-русском направлении однозначно свидетельствует о проблематичности политики Рима по распространению влияния на эти земли, что объясняется в том числе отсутствием единства среди европейских сил. Рассматриваемый этап характеризовался мощнейшей борьбой за геополитическое первенство между понтификом Григорием IX и германским королем, императором Священной Римской империи Фридрихом II — вплоть до отлучения императора от церкви.

Вместе с тем, монгольская военная экспансия на Русь вполне устраивала Рим, поскольку раздробленное русское государство ослаблялось от этого еще быстрее и его северные территории становились более «открытыми» для римского влияния. Не исключено, что папская булла от 9 декабря 1237 г. главе шведской католической церкви упсальскому архиепископу Ярлеру являлась важнейшим инструментом продвижения к Руси. По свидетельству ряда источников, в булле отмечалось, что вследствие «стараний врагов креста» ранее «обращенные в католическую веру» люди из народа, именуемого «тавасты», возвращаются к прежнему «заблуждению». В связи с этим «владычество шведское ниспровергается, отчего легко может наступить совершенное падение христианства». В довершение всего следовал призыв о «поднятии знамени креста» против «этих отступников» и их изгнания [2].

Примечательно, что в тексте буллы вообще нет упоминания о Руси. Но тонкость здесь в том, что тавасты — это шведское название балтийско-финского племени емь, заселявшего приграничные территории Новгородской республики, которое в XI–XII вв. было ее данником . Следовательно, под «врагами креста» вполне могли быть понимаемы новгородцы. Таким образом, одной из возможных целей изгнания племени емь с его территории было приближение пропапских сил к северу Руси.

Исторические документы указывают, что к понтифику по различным каналам поступали довольно подробные сведения о планах монголов. Например, зимой 1237–1238 гг. епископ Перуджи, легат апостольского престола, получил письмо от

доминиканского миссионера бр. Юлиана из Венгрии, в котором, в частности, говорилось: «Многие передают за верное, и князь суздальский передал словесно через меня королю венгерскому, что татары днем и ночью совещаются, как бы притти и захватить королевство венгров-христиан. Ибо у них, говорят, есть намерение итти на завоевание Рима и дальнейшего. Поэтому [хан Батый] отправил послов к королю венгерскому» [3]. Правда, дальше Суздаля послы не добрались. Но не это главное. Важен факт, что Григорий IX такого рода сведения получал. И даже если папская булла о народе емь появилась в начале декабря 1237 г., а письмо Юлиана было написано лишь в январе-феврале следующего года, это ничего не меняет, поскольку понтифик вряд ли ограничивался только одним источником информации. Следовательно, он был прекрасно осведомлен о «европейских» намерениях монголов, тем более что их главной целью, как принято считать, являлся Рим. Поэтому Папа не мог не стремиться к укреплению собственных позиций, включая сохранение в целостности «своих» владений посредством вопроса». решения «русского C учетом возможных союзнических отношений Руси с ханом необходимо было добиться объединения европейских сил, в том числе на балтийском направлении. А при его отсутствии достижение господства над Русью не представлялось возможным – даже если бы Балтия была полностью подчинена Риму.

Сепаратные переговоры?

Неслучайно по настоянию Григория IX при участии папского легата Вильгельма Моденского в июне 1238 г. в Стенби король Дании Вальдемар II подписал мирный договор с магистром Германом Ливонского ордена Балке ландмайстерство Тевтонского ордена). Согласно договору Орден королю северо-эстонские провинции передавал Виронию и Ревель, гарантируя помощь датчанам в обороне их владений. Вальдемар уступил Ордену западно-эстонскую провинцию Гервен на условиях отказа рыцарей от возведения в нем крепостей без санкции датчан и их обязательства не вторгаться в эстонские владения Ордена. В случае совместных

завоеваний территорий язычников 2/3 захваченных земель должны были отходить к Дании, 1/3 – к Ордену. Таким образом, между противоборствующими сторонами в Балтии был «заключен» мир.

Тем не менее, анализ последующих событий не позволяет отбросить предположение о сепаратных переговорах между некоторыми силами Европы и ханом о разделе сфер влияния на Руси. С одной стороны, повторимся, отсутствуют какие-либо вразумительные сведения о причинах «любезного» отхода монгольских войск от Новгорода — летописи лишь отмечают это факт. С другой стороны, впоследствии северные владения Руси также оставались нетронуты монголами.

Таким образом, территориальный раздел гипотетически вполне мог иметь следующие очертания: Новгород – сфера влияния Папы, а Киев, Галич и Волынь – чингизидов. Наверняка, привлекали перспективы столкновения объединенными европейскими войсками, в особенности если они могли воспользоваться «южнорусским» путем в Европу через Карпаты. Важнейший нюанс здесь кроется том, что в целом Галицко-Волынские земли к тому времени «подступили» к католичеству: в них уже возникла латинская епархия. Так, Великопольская хроника отмечает имевшее место «имущество русского епископства, некогда относящееся к Опатовскому монастырю», называя и имя «епископа русских» – Герард [4]. Наряду с Венгрией и Польшей эти земли входили в ведение папства. Но если многие исследователи готовы признать тезис о разделении сфер влияния на Руси между Европой и Монгольской империей, то большинство из них опровергнут тезис о мирном продвижении европейцев на северные территории Руси основываясь на событиях, представляемых как советской, так и российской историографией «Невской битвой» и «Ледовым побоишем». Последние вплоть ДΟ сего ДНЯ характеризуются как решительная победа русского народа над немецко-шведскими захватчиками, которые стремились не только окончательно лишить страну независимости, но и насильственно «насадить» католицизм на место православия. Доказательством тому принято считать синхронность во времени атак европейцев на Псков-Новгород, а монголов – на Киев.

Действительно, в обоих случаях кульминация событий пришлась на сентябрь 1240 г.: монголы осадили Киев, а немецкие рыцари захватили замок Изборск. Но так ли все было однозначно?

«Невская битва» как проявление противостояния в борьбе за княжение во Пскове (фрагменты истории)

Летом 1240 г. шведы, подчинив балтийско-финские племена сумь и емь, двинулись к Новгороду. Согласно новгородской летописи, нападавшие преследовали цель «сташа в НевЪ устье Ижеры всприяти Ладогу, просто же реку и Новьгородь и всю область Новгородьскую» — то есть фактически отрезать новгородчан от Ладоги. Однако этим замыслам не довелось воплотиться, поскольку командовавший ополчением новгородский князь Александр, сын князя Владимирского Ярослава Всеволодовича, 15 июля якобы сокрушил агрессоров в ходе так называемой «Невской битвы».

Но здесь налицо нестыковка фактов: если это был тщательно подготовленный поход с далеко идущими планами, каким образом бой завершился столь скоротечно, да к тому же с минимальным количеством погибших у оборонявшихся — «20 мужь с ладожаны» [5]?

Нет сомнений, что Рим ни на секунду не снимал с повестки дня вопрос об «окатоличивании» Руси. Но может ли июльская битва 1240 г., судя по ее описанию, претендовать на скольнибудь значительную роль в осуществлении этого проекта? Очевидно, что по масштабности и геополитической значимости она на несколько порядков уступает другим битвам — например, при Сауле (1236 г.). Не является случайностью и слишком малое количество источников, освещающих это событие. Вполне возможно, что основной задачей шведов на тот момент являлась как раз реализация указаний папской буллы относительно племени емь, о котором говорилось чуть выше, а подход к Новгороду был в каком-то смысле «разведкой боем» на будущее.

Как бы там ни было, поводов говорить об исключительно антиправославной направленности шведско-ливонского тандема 1240 г., приведшего к знаменитому «Ледовому побоищу» 1242 г.,

уж точно нет. В ливонской атаке на Псков в сентябре 1240 г. просматривается совершенно иная подоплека — борьба между Новгородом и ливонскими немцами за распространение влияния в Пскове посредством вокняжения своего человека.

исторический памятник XIII «Ливонская рифмованная хроника» придает этому сценарию отчетливый религиозный оттенок: враждующий с русскими, что «хотели подняться против христианства, <...> дерптский епископ Герман» получил от «братьев-рыцарей ⁵⁴ » вооруженное подкрепление. И «с этим войском они двинулись тогда радостно на Русь» [6]. К тому времени Дерптом именовался Юрьев, в 1224 г. взятый войсками меченосцев. Переименовал его на немецкий лад епископ Герман I, сделав город центром своего владения – Дорпатского епископства. Кроме вышеназванных участников в состав ливонского войска входили также вассалы датской короны из Северной Эстонии вместе с «княземь Ярославомь Володимиричемь» [5]. Возникновение этого исторического персонажа в связи с рассматриваемыми событиями требует небольшого экскурса в недалекое от этих событий прошлое.

Для Пскова первой трети XIII в. была характерна явственная ориентация на «запад», что ослабляло возможности Владимиро-Суздальской Руси укрепить здесь свое влияние. Для решения этой проблемы отец Александра Невского князь новгородский Ярослав Всеволодович после смерти псковского Владимира Мстиславича в 1228 г. направился к Пскову. Но «слышавше пльсковици, яко идеть к нимъ князь, и затворишася въ городЪ, не пустиша к собЪ». Князь же «въспятися в Новьгород», объявил «ис Переяславля: "Хочю ити на Ригу"», призвав к походу и псковитян. Однако антиновгородские силы опасались, что захват Риги является предлогом для возведения Ярославом на княжение в Пскове близкого ему лица, и он получил такой ответ: «Тобе ся, княже, кланяемъ и братьи новгородьцемь; на путь не идемь», поскольку «с рижаны есме миръ взяли». После чего Ярослав распустил полки, а псковитяне «отпустили домой» вызванных на подмогу «НЪмьци и Чюдь55, Лотыголу и Либь» [5].

-

⁵⁴ Подразумевается Ливонское ландмайстерство. – прим. авт.

⁵⁵ Эсты. – прим. авт.

В 1229 г. Ярослав вынужден был уступить княжение Михаилу Всеволодовичу Черниговскому, что, по всей видимости, позволило стать князем Пскова сыну Владимира Мстиславича Ярославу, родная сестра которого, кстати говоря, была замужем за видным рыцарем Ливонского ордена Теодорихом, братом рижского епископа Альберта. Но закрепиться в роли князя ему не удалось, поскольку вновь утвердившийся в 1231 г. в Новгороде Ярослав направил в Псков своего наместника Вячеслава, и тезка первого вынужден был бежать родственникам в Ливонию, поселившись там в замке под названием «Медвежья голова» («Одемпе»). Уже на следующий год возле него оказываются члены псковской антиновгородской «Борисовой чади⁵⁶»: «Борисове чади <...> идоша въ МЪдвежю голову». В 1233 г. при поддержке ливонских рыцарей они попытались вернуть княжение, но «изгониша Изборьскъ Борисова чадь съ князьмь Ярославомь Володимирицемь и съ НЪмци» [5]. На фоне этого в Пскове укрепился князь Юрий Мстиславич.

Исходя из этих данных можно с большой долей уверенности предположить, что ливонское наступление на Псков 1240 г. преследовало целью именно «восстановление» псковских прав Ярослава.

Смена власти в Пскове

Разноликий ливонский состав «приде вЪсть въ Пльсковъ», вслед за чем «взяща НЪмци Изборьскъ; и выидоша пльсковичи вси, и бишася с ними, и побЪдиша я НЪмци» [5]. Ввиду захвата «приступом» замка Изборск «ни одному русскому не дали уйти невредимым». Псковичи «грозно поскакали туда». Нанеся им поражение, братья-рыцари «разбили свои палатки» перед Псковом [6]. Новгородская летопись в дополнение к тому свидетельствует, что объединенные силы, которые «зажгоша посадъ всь», «погорЪша церкы», «много селъ попустиша около Пльскова», находились «подъ городомь недЪлю, но города не взяща» [5]. Следовательно, они чего-то ждали?

-

⁵⁶ Названа по имени тысяцкого Бориса Негочиевича. – прим. авт.

Логично предположить, что в это время между сторонами шли переговоры. Ливонский летописец Бальтазар Руссов раскрывает, что «русские в Пскове пожелали мира» и предложили сдаться и Псков были переданы «Замок разместившему в них «братьев ордена и христиан» [7]. После этого ливонское войско «радостно ушло оттуда», оставив «двух братьев-рыцарей, которым поручили охранять землю, и небольшой отряд немцев» [6]. Летопись раскрывает нюансы происшедшего: «Бяху бо перевЪтъ держаче с НЪмци пльсковичи, и подъвели ихъ Твердило Иванковичь съ ин Том». И здесь многое становится очевидным: с учетом того, что слово «перевет» обозначает предательство, а Твердило Иванкович являлся местным посадником, «ливонская операция» могла иметь целью лишь смену власти в Пскове. Что, собственно, объясняет наличие в составе наступавших войск ведомой «княземь Ярославомь Володимиричемь» дружины. Именно поэтому проновгородские экс-правители Пскова оставили город, «вбЪжаша в Новъгородъ с женами и с дЪтьми» [5].

Что касается последних дней жизни Твердилы Иванковича, то по словам искусствоведа С.Агафонова, куратора художественной студии при храме св. Великомученика и Целителя Пантелеймона в подмосковном Жуковском, конец «изменника был страшен». «У него дома воспитывался снежный барс. Еще котенком был взят, стал совсем ручным. Но после предательства зверь разорвал хозяина, и псковичи поместили в нижнюю часть герба барса с поднятой лапой, а вверху — облако и Десницу Божью с указующим перстом. «Так будет с каждым, кто предаст Псков» — вот предупреждение, заложенное в гербе» [8].

Ответ Александра Невского, «Ледовое побоище» и Сталинская премия для Сергея Эйзенштейна

Во второй половине 1241 г. в Новгород возвращается Александр Невский, ненадолго уступивший княжество брату Андрею, который «поиде на НЪмци на городъ Копорью» и «взя

городъ»⁵⁷. Весной же 1242 г. «князь Олександръ с новгородци и с братомь АндрЪемь», предварительно «изгони князь Пльсковъ, изъима НЪмци и Чюдь», отправился «на Чюдьскую землю на НЪмци» [5] – то есть во владение Дорпатского епископства. Так не для отмщения ли тому самому епископу Герману за содеянное был задуман поход?

Согласно Ливонской хронике, «русским были обидны их неудачи». Поэтому, подступая к цели, наступавшие действовали так же, как и ливонцы, «чиня грабежи и пожары». Епископ «велел мужам епископства поспешить в войско братьеврыцарей», и этот отряд «одолел» вышедших на дозор «стрелков» Александра [6]. «УзрЪвъ» ситуацию, князь отвел войска к «Чюдьскомь озерЪ», и «на Узмени, у ВоронЪя камени» завязался бой [5]. «Рыцари достаточно упорно сопротивлялись, но их там одолели. Часть дерптцев вышла из боя» [6]. «НЪмци ту падоша, а Чюдь даша плеща; и, гоняче, биша ихъ на 7-ми версть по леду до Суболичьскаго берега; и паде Чюди бещисла, а НЪмець 400, а 50 руками яша и приведоша в Новьгородъ». Спустя некоторое время «НЪмци прислаша с поклономь»: «Что заняли мы мечом, Водь, Лугу, Псков, Летголу, от того всего отступаемся; сколько взяли людей ваших в плен, тех готовы том «и умиришася» ⁵⁸ . При этом обменять». На предшествующих событиях уже никто и не вспоминал, и княжение в Торжке и Бежецке получил не кто иной, как Ярослав Владимирович, который в 1245 г. «воеваша Литва около Торжку и БЪжици; и гнашася по нихъ новоторжци съ княземь Ярославомь Володимиричемь» [5].

Так завершилось преподносимое в качестве «Ледового побоища» столкновение между Новгородом и ливонцами за контроль над Псковом.

Но на каком основании советская историография придала событиям 1240–1242 гг. ореол грандиознейших сражений?

Очевидно, эта идеологическая тенденция возникла по инициативе И. Сталина в период обострения российскогерманских отношений в начале второй половины 1930-х гг. В

_

⁵⁷ В период нахождения «своей» власти в Пскове немцы построили в Копорском погосте деревянную крепость. – прим. авт.

⁵⁸ Помирились. – прим. авт.

1937 г. советский режиссер Сергей Эйзенштейн (совместно с П. Павленко) написал сценарий для фильма, среди рабочих названий которого значились «Русь» и «Ледовое побоище». В условиях уже практически не вызывавшей сомнений подготовки Берлина к войне Сталин, по всей видимости, стремился воодушевить народ посредством пропаганды патриотических идей. Таким образом, перед режиссером была поставлена задача продемонстрировать «героический дух русского народа», сумевшего в Средние века не только противостоять европейцам, но и нанести им «сокрушительное поражение». Так стала создаваться поддержанная историками легенда.

Однако и здесь вскоре проявилась геополитика. Пройдя в конце 1938 г. общественный просмотр, отснятая лента, получившая название «Александр Невский», была с успехом представлена на экранах советских кинотеатров. Но кинопрокат продолжился лишь до заключения в 1939 г. российскогерманского пакта о ненападении. И только после начала Германией военных действий против Советского Союза фильм был восстановлен в прокате, а режиссер получил Сталинскую премию, став доктором искусствоведения без защиты диссертации.

Вместе с тем, в своей речи на параде 7 ноября 1941 г. И. Сталин, обращаясь к «товарищам красноармейцам и краснофлотцам, командирам и политработникам, партизанам и партизанкам», произнес крылатую фразу: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков», первым среди которых был назван Александр Невский [9].

Возвращаясь непосредственно к столкновению между Новгородом и ливонцами, получившему впоследствии название «Ледовое побоище», напомним, что в основе его лежало соперничество сторон за право контроля над Псковом. Сторонники идеи о «католическом заговоре», якобы имевшем место в описанных событиях, могут сказать, что наступление 1240 г., планируемое европейцами в качестве «разведки боем», не получило продолжения исключительно ввиду возникшего к тому времени очередного витка противостояния между Фридрихом II и Григорием IX, что не позволило им осуществить совместные действия. Однако историческая драма,

развернувшаяся вокруг Пскова, все же позволяет увидеть в происходившем внутриполитическую подоплеку, пусть и формально окрашенную во «внешние» тона.

Другое дело, что отсутствие единства среди европейских правителей вполне могло способствовать заключению договоренностей о разделе сфер влияния на Руси между монгольским ханом и некоторыми силами в Европе, о чем говорилось ранее.

Продвижение монголов и противостояние между императором и Папой

Согласно Галицкой летописи, осенью 1240 г. монгольский хан и полководец Батый подошел «к Киеву в силе великой, с многим множеством воинов своих, и окружил город». Мирно договориться с князем Михаилом Черниговским не удалось, посему началась «битва великая». «Люди взбежали и на церковь, и на своды церковные со своими пожитками, (и) от тяжести повалились с ними стены церковные. И взят был город иак воинами» [10].

Весьма показательно, что в те дни князь Галицкий Даниил, в сферу интересов которого входил Киев 59 , решал вопрос династического брака для своего сына с королем Венгрии Белой IV.

В начале 1241 г. монгольские завоеватели захватили и разорили Галич с Владимиром-Волынским, что стало промежуточным этапом на их пути в Европу. В течение двух месяцев 1241 г. «татары, Подолье и Русь спаливши», в апреле сожгли, как о том гласит Киевская летопись XIII—XVII вв., Судомир и Краков, а «король Болеслав бежал» [11]. Затем настал черед Венгрии: «Побежали угры 60, гнали их татары до реки Дуная» [10]. Тем самым началось триумфальное шествие монголов по Восточной Европе.

Вторжение монголов в Европу совпало во времени с папскоимператорским противостоянием, одной из важнейших причин которого была борьба за контроль над городами Северной

⁵⁹ Им был посажен в качестве тысяцкого Дмитрий. – прим. авт.

⁶⁰ Венгры – прим. авт.

Италии – членами Ломбардской лиги. В то же время, по данным одного из крупнейших хронистов английского средневековья Матфея Парижского (XIII век), в письме английскому королю Генриху III император Священной Римской империи Фридрих II указал на важность объединения усилий «всех властителей земных, и прежде всего – христианского мира» в борьбе с монголами. При этом он подчеркивал готовность «унизиться» публично ради прекращения Папой Римским распространяемого «по всему миру поношения нас по причине его неприязни к нам» фактора, в отсутствие которого «мощь наша еще возросла бы и усилилась в сопротивлении общему врагу». Но, с его слов, Григорий IX «приказал возгласить против меня, правой руки и защитника церкви, крестовый поход». При этом Фридрих фактически назвал Папу главным виновником активизации европейском направлении, причиной монголов происходящего – то, что они «узнали об общественном разногласии и о беззащитности и ослабленности земель; услышав о раздоре королей и распрях между королевствами, еще более воодушевляются и поднимаются» [12].

Так вот, высшая точка внутриполитической напряженности в Европе пришлась именно на апрель 1241 г., когда монголы уже шествовали по ее восточным землям. В целях легализации акта отлучения Фридриха II от церкви Григорий IX созвал Вселенский собор, для участия в котором в Рим направились (на кораблях) прелаты из разных стран. Целью Фридриха было не проведение этого собора, созываемого допустить подтверждения его отлучения. Поэтому ему нужно было остановить прелатов и добиться отсутствия на соборе кворума, что он и осуществил, разгромив их корабли в море. Правда, император «посадил» пленников в «дворцовое» заключение, но «не казнил ни одного из них», разрешив спустя некоторое время «как кардиналам, так и всем остальным, свободно удалиться оттуда» [13].

Считать ли случайностью «апрельское совпадение» активизации монголов против восточных европейцев с действиями четко нацелившегося на Ломбардию Фридриха — решать читателю. Мы же, в свою очередь, напомним, что зимой 1241 г. монголы двинулись в сторону Западной Европы, в

частности, одна из их армий оказалась близ Вены, возле Клостерноебурга. Однако, как то обычно преподносится историографией, в связи с последовавшей в декабре смертью великого хана Угедея монгольские войска повернули обратно. Одной из причин поспешного ухода монголов из Центральной Европы исследователи называют стремление монгольских военачальников успеть к новому дележу политической власти.

Как бы то ни было, западная часть Европы, которая реально могла оказаться «монгольской», захвату не подверглась. Интересно, а могли ли монголы в результате определенных договоренностей «передать» эти территории Фридриху II для удовлетворения его имперских аппетитов? Например, Л. Гумилев пишет о тайных переговорах между императором и монголами, результатом которых были «изоляция» папской Венгрии, «ее разгром и победы Фридриха II в Ломбардии, повлекшие бегство» Иннокентия IV в 1243 г. в Лион, где он «смог предать анафеме императора и хана» [14]. Безусловно, это не более чем версия, которая, скажем, могла использоваться Папой как вполне обоснованный повод для дальнейшего наступления на Фридриха, вплоть до его низложения с императорского престола и призыва к крестовому походу против него. Хотя, как свидетельствуют факты, понтифик бежал в Лион не из-за побед Фридриха в Ломбардии.

Противостояние между императором Фридрихом II и папством имело свою собственную логику и непосредственно не связано с интересующими нас событиями, но тот факт, что нашествие монголов на Центральную Европу совпало во времени с усилением императорско-папского противостояния, дает нам определенный повод для размышлений о неслучайности происшедшего.

Борьба за расширение влияния на Русь

В любом случае, как отмечает Л. Гумилев, христианская Европа разделилась пополам. Проимператорские силы и Никейская империя⁶¹, которая возникла после завоевания в 1204

-

⁶¹ Императоры которой продолжали считать себя настоящими правителями Византии. – прим. авт.

Библиотека сайта "Ислам для всех" www.islam.plus

г. Константинополя крестоносцами, ведомыми католическим Римом, и стала своеобразным оплотом православия, «искали союза с монголами; по их следу пошли Ярослав Всеволодович, великий князь Владимирский» и прочие. А возглавляемые Иннокентием IV силы, в частности «южнорусские князья Даниил Галицкий и Михаил Черниговский, всячески старались создать антимонгольскую коалицию, но неудачно».

На этом фоне на Руси после примирения между сторонами, боровшимися за правление в Пскове, в 1242 г. «Ярославъ Всеволодичь позванъ цесаремь татарьскымь Батыемь, иде к нему въ Орду» [15], получив у него утверждение на владимирское и киевское княжение. 1243 год – год утверждения Батыем великого русского князя и введения им системы сбора дани с подчиненных монголам территорий Руси — считается формальной датой основания Золотой Орды. Говоря другими словами, наступил период признания зависимости всех русских князей от правителей Монгольской империи и Золотой Орды.

Так, в 1245 г. после требования монголов «Дай Галич» Даниил «приехал к Батыю на Волгу, желая ему поклониться». «Жизнеописание» со скорбью отмечает: «Князь великий, владел с братом своим Русскою землей, Киевом и Владимиром, и Галичем, и иными краями, ныне сидит на колене и холопом называется! И дани хотят» [10]. Но, признав сюзеренитет золотоордынского хана, Даниил тем самым фактически обеспечил себе свободу действий. Разгромив полки венгерских и польских феодалов, он восстановил единство Галицко-Волынского княжества. И все же Орда Даниилу не доверяла. Тем более что в самом разгаре был период «открытой вербовки» князей Руси папским Римом в лоно католической церкви. Так, в 1246 г. Иннокентий IV устами посла Плано де Карпини предложил Даниилу царскую корону Руси в обмен на унию признание главенства Папского престола, подразумевающее католизацию подчиненных князю земель, обещая при этом выступить в роли его союзника против монголов. Вместе с тем, послание содержало предполагаемый в случае достижения договоренности запрет для «крестоносцев или иных монашеских орденов на занятых ваших землях» вмешиваться в какие-либо дела и приобретать земельные владения «без вашего на то

благоволения» [16]. Правда, Даниил не согласился на это папское предложение.

В свою очередь, после смерти Ярослава Батый намеревался передать великокняжеский ярлык на Владимир Александру Невскому: «Царь Батыи слышавь его мужьство, и възлюби его паче всЪхъ князеи, и призва его к собЪ любовно, и первое и другое, и отпусти его с великою честью, здаривъ» [17]. Но ситуация вокруг претендента на княжение во Владимире оказалась не такой уж однозначной: согласно завещанию отца Александра, Ярослава, владимирское княжество полагалось другому его сыну, Андрею, а Александру отводилась «должность» князя Новгородского и Киевского. Радости в рядах монгольских лидеров по этому поводу не наблюдалось, но все же завещание было осуществлено. Другое дело, что поскольку Киев после монгольского разгрома уже не имел былой значимости, своим местом пребывания Александр избрал Новгород.

Естественно, Рим не стал безучастным наблюдателем всех этих процессов. В послании Александру, датируемом началом 1248 г., Иннокентий IV, сообщая о «смиренном и благочестивом [отдании] себя послушанию Римской церкви, матери своей» отца князя, призывал его «повиноваться» папскому престолу, аккуратно приоткрывая геополитическую подоплеку этого оформленную в виде просьбы: «Как только проведаешь, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена» [18]. Из «Жития Александра Невского» (XIII в.) известны слова князя на этот счет: «От вас учения не примем» [19]. Хотя, возможно, он вел двойную игру, поскольку в очередном послании Александру (осень 1248 г.) Иннокентий IV его предложение «воздвигнуть» расценивает «соборный храм для латинян» как показатель «всяческого высказывания рвения» князем во имя приобщения «к единой главе Церкви». Вместе с тем, понтифик сообщил, что испытывает «чувство умиления» от «нежного заключения» в «объятия наши» Александра, «избранного сына Церкви» [20].

К слову, в 1248 г. произошло еще одно событие, свидетельствовавшее, что родственники Ярослава Владимировича, о котором говорилось выше, помогли ему

вокняжиться в Пскове не только лишь из-за «кровных связей». Так, в грамоте вице-легата архиепископа Ливонии о жаловании земель говорилось в том числе о «половине королевства, называемого Плескове, переданного королем Гереславом 62, наследником этого королевства <...> Дорпатской церкви» [21]. По всей видимости, князь Ярослав стал вассалом Дорпатского епископства.

Что касается Александра Невского, дальнейшие события развивались в его пользу. В 1251 г. при помощи войск Золотой Орды к власти в Монгольской империи пришел союзник Батыя Мунке. Уже на следующий год он отдал приказ двинуть войска против сил Андрея, который, между прочим, в 1250 г. женился на дочери Даниила Галицкого, став союзником последнего. Андрей и его брат Ярослав потерпели поражение. Первый бежал в Швецию, второй оказался в Пскове. Так в 1252 г. вожделенный Владимир перешел в управление Александра Невского. Причем посадил на великое княжение возвратившегося из Орды Александра торжественно встретивший его русский епископ, митрополит Кирилл III, «избрание» которого в свое время поддержал Даниил Галицкий. В связи с разорением пребывающего руинах Киева, Кирилл, находясь В преимущественно на северо-востоке Руси, поддерживал тесный контакт с Александром, игнорируя Даниила Митрополит ратовал за следование Русью промонгольской политике, которая, по его мнению, должна помочь государству возродиться.

Судя по всему, ставка монголов лишь на Владимир стала причиной согласия Даниила Галицкого на очередное прокатолическое предложение Иннокентия IV в 1253 г., и «прислал папа послов почетных, принесших венец, и скипетр, и корону, которые означают королевский сан: «Сыне, прими от нас венец королевский»». Даниил «венец от Бога принял, от церкви святых апостолов», и Рим посулил ему «помощь против поганых» [10].

-

 $^{^{62}}$ Ярослав. – прим. авт.

Литовский фактор

В свою очередь, первый Великий князь Литовский Миндовг принял католичество еще в 1251 г. В 1253 г. Рим признал Великое княжество Литовское в качестве полноправного европейского государства под названием королевства Литвы. Миндовг был коронован как король страны. В договоре того же года с Ливонским орденом он, подчеркнув, что коронован «на владение всей Литвой и всеми землями» самим Папой, отметил: «Наше подчинение и протекция апостольской церкви является порукой <...> с помощью которой» мы будем усмирять «строптивых врагов государства нашего и врагов веры». При этом он упомянул «небходимость помощи магистра и братьевпредиктов» [22]. Заметим, что подведение религиозной основы под светские договоры ради достижения геополитических интересов было давно испытанным средством.

Что касается Даниила, он собственными силами нанес несколько поражений монгольским войскам, в 1255 г. приблизившись к Киеву. Не исключено, что несанкционированная Папой активизация Даниила несколько видоизменила планы Рима в отношении него. В этом же году новый глава Римского престола Александр IV разрешил Миндовгу завоевать Галицко-Волынскую землю. Однако Даниилово войско нанесло литовцам поражение под Луцком. Последовавший за этим мир скрепился династическим браком: сын Даниила Шварн взял в жены дочь Миндовга.

Что касается политической власти, то Роману, другому потомку Даниила, перепал Новогрудок — столица Великого княжества Литовского, объединявшая Гродно, Полоцк, Витебск, Друцк и Пинск, то есть практически всю территорию нынешней Беларуси — при условии признания им над собой власти Миндовга. Хотя Даниил и ослабил связи с папством, он сохранил не только свой королевский титул, но и право его преемственности прямыми потомками. А в 1258 г., несмотря на наличие тесных родственных связей галичане участвовали в походе монголов на Литву.

На этом фоне все более укреплялось взаимопонимание между князьями Руси и монголами. Особого расположения последних

удостоилась православная церковь. С 1257 г. приходские священнослужители, включая окружавший их клир, посредством ханских жалованных грамот освобождались от даней и поборов. За оскорбление церковнослужителей предусматривалась смерть. А спустя год, «приидоша Литва с полочаны къ Смоленьску и взяша Воищину на щить <...> осени приходиша Литва к Торжьку», «взяша Татарове всю землю Литовьскую, а самых избиша» [23]. В 1261 г., когда византийским императором Михаилом Палеологом был отвоеван Константинополь, по инициативе Кирилла II в Сарае⁶³ была учреждена епископская кафедра. Епископы Сарайские пребывали постоянно при ханах. При этом хан не противился обращению в христианство монголов. Спустя некоторое время в управление епископам Сарайским была передана епископия Переяславская. Со слов советского историка Арсения Насонова, Сарайский епископат выступал «как близкое ко двору, доверенное лицо хана», которому поручено было в качестве представителя русской епархии «непосредственно сноситься с Византией», выполняя «обязанности посредника между Царьградом и русской метрополией» [24]. Одновременно с этим Кирилл старался быть в курсе всех дел на подвластных ему землях, постоянно объезжая их: «прохожаше грады всеа Руси, учяше, наказуаше, исправляше» [25].

В 1260 г. Миндовг одержал победу над объединенными войсками Ливонского и Тевтонского орденов, после чего отказался от короны и от христианства, вернувшись в язычество. Александр Невский принял его предложение о союзе. Согласно мирному договору 1262 г., Полоцк возвращался под контроль Александра. Тогда же новгородцы совместно с подошедшим из Суздальской земли подкреплением взяли Юрьев (Дерпт). И, наконец, в том же году увидел свет договор о мире и торговле между Новгородом и Готским берегом, Любеком и другими немецкими городами. Вследствие чего «новгороцмъ гостити на Гоцкыи берегъ бес пакости, а нЪмцьмъ и гтъмъ гостити в Новъгородъ бес пакости и всему латиньскому языку» [26]. В 1269 г. по соглашению с Ригой и Любеком Новгород предоставил

⁶³ Город на Волге, столица Золотой Орды, недалеко от нынешней Астрахани. – прим. авт.

немецким купцам сухопутные и водные пути: «2 пути горьнии по своеи волости, а трЪтьи в рЪцкахъ; гости ехати бесъ тоежъ пакости, на божи ручЪ, и на княжи и на сего Новагорода. Оже будеть не чистъ пут[ь] в рЪчкахъ, князь велить своимъ мужемъ проводити сии гость» [27]. Тем самым западные границы Руси явно укреплялись.

Миндовг же столкнулся с непрестанным внутренним сопротивлением феодалов, подогреваемым, по всей видимости, извне. Поэтому он вновь решил опереться на Рим. Попросив прощения у понтифика Урбана IV за предшествующий разрыв, король Литвы официально возвратился в католическую веру. Но в 1263 г. он был убит. В том же году смерть настигла и Александра Невского. На великое княжение вновь стал претендовать Андрей, еще в 1256 г. помирившийся с братом, а через него и с ханом — ему даже перепал Суздаль. Однако хан Берке предпочел передать княжество Ярославу.

Сложившуюся на тот момент ситуацию Л. Гумилев характеризует как «военно-политический» союз князей Руси с монголами, направленный «против нажима с Запада» и намерений «превратить остатки древних русичей в крепостное сословие». По убеждению Л. Гумилева, «там, где князья просили помощи у татар», впоследствии «выросла великая держава Россия», а «где они согласились на подчинение Западу – в Галиции, например, – превратились в крепостных мужиков и ни на что уже способны не были» [28].

- 1. Из Тверской летописи http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4954
- 2. Кучкий В. А. Александр Невский государственный деятель и полководец средневековой Руси http://bibliotekar.ru/rusNevskiy/1.htm
- 3. Письмо бр. Юлиана о Монгольской войне http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ungarn/XIII/1220-1240/Izv_veng_missioner/text2.phtml?id=3950
- 4. Великая Польская хроника http://www.vostlit.narod.ru/Texts/rus/Chron_Pol_majoris/text3.ht m
- 5. Новгородская первая летопись старшего извода

http://litopys.org.ua/novglet/novg07.htm

6. Ливонская Рифмованная хроника

http://livonia.narod.ru/chronicles/rifma/russian/02065-02294.htm

7. Бальтазар Руссов. Хроника провинции Ливония http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Russow/text21.phtml?id=128 7

8. «Учиться радости»

http://rusvera.mrezha.ru/591/5.htm

- 9. И. Сталин. Речь на параде 7 ноября 1941 г. http://www.sovmusic.ru/text.php?fname=st 71141
- 10. Жизнеописание Даниила Галицкого (Галицкая летопись) http://www.spsl.nsc.ru/history/descr/daniil2.htm
- 11. Киевская летопись

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Kiev let/text.htm

- 12. Матфей Парижский. Великая хроника http://www.vostlit.info/Texts/rus/Matthew_Par/frametext1.htm
- 13. Краткая хроника о королевстве Сицилия http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Sizilien/frametext.htm
- 14. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь http://wwv.libedu.ru/gumilev_l_n_/p/668/istoricheskie_trudy.htm
- 15. Новгородская Первая летопись старшего извода http://litopys.org.ua/novglet/novg07.htm
- 16. Послание папы князю Даниилу Галицкому http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/1240-1260/Innocent_IV/schreiben_daniil_galickij_28_08_1247.phtml? id=6045
- 17. Статьи рукописи Археографической комиссии, находящиеся перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи

http://litopys.org.ua/novglet/novg38.htm

18. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу

http://www.hrono.ru/dokum/1200dok/1248papa.html

19. Житие Александра Невского http://www.hrono.ru/dokum/nevski_zh.html

20. Послание папы Иннокентия IV князю Александру Ярославичу

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Italy/XIII/12401260/In nocent_IV/schreiben_alexander_nevskij_15_09_1248.phtml?id=6049

- 21. Грамота вице-легата архиепископа Ливонии http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Livonia/XIII/1240-1260/Legat_Livonii/gramota_03_10_1248.phtml?id=2949
- 22. Миндовг. Договор с Ливонским орденом http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIII/1240-1260/Mindovg/schenkung1253.phtml?id=2240
- 23. Новгородская первая летопись младшего извода http://litopys.org.ua/novglet/novg26.htm
- 24. Цит. по: Гуц А. К. Подлинная история Росси http://univ2.omsk.su/~guts/History/lecture9.htm
- 25. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью.

http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161932#?page=163

- 26. Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле 1262 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/21-40/29.htm
- 27. Договорная грамота Новгорода с Ригою и Любеком о предоставлении немецким купцам сухопутных и водного путей 1269 г.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/21-40/32.htm

28. Гумилев Л. Из беседы с писателем Дмитрием Балашовым

http://gumilevica.kulichki.net/BDM/bdm05.htm

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА С ЗОЛОТОЙ ОРДОЙ. БОРЬБА ЗА МИТРОПОЛИЧЬИ КАФЕДРЫ

Вместо Киева – Владимир

В 1283 г. митрополитом Киевским и всея Руси стал прибывший из Константинополя Максим. По данным духовного писателя XIX в., протоиерея Александра Виноградова, во время ремонта гроба Максима в XVIII в. в приделе св. Пантелеймона Успенского собора, над ним, в клейме «въ рЪзной золоченой раме», по «срединЪ» повешенной сени, «утверждено было», что «преселися» он «изъ Кіева в великороссійскій стольный градъ Владиміръ» — «частаго же ради нахожденія татарского» [1]. Летопись раскрывает, что, «не терпя насилия татарского», в 1299 г. Максим «оста[в]и митрополию, иже в Киеве» и «седе в Володимере и со всем клиросом своим» [2]. Тем самым митрополичья резиденция из Киева переместилась во Владимирна-Клязьме.

Здесь следует обратить внимание на один существенный нюанс. С 1280 г. власть в Золотой Орде фактически не была единой. В начале 1291 г. ханом был провозглашен Тохта, чье восшествие на золото-ордынский престол поддержал изначально не подчинявшийся ханам Сарая Ногай – глава самого западного улуса Орды, включавшего территорию от левого берега Дуная до Днестра. Однако согласно летописи Рукн-адДина Бейбарса (арабскому источнику конца XIII – нач. XIV в.), в 1297 г. «дошло до Ногая» о «приближении Токты», вознамерившегося «воевать с ним», в связи с чем «собрал он войска». Первоначально успех был на стороне Ногая, но в 1299 г. Токта «решился пойти войной» на него, нанеся ему поражение [3].

В этой связи не будем забывать, что среди русских князей отсутствовало единство и потому в междоусобной борьбе они делали ставку на того или иного ордынского лидера. При этом Южная Русь во главе с Киевом занимала сторону Ногая, что настраивало Токту против Киева. Подвергнутый дальнейшим принижениям Киев лишился даже толики своего прежнего

политического авторитета. Возможно, именно это заставило Максима перенести первосвятительскую кафедру из города.

Как бы то ни было, по убеждению русского историка Сергея Соловьева, переезд митрополита Максима во Владимир «ясно засвидетельствовал, что жизненные силы совершенно отлили с юга на север». С утерей Киевом прежней значимости благосостояние «поддерживалось еще на юго-западе, в Галиции, на Волыни», но и у этих земель после смерти Даниила и других «оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное» [4].

При ЭТОМ Максим немедля подготовил «луховное» обоснование предпочтения Владимира Киеву. Однажды он сообщил своему окружению о чудесном видении Божией Матери во время сна: «Видит яко на яве свет велик и необычен, и в том свете явися ему Пречистая Дева Богородица, держащи на руку Превечного Младенца». Поднеся ему омофор – принадлежность богослужебного облачения епископа, - она, мол, призвала его «паси во граде Моем словесные овцы». По словам Максима, омофор, врученный ему в видении Божией Матерью, он обнаружил, проснувшись, на своих руках. Явление сочли Небесного благословения перенесение на митрополии из Киева во Владимир. В ознаменование этого события была написана икона Божией Матери, названная Максимовской, которая впоследствии была установлена в Свято-Успенском соборе Владимира над местом погребения митрополита [5].

Таким образом, Максим продолжил дело, начатое Андреем Боголюбским, по превращению Северо-Запада Руси в политический центр государства.

Переносом митрополичьей кафедры Максим укрепил значимость Владимира как религиозного центра Руси.

Тем временем Константинополь, дабы сохранить бразды управления юго-западной частью Руси, в 1303 г. возвел галичского епископа Нифонта в сан митрополита. Так Галицкая епархия была превращена в митрополию, ведению которой поручались епархии собственно Галича, Холма, Турова, Перемышля, Владимира и Луцка.

Кандидаты в митрополиты

Со смертью сына Александра Невского, князя Андрея Александровича, законным обладателем престола Великого княжества Владимирского стал Михаил Ярославич Тверской. Однако его соперником в борьбе за власть был московский князь Юрий Данилович, пользовавшийся поддержкой Золотой Орды. Поскольку ею давался ярлык на княжение, в 1304 г. оба князя «поидоша во Орду ко царю въ споре и въ брани велице» [6/а].

Хан Токта решил вопрос в пользу Михаила, но борьба меж ним и Юрием, первоначально не признавшим права Михаила, не стихла, проявляясь в «территориальных» спорах о контроле над Новгородом, Переяславлем и другими городами. К слову, Михаил еще на пути в Орду направил своих наместников в Новгород, который, однако, не принял их.

Такой ход событий укрепил Михаила во мнении о необходимости получить религиозную поддержку своей политической власти. Со смертью митрополита Максима в 1305 г. кандидатом на его место он стал рассматривать фигуру тверского иерарха Геронтия, который в 1308 г. «дерзнул восхитить святительство, взять святительскую одежду, ризницу и пастырский жезл, а также и ту икону, которую написал Петр и поднес святителю Максиму, и отправился в Константинополь». Речь здесь идет об иконе «Пресвятой Владычицы нашей Богородицы», написанной Петром, игуменом Новодворского монастыря, стоявшего на реке Рата⁶⁴, и принесенной им в свое время в дар митрополиту Максиму, оберегавшему «ее у себя в великой чести». Показательно, что галицкий князь Юрий Львович – внук Даниила Галицкого – призвал именно Петра «идти в Константинополь для посвящения на престол Киевской митрополии». «Будучи упрошен князем, боярами и собором святителей», Петр согласился, а князь «послал о нем послание к святейшему патриарху». Признанный «достойным соборе, святительского сана» созванном на константинопольского престола, Петр [7] был «поставленъ бысть въ ЦарЪградЪ <...> митрополить Кіеву и всей Руси» [6/б].

Такая процедура назначения Петра митрополитом Киева и всея Руси свидетельствует о заинтересованности

_

⁶⁴ Запад нынешней Украины, левый приток Западного Буга, бассейн Вислы. – прим. авт.

Константинополя в сохранении Руси как единой митрополии. Судьба Галицкой митрополии его тогда мало интересовала.

Что касается Геронтия, он прибыл в Константинополь позже Петра. Поэтому патриарх принял его уже после посвящения на служение последнего, которому, как «истинному пастырю», и передал находившиеся у Геронтия святительские принадлежности [7].

Разумеется, такой поворот событий не мог удовлетворить Михаила Ярославича, поэтому междоусобица между ним и Юрием Даниловичем получила новый виток, сопровождаемый нескончаемыми взаимными претензиями: то первый «приводил (на Русь) безбожных татар», то второй «тех же самых татар имел себе помощниками» [8].

В 1309 г. Петр, кандидатуру которого Юрий Галицкий выдвигал именно на пост митрополита Галицкого, переселился во Владимир-наКлязьме. Ряд исследователей оценивают это событие не иначе как фактическую «ликвидацию» Галицкой митрополии. В любом случае, переезд Петра определенно усилил значимость Владимира как главного политико-духовного центра Руси.

Но не все проявили милость к нему, что, в общем-то, легко объяснимо. Согласно одним источникам, «было о [Петре] лживое послание к патриарху от тверского епископа Андрея в плане его литовских корней» [8].

По другим данным, тверской духовный сановник в послании в Константинополь обвинил Петра в симонии («поставлении по мзде»). На специально созванном по этому поводу соборе в Переславле-Залесском, в котором участвовал один из константинопольских «церковных клириков», «клевета Андрея» была обличена, а «лживый клеветник» оказался посрамленным «перед всеми» [7].

Повторимся, что в неприятии Тверью Петра нет ничего странного. К тому же в Тверском княжестве переезд Петра во Владимир наверняка воспринимался как следствие московской игры.

Как бы то ни было, в 1313 г., во время визита в Орду Петр испросил у хана Узбека подтверждения привилегий, ранее дарованных Русской церкви и освобождавших ее от уплаты дани.

Хан, при котором в Золотой Орде расцвел ислам, предоставил грамоту, охранявшую права русского духовенства.

Русь и литовское направление

В свою очередь, соперником Орды за контроль над западной Русью становилась укрепляющаяся Литва. Успешные попытки присоединить близлежащие территории были предприняты великим князем Литовским Гедимином. К 1320 г. под его властью оказались Полоцк, Гродно, Берестий (Брест) и Витебск, князем которого стал сын Гедимина Ольгерд, находясь при этом под верховной властью своего отца. Неслучайно в послании Римскому папе Иоанну XXII от 1322 г. Гедимин представлялся королем «литовцев и многих русских и проч[ее]», готовым «принять католическую веру». При этом он подчеркивал, что к «отпадению» Миндовга и всего королевства от католицизма привели «возмутительные несправедливости и бесчисленные предательства магистра братьев Тевтонского ордена» [9]. Литва намеревалась активно включиться в «ганзейскую торговлю», о свидетельствует приглашение Гедимином в «полномочных послов» Любека, Ростока, Штеттина и других европейских торговых городов вкупе с констатацией свободы литовской «земли» от «торговых пошлин для всех купцов, рыцарей» и обещанием предоставления земли мигрантамземледельцам для ее безналоговой обработки «в течение десяти лет» [10].

Поскольку ганзейские города наверняка были заинтересованы в дружеских отношениях с литовцами, в мирный договор Гедимина с Тевтонским орденом, датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой от 1323 г. был включен пункт об обязательстве сторон по открытию «всех путей по суше и по воде» любому «человеку для прохода и проезда к нам и [от] нас без каких-либо препятствий». В перечне земель, на которых «мы установили мир», с литовской стороны также значились земли «русских, которыми мы владеем» [11]. Таким образом, совету наших помешало Папе ничто не ≪по [кардиналов]» назначить в «подчиненные» власти Гедимина области представителей католической церкви «в качестве

особых нунциев». Естественно, в благородных целях «разумного наставления и воспитания вас в истине подлинной веры» [12].

Тем временем Гедимин захватил Волынь, а в 1324 г., одержав победу над южнорусскими князьями, включая Киевского, Переяславского и Галицкого, покорил их земли. Русский историк Николай Карамзин приводит описание взятия Киева «историком литовским»: Гедимин «осадил Киев», вслед за чем «духовенство вышло со крестами и вместе с народом присягнуло быть верным Государю Литовскому, который, избавив Киев от ига Моголов», вскоре «завоевал всю южную Россию до Путивля и Брянска» [13/а].

Так в Киеве и Переяславле оказались наместники Гедимина. Галицкий и Волынский князья, признав его своим сюзереном, получили собственные княжества обратно на правах вассалитета. Также к Литве было присоединено Турово-Пинское княжество. Столицей Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных стала Вильна (Вильнюс). Но планы Гедимина простирались вплоть до Пскова и Новгорода.

Однако Галицко-Волынское и Киевское княжества являлись улусами Орды. Как следствие, в 1325 г. «царь Азбяк посылал князей Литву воевати; и много зла створища ЛитвЪ» [6/в]. Здесь подразумевается начатый ханом Узбеком поход на Литву.

В том же году Гедимин заключил мир с польским королем Владиславом Локетеком, скрепленный женитьбой его сына Казимира 65 на дочери Гедимина Алдоне.

Здесь же отметим, что в 1323 г. был подписан первый русскошведский мирный договор — Ореховский (Ореховецкий) мир — об установлении границ между Новгородом и Шведским королевством, по которому Новгородская земля отказывалась от своих юридических прав на три погоста в Финляндии — Саволакс, Яскис и Эуренпяя, уже 30 лет как захваченных шведами, установившими в них свое правление. Договор запрещал приобретение недвижимости шведами на прилегающей к Швеции новгородской части Карельского полуострова. Также на Карельском перешейке по обе стороны границы

 $^{^{65}}$ Будущий III, Великий. – прим. авт.

предусматривалась «демилитаризованная зона», что означало запрет на строительство там крепостей.

Дань Орде и возвышение Москвы

В 1325 г. по просьбе брата Юрия Даниловича — Ивана Даниловича, будущего Калиты, ставшего московским князем и соперничавшего за первенство на северо-западе Руси с правителями других земель, Петр перенес митрополичью кафедру из Владимира в Москву, где тем самым, по словам крупнейшего историка русского зарубежья XX в. Георгия Вернадского, укрепился «центр православной государственности» [14].

Часто беседуя с Иваном «о всем благом и полезном, душевном и телесном», митрополит Петр способствовал возвышению города в качестве церковной столицы Руси. Таким образом, именно он сыграл на укрепление политического веса московского князя. При этом Петр пророчествовал, что будет Иван прославлен Богом «больше других князей», если возведет он соборную церковь «во имя Пречистой Богоматери» в Москве, что приведет к расширению города [8].

Благословив закладку собора в честь Успения Пресвятой Богородицы в Московском Кремле и заручившись одобрением Орды, в 1328 г. Иван «сел на великом княжении всей Руси» [15], чему, однако, предшествовал ряд событий.

Неудивительно, что заблаговременная ставка Золотой Орды на Ивана вызвала противодействие Твери. В 1327 г., вслед за договором Александра Михайловича Тверского с Новгородом в Твери начались беспорядки, приведшие к «иссЪче... татаръ много», включая убийство представителей ордынского посольства. На этом фоне «присла» Иван, «намЪстьникы свои в Новъгород, а самъ иде в Орду». Вслед за этим «рать татарьская» атаковала «ТфЪрь», «ркуще всю землю Рускую и положиша ю пусту, токмо Новъград» спасся. Причиной сохранения Новгорода от атаки монголов можно считать тот факт, что Новгород предоставил Орде значительную мзду — «2000 серебра» и множество «даровъ» [16/а].

Однако, по всей видимости, судьба новгородцев разрешилась даже более прозаично, нежели ханским добром на откуп: имевший виды на Новгород Иван являлся настолько «своим» для Орды, что одновременно с получением ярлыка на великое княжение он, впридачу, стал обладателем «50 000 войска». Так зачем было крушить Новгород, коль на основе ярлыка, поделенного Узбек-ханом между Иваном и Александром Васильевичем Суздальским, Новгород причитался Ивану, а Владимир — Александру?

Несколько позже, после ухода из жизни Александра в 1332 г., уже ничто не мешало Ивану стать обладателем «полного пакета земель» для великого княжения, включавшего и Владимир. Золотая Орда предоставила ему право сбора дани на Руси. Отмеченный летописью факт того, что с началом его великого княжения «перестали поганые разорять Русскую землю» и «успокоились христиане» от «насилия татарского» [15], свидетельствует, что Иван I во всех землях четко исполнял возложенные на него обязанности.

Тогда и начали называть его Калитой – от тюркского слова «калта», которое обозначает старинное русское название небольшой поясной денежной сумы, с которой князь практически не расставался. Кроме этой существует еще и версия о получении им такого прозвища изза постоянного ношения кошеля для раздачи денег неимущим. Так или иначе, Иван безупречно справлялся с задачей «финансирования» Орды за счет собранных с русских князей средств, поэтому неудивительно, что монголы дали ему добро на расширение территории Московского княжества.

Карл Маркс, характеризуя Ивана Калиту на основе анализа этого исторического периода, утверждал, что князь, «играя роль гнусного орудия хана», заимствованную у него власть обращал против и «своих соперников — князей», и «собственных подданных». Но предварительно он должен был «втереться в доверие к татарам, цинично угодничая» и «любыми средствами выполняя приказания» хана, «подло клевеща на своих собственных родичей, совмещая в себе роль татарского палача, льстеца и старшего раба». Для успеха этой роли «требовалось золото», поскольку «лишь постоянный подкуп хана и его

вельмож создавал надежную основу для системы лжи и узурпации». В целях добычи денежных средств «для подкупа своего господина» он «убедил хана назначить его сборщиком дани во всех русских уделах», то есть дать ему монопольное право на эту деятельность. Накопленные угрозой «именем татар» богатства Иван I «использовал для подкупа их самих». «Склонив при помощи подкупа главу русской церкви перенести свою резиденцию из Владимира в Москву», он превратил последнюю в религиозный центр посредством соединения силы церкви «с силой своего престола», что позволило сделать Москву «столицей империи». Превратив «хана в орудие», посредством которого он избавился от наиболее опасных соперников и «устранил всякие препятствия со своего пути к узурпации власти», Иван Калита, по версии К. Маркса, «не завоевывал незаметно обращал права татар-завоевателей исключительно в свою пользу», обеспечив «наследование за своим сыном теми же средствами, какими добился возвышения Великого княжества Московского, в котором так странно сочетались княжеское достоинство с рабской приниженностью» [17].

Высказываясь по поводу возвышения Москвы на основе политической «благонадежности» по отношению к Орде аналогично К. Марксу, церковный историк, протопресвитер Православной церкви в Америке Иоанн (Иван) Мейендорф добавляет, что развитию ситуации в этом направлении также благоприятствовала роль Москвы как «географического центра Руси, расположенного на пересечении торговых путей, связывавших Волгу, Дон и Днепр с Новгородом и Балтикой» [18].

Русь и литовское направление

Поддержка Орды позволяла Ивану I проводить агрессивную политику в отношении соседних земель. В 1333 г. он потребовал от Новгорода увеличить дань. Отказавшись, новгородцы заключили союз с Псковом, в тот же год «позваша» «к собЪ» сына Гедимина — Наримунта, «прияша его съ честью», передав

«Ладогу, и ОрЂховыи, и КорЂльскыи и КорЂльскую землю, и половину Копорьи» [16/а].

Тем временем Иван I при помощи только приехавшего в Москву нового митрополита Киевского и всея Руси Феогноста заключил сепаратный мир с Гедимином, скрепленный браком сына Калиты Симеона, в будущем Гордого, с дочерью великого князя литовского Айгустой.

Сам Гедимин в 1338 г. подписал торговый договор с Тевтонским орденом, обеспечивавший беспрепятственное передвижение немецких, литовских и русских купцов по Литве, Руси и «по стране Лифляндии столь далеко, сколь простирается власть магистра» [19]. Но в целом отношения с орденом у литовцев не складывались.

По мнению ряда исследователей, в тот период уже вошел в употребление термин «Малая Русь», который с начала XIV в. в связи с созданием Галицкой митрополии стал упоминаться в византийских источниках при обозначении входящих в нее епископств. Находившийся с 1327 г. на Галицком престоле Юрий II Болеслав также употреблял это название. Он, к слову, выразил желание вернуться в лоно католической церкви, и в письме к нему Папа Иоанн XXII приветствовал это решение. Но особые отношения у Юрия складывались с Тевтонским орденом, в грамотах к великим магистрам которого от 1334-1335 гг. он, изначально именовавшись князем Русским, затем Галицким и Владимирским, начал величать себя князем всей Малой Руси (natus dux et dominus Russie) [20/а, б]. Весьма примечательно, что в 1337 г. Галицкая митрополия возобновила деятельность. А Феогност, окончательно перенесший митрополичью кафедру в Москву, не мог тому препятствовать.

Однако Иван I заставил Тверское княжество считаться с собой, а в 1340 г. выступил в поход против князя Смоленского из-за его отказа платить дань Орде. Подобные действия были по достоинству оценены Ордой. К примеру, в том же году, в связи с кончиной Ивана Калиты, ярлык на княжение в Москве и во Владимире был дан его сыну Симеону Гордому невзирая на просьбы почти всех русских князей к Узбек хану не выдавать ярлыка наследнику Калиты, «седе [он] на столе в Володимере».

Причем «вси князи русти даны ему в руце» [2]. Не выдержав противостояния, признал Симеона князем и выплатил ему дань Новгород.

На литовском направлении в 1340 г., после смерти Юрия II Болеслава между Польшей, королем которой тогда был Казимир III, и Литвой, управляемой зятем Юрия князем Любартом Гелиминовичем, началась война 3a обладание ослабевшего Галицко-Волынского княжества – наследством Алдоны ⁶⁶, смерть которой за год до описываемых событий привела к распаду союза между Литовским и Польским государствами. Любарт, в крещении Дмитрий, занял престол князя Волынского, а во главе Галиции со столицей во Львове местные бояре поставили могущественного галицкого феодала Дмитрия Дядька. Неразберихой умело воспользовался Казимир, который, предварительно договорившись Людовиком Венгерским, захватил Львов пол предлогом католического населения Галиции. Попеременные привели к договору 1350 г., по которому к Литве отошла Волынь, а к Польше – Галиция.

Незадолго 1347 ЛО этого. воцарившийся на императорском престоле Иоанн константинопольском Кантакузин потребовал от епископов Малой Руси подчиниться Феогносту. В хрисовуле (Золотая булла) он подчеркивал, что с того момента, как «русский народ» получил «богопознание», святейшие «епископии Малой Руси, находящиеся в местности, называемой Волынью», так же «как и святейшие епископии Великой Руси, принадлежали к киевской митрополии», управляемой на тот момент Феогностом. Вместе с тем, подчинение этих епископий в недавнее «время смут» галицкому возведенному в митрополиты, было учиненным «в нарушение обычаев, издревле установившихся во всей Руси». В этой связи просьбу Симеона Гордого о подчинении упомянутых епископий «митрополии киевской, как было и прежде» император нашел «справедливою и уважительною». Таким образом, обосновав это не только «доныне» действующим церковным обычаем, но и вниманием к «богоугодной» жизни

 $^{^{66}}$ Под Алдоной подразумевается Алдона Анна, жена Казимира III, приходившаяся Гедимину дочерью. — прим. авт.

«экзарха всея Руси, лишившегося [своих прав]» в свете вышеизложенного, хрисовул определил, что с момента обнародования документа «находящиеся в Малой Руси: галицкая, владимирская, холмская, перемышльская, луцкая и туровская» епископии, отданные галицкому [епископу] «не по принадлежности», будут «снова подчинены» Киевской митрополии, а Феогност и «его преемники» будут «совершать там все должное и узаконенное канонами», и «таковой порядок пусть сохраняется навсегда» [21]. Согласно данным ряда исследователей, именно в этом документе понятие «Малая Русь» впервые используется византийцами.

Но несмотря на то, что в 1347 г. Галицкая митрополия была возвращена в ведение Киева, спустя два года Казимир Великий окончательно подчинил всю Галицкую Русь, «со многою силою, и взяша» землю «Волыньскую», а «церкви святыя претвориша на латыньское богумерзъское служение» [16/б].

Именно с этого времени активизировалась деятельность по католизации галицких земель. Здесь же отметим, что к 1350 г. шведы в нарушение шведско-новгородского договора 1323 г. взяли Орешек. Но «ходиша новгородци» на «дружину их, что былЪ за моремъ у СвЪискаго короля у Магнуша⁶⁷», вслед за чем «приихаша в Новъград вси здрави», «силою креста честнаго, на нь же уповаша» [16/б].

Изучив нюансы летописи, имеющие сугубо конфессисональный характер, многие историки находят доказательства «православного сопротивления» католической Швеции. При этом исследователи ссылаются на буллу папы Климента VI (1351 г.) примасам Скандинавии — архиепископам Упсальскому, Нидаросскому и Лундскому, а также к гохмейстеру Тевтонского ордена, — благословляющую крестовый поход на Русь (Новгород).

Также события 1350 г. в очередной раз продемонстрировали уникальное взаимопонимание между Ордой и московскими князьями. В 1349 г. великий князь Литовский Ольгерд, сын Гедимина, «просити себе помощи» у ордынского хана Джанибека «на великого князя Семена». Но Семен Гордый

⁶⁷ Магнус II Эрикссон, король Швеции. – прим. авт.

заблаговременно сообщил хану, что «Ольгерд з братьею» желает «испустошили» Московское княжество, которое он предусмотрительно нарек ханским «улусом». Иными словами, Семен изложил дело так, что в случае неблагоприятного для него развития событий влияние Орды на Москву резко ослабеет. Недолго думая Джанибек выдал послов от Ольгерда московскому князю. Уже на следующий год Ольгерд «приела на Москву послы своя к великому князю Семену со многими дары и з челобитьем, прося мира и живота брати своей». Семен Гордый «дары его прият и мир с ним взят» [2].

Возвышение Владимира-на-Клязьме

В 1354 г. Константинопольский патриарх Филофей Коккинос утвердил перенос кафедры митрополитов из Киева во Владимирна-Клязьме, тем не менее сохранив за первым статус главного престола. В том же году «поставленъ бысть митрополитомъ въ Царигород владыка Алексій на всю Рускую землю» [22].

Речь идет о посвящении в Константинополе «отъ блаженнаго патріарха ФилофЪя и всего вселеньскаго собора» в «митрополиты на превеликій престоль Кіеву и всеа Русіи», воспитанника Феогноста — Алексия Бяконта. Естественно, манипуляции вокруг русской митрополичьей кафедры не могли остаться без внимания Великого княжества Литовского: «Во время поставленія [Алексия] содЪяся мятежь въ Москве», и «человЪческаго ради сребролюбія» поставлен «бысть огда другій митрополить на Русь, именемъ Романъ. И бысть ему со блаженнымъ митрополитомъ Алексіем крамола велія» [23].

В данном случае подразумевается ставленник Великого князя Литовского Ольгерда Гедиминовича — тверской епископ Роман. Хотя причиной появления «параллельного» митрополита на Руси летопись называет взятку («сребролюбие»), на самом деле подоплека этого могла быть далеко не столь тривиальной. Суть в том, что междоусобная борьба в Византии привела к смене патриарха в 1355 г., и, как представляется, решение о дуальности сферы «русских» митрополитов принимал воссевший на патриарший престол в Константинополе Каллист I. Как бы то ни было. Роман оказался на восстановленной Литовской

митрополии с кафедрой в Новогрудке, включавшей Полоцкую, Туровскую епархии, а также все епархии земель бывшего Галицко-Волынского княжества — Малой Руси. Остальная часть митрополии, включая Киев, сохранялась за Алексием вместе с титулом «митрополит всея Руси».

Позиции Алексия укрепились также внутри государства, что связано с выдачей ему в 1357 г. ханом Бердибеком жалованной грамоты, согласно которой Русская православная церковь, молящаяся за ханов, освобождается от всех даней, поборов и насилий со стороны светских властей: «И нынечя мы пръвых царей ярлыки не изныначивая, одумав, по тому же есмы Алексия митрополита вали. И как сел в Володимери богу молиться за нас и за племя наше молитву творит. Так есмы млъвили – и кая дань ни будет или пошлина, не емлют у них». Ни «церковнии домове» не «емлют, ни силы над ними не творят никакые». А «кто возмет, – и тот да отдасть назад» [24].

В свою очередь, благодаря военным успехам Ольгерда, подчинившего Брянское княжество, ряд смоленских уделов и Киев, Роман «занял» эти земли, выказывая вместе с тем притязания и на Тверскую епархию. По всей видимости, такой ход событий привел к появлению у Алексия претензий к Роману, преданных разбирательству на константинопольском синоде в июле 1361 г. Синод закрепил за Романом западные епископии Литвы — Полоцкую, Туровскую и Новгородскую — наряду с сохранением за Алексием Брянской епископии и права называться митрополитом «всея Руси». На этом фоне весьма примечательным выглядит тот факт, что тогда же были основаны Львовская и Галицкая римо-католические епархии.

Происходящее, безусловно, свидетельствовало о сильных позициях Литвы, которые еще больше укрепились после поражения монгольских войск в битве с литовцами на Синих Водах ⁶⁸ (в 1362 г.) и присоединения Подолья. Так, Ольгерд возвел своего сына Владимира на трон Киева, оказавшегося в составе Великого княжества Литовского. Нередко исследователи, указывая на изначально мирный характер распространения господства Литвы — чаще всего посредством

_

⁶⁸ Ныне р. Синюха, приток Южного Буга. – прим. авт.

гарантий сохранения традиционных прав и привилегий, обеспечиваемых литовским князем феодалам бывших древнерусских земель, — высказывают мнение, что не будь впоследствие польской экспансии, «возможно, литовских князей постигла бы участь норманнов Вильгельма Завоевателя в Англии — полная ассимиляция с местной правящей славянской элитой» [25].

Действительно, согласно «Хронике Быховца», вошедшей в третий свод литовско-белорусских летописей, взяв в жены княжну Ульяну Витебскую, «Ольгерд крестился в русскую веру, а паны литовские все оставались язычниками». Но князь «не насиловал их, и в свою веру не обращал, а римской веры в Литве уже не было, осталась только русская» [26/а].

Из семи сыновей Гедимина большинство были православными: «воспитанные в русских обычаях, женатые на русинках, они стали идентифицировать себя как русины».

С упадком Галицко-Волынского княжества литовские правители провозгласили себя наследниками Киевской Руси. Великое княжество Литовское пребывало под значительным культурным и духовным влиянием славян, поскольку потомки древних русичей являлись численным большинством населения княжеств, а государственным языком был русский, на котором составляли летописи и официальные документы. Постепенно сблизившись с местными феодалами, князья из литовской династии стали выразителями интересов бывших древнерусских земель. Многие Гедиминовичи приняли православие, и поэтому славянское население княжества не испытывало притеснений на религиозной почве. Сосредоточив в своих руках военную, административную и судебную власть на территории Среднего Поднепровья, киевские правители из династии Гедимина на границе Киевщины и Степи создали цепь крепостей, заселив пограничье пришлым «служивым людом».

Владимир Ольгердович заручился широкой поддержкой местной знати. В это время Киевщина, Волынь, Черниговщина и Подолье продолжали платить дань ханам и предоставлять войска по их требованию. Однако в результате нескольких военных походов литовских князей на Юг Украины монголы, отступив к побережью Азовского и Черного морей, несколько десятилетий

не появлялись под стенами Киева — который, став центром автономного княжества, постепенно богател, о чем свидетельствовала чеканка Владимиром серебряных монет. Союзником князя стало Тверское княжество: его отец был женат на тверской княжне Ульяне, а дочь была замужем за сыном тверского князя Михаила [27].

В 1362 году, после смерти Романа, Каллист патриаршим актом восстановил единство митрополии во главе с Алексием [28], который стал одним из регентов при малолетнем московском князе Дмитрии — впоследствии великом князе, прозванном Донским.

Происходило это на фоне сотрясавшей Золотую Орду междоусобицы, вошедшей в историю как Великая замятня: С 1359 по 1380 год на золотоордынском престоле сменилось более 25 ханов, а многие улусы попытались стать независимыми. В частности, самостоятельный улус в западной части Орды создал Мамай, который, не будучи Чингизидом и, соответственно, не имея прав на титул хана, ограничился должностью беклярибека при номинально правящем от его имени хане Абдулле, что обусловило двоевластие государстве, переросшее В соперничество между ним и новым сарайским ханом Мюридом (Муруг, Амурат). Согласно Вологодско-Пермской летописи, в 1362 г. князья Московский Дмитрий и Суздальский Дмитрий Константинович⁶⁹ «спершися межи собою о великом княжении и послаша киличгЬевъ в Орду», где «вынесоша великое княжение от царя Амурата великому князю Дмитрею Ивановичю» о двенадцати лет отроду. Вскоре ярлык Дмитрию Московскому выдал и Абдаллах, и в качестве «ответной меры» право на княжение во Владимире Мюрид вернул Константиновичу. Согласно этой летописи, в 1363 г. Дмитрий Иванович «згони князя великого Дмитрея Костянтиновича з Галича» [29].

В связи с этим вполне логичным может показаться вопрос о том, какое отношение Дмитрий Константинович имел к Галичу. Действительно, в Галиче Костромском — а именно он подразумевается в данном случае — правил Дмитрий Иванович

⁶⁹ С 1360 г. князь Владимирский. – прим. авт.

Галицкий. Следовательно, речь идет непосредственно «смещении» его Дмитрием Московским, что подтверждается Тверской летописью, согласно которой в 1362 г. «ходили» Дмитрий Иванович, князь серпуховский Владимир Храбрый и другие «на галицкого князя Дмитрия; и прогнали его, и княгиню в плен взяли». Другое дело, что «в ту же зиму князь Дмитрий Иванович согнал с Переяславля князя Дмитрия Суздальского, а сам сел на великое княжение» [15].

И хотя в 1364 г. сын Дмитрия Константиновича Василий получил «из Орды от царя Азиза» великое княжение «отцу своему», тот «отступися» в пользу Дмитрия Московского [2].

Так, с одной стороны, Дмитрий Владимирский признал зависимость не от сарайских ханов, с другой — владимирский «трон» окончательно оказался у московских князей. Вместе с тем, в этот период власть Дмитрия была формальной, фактически же вместо него продолжал править митрополит Киевский и Московский Алексий.

В 1368 г. очередной территориальный спор в Тверском княжестве заставил микулинского князя Михаила Александровича, не поддерживаемого Москвой, обратиться за помощью к Ольгерду, своему зятю, который в итоге, «собрав воинов многих, пошел ратью к Москве на великого князя Дмитрия» [15].

Его походы на Московское княжество в ходе Литовско-Московской войны продолжились с 1368—1372 гг. Возникали они, как правило, при попытках Москвы окончательно овладеть Тверью. В 1370 г. войска Ольгерда осадили Москву, а он сам «показался на Поклонной горе». «Не будучи в силах дать ему отпор», князь Дмитрий обещал «дать ему великие дары», заклиная не выгонять «из вотчины его Москвы». После ублажения Ольгерда «дарами многими» он на коне «подъехал к городу и копье свое к стене прислонил». А «отъезжая назад» призвал Дмитрия помнить, как «литовское копье стояло у Москвы!» [26/а].

Борьба за митрополии

Московско-литовское военное противостояние аккуратно окутывалось конфессиональной оболочкой, которая, однако, была более «прозрачной» для Москвы. Еще в 1364 г. Константинополь подготовил грамоту – в итоге неотосланную и неопубликованную – о присоединении литовской митрополии к киевской. Алексий, однозначно приняв сторону Дмитрия Ивановича, самолично отлучил от церкви князей, бывших на стороне Ольгерда, включая, естественно, Михаила Тверского. В этом заодно с Алексием был патриарх Филофей, который в своем послании к Дмитрию в 1370 г. отметил «любовь благорасположение» к нему и призвал русских князей оказывать ему «подобающее уважение, почтение, послушание благопокорение». Тогда же отказавшихся воевать против Литвы князей он назвал «отлученными, так как они действовали против христианскаго общежития», соединясь священнаго «с нечестивым Олгердом».

Последний, в свою очередь, в письме в Константинополь обвинил Алексия в приверженности промосковской линии. Под предлогом невнимания патриарха к западным землям Ольгерд потребовал создания отдельной митрополии для Литвы. Филофей, конечно, претензию проигнорировал, но в 1371 г. призвал Алексея «обозревать всю русскую землю», проявляя «отеческую любовь и расположение ко всем князьям» и выказывая им одинаковую «благосклонность» [30].

Не проходил мимо митрополичьих вопросов и Казимир III, который в результате очередного этапа борьбы за галицковолынское наследство стал с 1366 г. обладателем Галиции и значительной части Волыни. Он обратился к Филофею с просьбой рукоположить в митрополиты Галицкие епископа Антония. В 1371 г., уже после смерти Казимира, Антоний был «избран и признан по суду соборному способным и достойным первенства и председательства в святейшей митрополии Галицкой». Которой он «должен управлять» и «пользоваться именем ее в местах и кафедрах, находящихся при священном Соборе», восседая «на устроенном для него в церкви священном седалище». «В придачу же» Антоний принимал «епископии – Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Володимирскую» [31].

Тем временем литовские князья завоевали Волынь, но утратившая ее Польша продолжала укрепляться, и новому ее королю Людовику I Великому уже подчинялась Венгрия.

А «внутри» Руси в том же 1371 г. Мамай отобрал великое княжение у Дмитрия Московского в пользу Михаила Тверского, пришедшего «от Мамаева царя из Орды» в Тверь «с ярлыком». Однако Дмитрий быстро решил это дело: «придя в Орду, раздавал Мамаю, царицам и князьям богатые дары и еще большие обещания, чтобы у него не отнимали княжения». Монголы, «омрачив свои сердца многим золотом и серебром, отпустили князя Дмитрия с любовью, вновь дав ему великое княжение» [32/а].

Бурные процессы со сменой власти пошли на спад в 1372 г., когда Дмитрий Иванович и Ольгерд, «заключив мир, пошли восвояси, и князь Михаил тоже пошел с миром» [15], благодаря чему Алексий вскоре снял с Михаила анафему.

Необходимо отметить, что подписание договора между Ольгердом и Московским княжеством явилось фактическим признанием Литвой Москвы как самостоятельного образования.

Но все эти договоренности вскоре оказались нарушены по причине так называемого «великого розмирья» – произошедшего в 1374 г. окончательного разрыва между Мамаевой Ордой и укрепившейся Москвой, которая отказалась платить дань Золотой Орде, из-за чего московскотверское противостояние возобновилось вновь.

Где «свой», где «чужой»?

Так, в 1375 г. «прибеже с Москвы» к Михаилу Тверскому «со многою лжею на християнскую пагубу» сын московского тысяцкого Иван Васильевич и некий «Некомат сурожянин» [2].

Направлявшийся в Литву князь Михаил «послал их в Орду», откуда Некомат в сопровождении посла от Мамая «ярлык принес на великое княжение». Тогда же Михаил, получив, по всей видимости, согласие Ольгерда на поддержку его антимосковских действий, «послал к великому князю Дмитрию и крестное целование сложил», а наместников направил в Торжок и на Углич Поле «ратью». Но Дмитрий, «собравшись со всеми

князьями русскими, пошел к Твери», взял ее и «много зла учинилось в земле Тверской». Не дождавшись «помощи от литовцев и от татар», Михаил «начал просить мира». «Помирил» его с Дмитрием «владыка Евфимий» [15], епископ Тверской, в том же году возглавивший тверскую делегацию на переговорах с результате которых ≪по благословению» митрополита Алексия был подписан Московско-Тверской договор 1375 г., содержащий ряд важнейших пунктов. Так, согласно договору, «младший брат» Михаил Тверской «целуй мне крест, старшему брату», Дмитрию Московскому, а также «нашей вотчине Великому Новгороду». Иначе говоря, Тверь признала политическую власть Москвы, влияние которой распространялось Новгород. Тверское княжество И на объявлялось вотчиной Михаила, не должного «брать до самой смерти» великое княжение в случае, если «татары и станут предлагать тебе нашу вотчину». При этом Тверь фактически согласилась всецело поддерживать политику Москвы против Орды: «Если у нас с татарами будет мир, то и у всех мир. А если нужно будет платить выход, всем платить, а не будем платить – никому не платить. И если мы пойдем на них, и тебе с нами в союзе идти на них. А пойдут татары на нас или на тебя, биться нам и тебе в союзе против них». Аналогичный пункт приобретал силу и в литовском направлении, с предписанием для Михаила «сложить целование» Ольгерду [33].

Примечательно, что вплоть до сего дня среди историков нет единого мнения по поводу причин этого события. В частности, по словам российского писателя Дмитрия Балашова, «за спиною сурожского гостя» Некомата-бреха, представляемого им «фрязином» и называемого «Нико Маттеи», «стояла вся тогдашняя католическая Европа, деловая, жадная и жестокая», целью которой было подвигнуть Мамая к борьбе с князем Дмитрием и Алексием, «единственно препятствующим делу крещения Руси по католическому обряду» [34].

Прежде чем давать оценку гипотезе о «католическом следе» в изложенных выше событиях, стоит рассмотреть хотя бы вкратце, кто подразумевается под терминами «сурожане» и «фрязи» – тем более что последнее определение также встречается в связи с последующими событиями на Куликовом поле. Поэтому здесь не

обойтись без небольшого экскурса в историю взаимоотношений Орды и Генуи.

История взаимоотношений Орды и Генуи

Напомним, что в результате четвертого Крестового похода православный Константинополь был 1204 завоеван крестоносцами, то есть христианами-католиками. Произошел раздел Византии. На востоке страны возникла Никейская правители которой, будучи византийцами по происхождению, считали себя истинными византийскими императорами. В западной ее части появилась Латинская империя, где патриарха избирало исключительно венецианское духовенство, поскольку ключевую роль в захвате Византии сыграла Венеция. «Латинизированный» Константинополь оказался полностью во власти Римского Папы, а почти всю торговлю в нем прибрали к рукам венецианцы. Не были обделены и генуэзцы, которые вскоре заполучили контроль над городом Тана в устье реки Дон, ставшим их военно-торговой крепостью.

В 1261 г. укрепившийся Никейский император Михаил VIII Палеолог, имея целью разбить Латинскую империю и вернуть Константинополь под власть Византии, заключил торговый договор с Генуей. Император тонко рассчитал данный ход, поскольку генуэзцы соперничали с венецианцами за влияние в Средиземноморье. В Генуе отдавали себе отчет, что этот союз вызовет негодование папского Рима, но все же пошли на него во имя важных экономических перспектив — приобретения права исключительной торговли на берегах Черного моря. Тем самым византийцы заполучили мощный флот, что ослабило позиции Венепии.

Контролировавшие Черноморье генуэзцы своей главной торговой факторией определили поселение Кафа (ныне Феодосия), на владение которой в 1267 г. Генуя получила ханский ярлык. По-другому подступиться к этим землям они не могли, так как с конца 30-х гг. XIII в. весь степной и предгорный Крым являлся владением Золотой Орды (Крымский улус).

Правители Орды, которая к 1267 г. обрела фактическую империи, Монгольской самостоятельность от покровительствовали торговле как одному из важнейших факторов укрепления финансового положения государства. Да и само месторасположение резиденции ханов в Сарае - на восточном берегу Нижней Волги – было неслучайным. Непосредственно через эти земли проходили международные торговые пути. Одним из них был путь, параллельный Волге и проходивший к югу от булгар, который соединялся с трансконтинентальным путем между Китаем, Европой и Индией. Поэтому Золотая Орда имела главенствующее положение на караванном маршруте Китай – Отрар и Хорезм – нижнее Поволжье – Азов – Крым – Европа. По некоторым данным, через Орду проходила половина «Великого шелкового пути». Именно поэтому Генуя приступила к созданию колоний в Кафе и других районах Северного Причерноморья.

В том же 1267 г. Михаил VIII Палеолог передал генуэзцам Галату – противоположный от Константинополя берег Босфора. Вместе с тем, не желая явно одностороннего укрепления геополитического положения Генуи, император подписал мирный договор с Венецией, позволивший ей свободно торговать на территории Византии при сохранении прав генуэзцев.

Венецианско-генуэзское соглашение 1299 г. обеспечило Генуе господство на Босфоре и Черном море, и в итоге генуэзцы, владея Галатой и основав причерноморские колонии, получали контроль над всей морской торговлей между Средиземным и Черным морями. В 1347 г. хан Джанибек подтвердил наличие земель Генуи в Крыму. В 1365 г. при содействии Мамая к ним добавилась Солдая (Сурож, Судак) вкупе с богатейшими окрестностями.

В Кафу, монополизировавшую всю черноморскую торговлю, товары со стороны Приазовья и Причерноморья было намного ближе доставлять из Таны. Полоса этих торговых колоний стала важнейшим звеном международной торговли в качестве западного ответвления северного караванного пути «Китай – Волга – Европа».

Безусловно, верховная власть над территориями колоний принадлежала ханам, но союзнические отношения с ними позволили Генуе получить полное самоуправление. Разумеется, эти уступки возникли не без оснований. На генуэзцев ложилась задача обслуживать флот на Каспии, проходивший через Волгу до булгар. Одновременно Генуя выплачивала Орде дань. Но эти «издержки» беспроблемно покрывались огромными дивидендами Генуи как главного посредника в торговле Золотой Орды с Европой.

Католический заговор?

Так вот, именно генуэзские торговцы именовались на Руси «фрягами» («фрязи»). А «сурожанами» – от наименования порта Сурож, наиболее близкого пункта к малоазиатскому Синопу – называли тех, кто относился к сформировавшейся в Москве прослойке купцов и вел торговлю с генуэзскими колониями, а через них и с Византией. Однако в представляемом Д. Балашовым образе Некомата – московского перебежчика к Михаилу Тверскому – предположительно объединены и сурожанин, и фрязь. Тем самым писатель подводит читателя к пониманию того, что антимосковская связь между генуэзскими колониями и Римом, повлекшая события 1375 г., имела католический «след». Безусловно, католический мир, о чем неоднократно упоминалось выше. активно распространить свое влияние на Русь любыми возможными Например, как способами. отмечал co ссылкой археографическое издание «Древние памятники Польши и Литвы» (под ред. хранителя Ватиканского архива А. Тейнера) советский историк и религиовед, авторитетный специалист по истории католицизма Борис Рамм, в булле "Debitum pastoralis offi сіі" от 1375 г. Папа Григорий XI приказывал «удалить православных епископов с кафедр в Перемышле, Галиче, Владимире-Волынском и Холме и передать эти кафедры католикам, подчинив их епископу любушскому ⁷⁰ » [35]. Предпринимались и другие шаги. Но можно ли рассматривать

 $^{^{70}}$ Любушская земля — исторический регион в Польше и Германии по обеим сторонам р. Одра (Одер) — прим. авт.

упомянутые здесь события как целенаправленное антирусское мероприятие мирового католического центра? Тем более что отношения генуэзцев с папским престолом довольно долгое время были более чем проблематичными — в частности, Генуя ослушалась требования Папы Урбана IV расторгнуть договор с Византией.

С другой стороны, возможно ЛИ считать частью общекатолического заговора несостоявшуюся помощь Михаилу Тверскому от Ольгерда, который чуть позже всего лишь «ходил войной на Смоленскую землю, Городок захватил и сжег», после чего «пошел в свою землю» [32/б]? Даже если допустить, что смоленский князь и впрямь являлся союзником Дмитрия Московского. Более того, вряд ли общемировой католический центр в 1375 г. счел бы достаточной опору всего-навсего на двух московских «оппозиционеров» в лице Некомата и Вельяминова, обиженного на Дмитрия из-за упразднения тысяцкого. Не останавливаясь на всех доводах за и против «католического союза» генуэзских колоний и Рима, тем не менее заметим, что Генуя явно имела немалый интерес к Руси, основанный ее стремлении сохранить былую экономическую мощь. Поэтому определенное давление на нее вполне могло быть.

Генуэзские мотивы

В том же 1375 г. патриарх Константинопольский Филофей определил близкого ему болгарина Киприана на место митрополита «Киевского, Русского и Литовского» с правом занять всероссийскую кафедру по смерти Алексия. Необычными были и титул, и выбор времени: митрополит Алексий был еще жив и назывался «митрополитом Киевским и всея Руси». К тому же, в связи с вхождением Киева в Великое княжество Литовское термин «Малая Русь» вобрал в себя «владения» Киприана. Москва, разумеется, была весьма недовольна тем, что с ней не посоветовались по поводу этого «назначения», пусть даже и будущего. Поэтому когда в 1376 г. Киприан «пришел из Царьграда на Русь», Дмитрий «не принял его, сказав: «Есть у нас митрополит Алексий», — и Киприан поехал в Киев» [15].

Такой демарш Дмитрия зачастую пытаются объяснить тем фактом, что Киприан прибыл на Русь через Литву, но упускают из внимания тот нюанс, что он отправился в Литву еще в 1373 г. с целью примирить литовского, смоленского и тверского князей с Алексием. И именно литовская сторона якобы не позволила Дмитрию принять Киприана. Однако причина здесь видится несколько иной.

В 1376 г. при поддержке генуэзцев императорский престол в Византии занял Андроник IV, который немедля заместил патриарха Филофея своим ставленником Макарием. Поскольку Константинополь не отреагировал на демарш Дмитрия против Киприана, можно допустить, что константинопольский престол сменил позицию по поводу титула Киприана, определенного ему Филофеем.

В связи с этим напрашивается вывод, что генуэзцы были заинтересованы не в объединении Руси под единой митрополией, а в поддержании статус-кво во взаимоотношениях между Русью и Ордой. Иными словами, то, что Русское государство, обретя сплоченность, вполне могло вести в корне иную политику по отношению к ордынцам, очевидно не было выгодно генуэзцам с точки зрения достигнутого между ними и Золотой Ордой полнейшего взаимного согласия в экономической сфере.

Дмитрия, в свою очередь, устроил бы митрополит из «своих», который находился бы в его фактическом подчинении. Киприан явно не подходил на эту роль, что и проявилось в событиях, последовавших за смертью Алексия в 1378 г.: согласно воле Вселенского патриарха наследовать митрополичью кафедру должен был Киприан, но Дмитрий настоял на избрании на роль митрополита «Великой Руси» своего духовника и печатника Михаила (Митяя), который начал править без посвящения, «в тайне от всех странно и неизвестно как облекся» в сан, взяв «митрополичьи печать и посох» — проще говоря, «сам себя поставил в митрополиты» [32/б].

Кириана, направившегося в Москву для вступления в должность, по указанию Дмитрия не впустили в город. В связи с этим в письме монаху Русской церкви, основателю Троицкого

монастыря под Москвой ⁷¹ Сергию Радонежскому и игумену Феодору он пожаловался, что так «не обходились ни с одним святителем с тех пор, как Русская земля стала». Сообщив о подробностях заточения его самого, «нагого и голодного», людьми князя, выдворения из города его слуг, ограбленных «до сорочки, штанов и подштанников», Киприан, ссылаясь на факт обесчещения, наложил на Дмитрия анафему: кто на этот счет «совет давали, да будут отлучены и <...> прокляты, по правилам святых отцов!» Вместе с тем, упомянув об обвинении Дмитрия в его адрес «в том, что я был сначала в Литве», митрополит косвенно подтвердил геополитическую подоплеку происшедшего. При этом Киприан подчеркнул намерение князя «делить митрополию надвое».

Подобный «разлад» между русскими митрополитами наводит на мысль, что и Киприан, и Митяй намеревались отправиться в Константинополь. Но если, по словам Киприана, он собирался «в Царьград» обороняться «Богом, святым патриархом и Великим собором», то его оппоненты «на деньги надеются и на фрягов» [36].

Напомним, что под фрягами (фрязи) подразумевались генуэзцы. Митяй, заручившийся поддержкой Мамая, на пути в Константинополь неожиданно скончался. Тогла сопровождавшие архимандриты остановились кандидатуре одного из них – игумене Переславльского монастыря по имени Пимен. Тут и сыграли роль те самые финансы, о которых говорил Киприан. Сторонники Пимена «взяли у фрязов и бессермен серебро в долг под проценты», множество подарков «раздавая там и здесь», добились от Константинополя назначения Пимена митрополитом Киевским [32/6].

Под бессерменами, со слов советского историка Михаила Тихомирова, «понимались вообще купцы из мусульманских стран» [37]. Таким образом, учитывая шариатский запрет на ростовщичество и упоминание о процентах в связи с фрязами, здесь наверняка подразумевался заем, предоставленный генуэзскими банкирами.

_

⁷¹ Ныне Троице-Сергиева лавра. – прим. авт.

Митрополичьи же полномочия Киприана Константинополь ограничил землями Литвы и Малой Руси, при этом дозволив Пимену распространять свою власть на «территорию» Киприана по его смерти. Не удостоенный чести быть принятым в Москве и обманутый патриархами, Киприан засел в Литве.

Таким образом, в вышеописанном конгломерате событий генуэзские мотивы просматриваются вполне явственно. Но, вместе с тем, они все же имеют вполне самостоятельный характер, не будучи соединены в интересами Рима. Кто с кем и против кого?

К 1380 г. вся Золотая Орда вплоть до северного Приазовья оказалась под властью хана Тохтамыша, опиравшегося на эмира Тимура (Тамерлана). Влияние Мамая сохранилось лишь над Северным Причерноморьем и Крымом. Но и оно становилось все более эфемерным, не будучи обеспечено прочными позициями в центре Руси. В этом, в частности, предположительно кроется причина антимосковских настроений Мамая.

Уступая метр за метром свои владения Тохтамышу, Мамай начал вести войну с Москвой. Однако разгром в конце 1370-х гг. московско-суздальского войска, разорение Нижегородского и Рязанского княжеств не принесли ему особых дивидендов, поскольку вскоре он потерпел поражение от Дмитрия на реке Вожа. Правда, под контролем Мамая оказались северокавказский ареал и Астрахань, но к Дону со своими войсками начал подступать Тохтамыш.

В 1380 г. произошли события, известные как Куликовская битва. Согласно «Краткой летописной повести», «Мамай поганый, собравъ рати многими всю землю Половечьскую и Татарьскую и ратипонаимовавъ, фрязы и черкасы и ясы, и со всеми сими поиде на великаго князя Дмитриа Ивановича и на всю землю Русскую». Дмитрий Лихачев, советский и российский филолог, автор фундаментальных трудов, посвященных истории русской литературы и русской культуры, в примечании к тексту указал, что «фряги» («фрязы») — это генуэзцы, черкасы — черкесы, а ясы — осетины [38/а, б]. То есть в составе войск Мамая находились в том числе и генузцы.

Современные российские исследователи Александр Быков и Ольга Кузьмина объясняют наличие генуэзцев в войсках Мамая

экономической причиной: оценив богатство русских земель, генуэзские купцы поняли, что подступиться к ним будет гораздо легче, если применить силу - в данном случае посредством Мамая, который, по мнению этих историков, находился «на содержании» у генуэзцев. Они предполагают, что условием финансовой помощи хану от генуэзцев был последующий откуп ими у Мамая права на сбор дани с завоеванных при их помощи земель Руси. Однако успех в операции с откупом повредил бы сурожан, поскольку генуэзцы непременно интересам постарались бы прибрать к рукам всю торговлю Руси с Крымом. Поэтому московские купцы, торговавшие в этом направлении, выступили в роли «спонсоров» Дмитрия [39].

С другой стороны, Андрей Падчин, ссылаясь на упоминание о наличии в войске Мамая пеших генуэзцев-наемников, пишет, что в таком случае они должны были оказаться полностью уничтоженными или взятыми в плен, так как войско Мамая бежало, преследуемое русской конницей. В этих условиях тяжелая генуэзская пехота лишалась шанса спастись, а плененные подлежали дальнейшему выкупу генуэзскими колониями. Опираясь последние подробно на TO, что отчитывались о своей деятельности перед метрополией, но в их отчетах того времени отсутствуют сведения об участии нескольких тысяч генуэзцев в войсках Мамая и их пленении, А. Падчин говорит об отсутствии на Куликовом поле тяжелой пехоты генуэзцев [40].

В любом случае, нельзя не согласиться с тем, что генуэзцы вполне могли преследовать свои политико-экономические цели в отношении Руси и в частности Московского княжества. Имея теснейшие взаимоотношения с Мамаем и обладая финансовой мощью, они вполне могли что-то предпринять для их достижения. Однако точные выводы об этом применительно к 1380 г. невозможны ввиду отсутствия однозначных документальных свидетельств.

У самого же князя Дмитрия существенных конфликтов с генуэзцами не было. Русским филологом-славистом, этнографом

XIX в. Измаилом Срезневским был отмечен 72 факт наличия жалованной грамоты Дмитрия

Ивановича от 1363 г. о праве Андрея Фрязана (Фрязина) «на управление Печорскимъ краемъ, какъ было за его дядею за Матфеем за Фрязиномъ, по пошлине» [41].

Вместе с тем, согласно «Задонщине», у Дмитриева войска «сулицы» были «немецкие, а кинжалы фряжские» [42]. Следовательно, контакты с генуэзцами осуществлялись во многих сферах, включая военную. Если бы имел место эпизод взаимного противостояния, такого рода взаимодействие вряд ли оказалось возможным.

Как бы то ни было, потерпев поражение в результате «Доновскаго побоища», Мамай вновь решил «возхоте ити изгоном» на Дмитрия «и на всю Русскую землю». Однако в тот самый момент он столкнулся с угрозой наступления на него «Тахтамышь из Синие Орды».

Вследствие ли договоренностей с москвичами или самолично, Тохтамыш вознамерился атаковать Мамаево воинство. Потерпев очередное поражение и получив известие о том, что «биша челом» Тохтамышу его приближенные, Мамай «вниде» в Каффу, где местные жители «убиша его» [6/г]. «Сказание о Мамаевом побоище» подтверждает, что в Каффе он, будучи «опознан» каким-то купцом, был убит «фрягами» [43].

Возможно, причину этого убийства кто-то заподозрит в том, что Мамай так и не оправдал надежд генуэзцев. Вероятны и иные его версии, в частности истолкование как сигнала «фрягов» Тохтамышу о готовности к лояльному отношению к нему и пр.

Факт прямого столкновения Тохтамыша с Мамаем в период продвижения того к Москве привел украинского исследователя Валерия Бебика к критической оценке широко тиражируемого постулата о том, что на Куликовом поле «сражались русские с татарами», в результате чего православные победили мусульман. Он называет это заключение «российским (православным) мифом», поскольку, по его словам, войска Тохтамыша «воевали на стороне московитов, возглавляемых Дмитрием Донским». Хан при этом ставил целью стать правителем единой Золотой

⁷² Со ссылкой на Акт. археогр. эксп., I. – прим. авт.

Орды, а московский князь — уменьшить налоги, отчисляемые ордынцам. «Агрессором» выступило московско-татарское войско, Мамай же не ожидал удара московских войск ему в тыл в момент борьбы с Тохтамышем [44].

Факт остается фактом: со смертью Мамая Тохтамыш, оказавшись единственным претендентом на престол объединенной Орды, сообщил Дмитрию и «всем князем русскым», что «сяде на царстве Воложьском» Князья, включая Дмитрия Донского, отправили к нему своих представителей «со многыми дары» $[6/\Gamma]$.

Этот нюанс привел В. Бебика к выводу, что «если кому и проиграл хан Мамай, возглавлявший украинцев (черкасов и половцев) и крымских татар», так это непосредственно Тохтамышу [44].

К слову, по мнению российских писателей Е. Авадяевой и Л. Здановича, роль Куликовской битвы в немалой мере была приукрашена потомками. Для простого русского народа это событие являлось всего лишь еще одной бойней в череде беспросветных войн, в которых простые люди участвовали под предводительством их хозяев — князей. По большому счету, суздальскому или рязанскому мужику-дружиннику было все равно кого резать и грабить — своего ли собрата москвича, новгородца или татарского мурзу, — национальное самосознание в те времена пробуждалось, только когда перед лицом маячила веревка палача [45]. Хотя выдающийся советский ученый Лев Гумилев отмечал, что на Куликовскую битву «вышли жители разных княжеств, а вернулись оттуда жителями единого московского русского государства» [46].

В центре событий – Москва

Как бы то ни было, в 1381 г. Дмитрий вызвал в Москву самого Киприана. Несмотря на то, что ему так и не довелось распространить свое «духовное» влияние на Москву, принял его князь «с великими почестями и с искренней верой и любовью» [32/6].

_

⁷³ То есть. стал правителем восстановленной золотоордынской империи. – прим. авт.

Быть может, столь трогательная смена отношения Дмитрия к изначально немилому ему Киприану была вызвана желанием «закрыть» вопрос об анафеме. Выше уже были приведены причины, по которым еще до Куликовской битвы Дмитрий был подвергнут анафеме Киприаном, а это немаловажный факт учитывая законное нахождение последнего на митрополичьей кафедре Руси. Московский князь принципиально не желал находиться – как пожизненно, так и посмертно – под «дамокловым мечом» анафемы, тем самым лишая себя ореола победителя с точки зрения «духовного» блага. Поэтому в летопись и были внесены сведения о благословении Дмитрия Донского на борьбу с Ордой Киприаном, чего не могло быть по сути хотя бы потому, что в то время митрополит находился далеко от Москвы. В этой связи уместно сослаться на вятского историка Е. Харина, согласно которому ни одна из русских летописей, за исключением Рогожского летописца, не избежала «тотальной промосковской цензурной правки» [47].

А объятия, распростертые Дмитрием Киприану, узаконили для истории светско-духовное единство между московским князем и митрополитом.

Видя, что Киприан обрел взаимопонимание с Москвой, а Дмитрий не желает восстановить систему выплаты дани Орде, Тохтамыш решил в 1382 г. начать войну против Московского княжества. Получив известия о продвижении к городу войск Тохтамыша, безопасные «броды на Оке» которым показал князь рязанский Олег, Дмитрий «бежал в Кострому». Покинуть Москву больше не сумел никто, кроме княжеской семьи и Киприана, направившегося в Тверь. Оборону Москвы попытался возглавить молодой литовский князь Остей, «внук Ольгердов». Золотоордынцы, «начав сечь, пошли в город», горожане же «сами город зажгли». В связи с сильным ветром «были на город огонь и меч», после чего Москва пала [15].

По некоторым данным, из 40 тыс. населения тогдашней Москвы погибло 24 тыс. человек. Город был разрушен и разграблен. После этих событий «не захотел князь великий Дмитрий Киприана митрополита». Не потому ли, что Киприан пережидал набег Тохтамыша на Москву непосредственно на

тверской земле? В результате очередного конфликта с Дмитрием Киприан уехал в Киев [15], а его место занял Пимен.

Тут же активизировался князь Михаил, из-за чего Дмитрий «посла в Орду сына своево князя Василья из Владимеря во свое место тягатися со князем Михаилом Тверским о великом княжении». Однако Михаил «выиде из Орды» без ярлыка [2], что фактически означало его политическое поражение.

В этой связи уместно вспомнить персону Некомата. В 1382 г. «убиен бысть на Москве некий брех, именем Некомат, за некую крамолу». Неужто под крамолой подразумевается активное участие сурожанина – что примечательно, в единственном числе - во «всемирном католическом заговоре» с участием генуэзцев? Если же рассматривать убийство Некомата как следствие фиаско Михаила Тверского в борьбе за Владимирское княжение, то, повидимому, оно развязало Д. Донскому руки для расправы с заурядным предателем, перебежавшим в лагерь политическому противнику. Очевидно, с получением ярлыка Дмитрий оказался «на коне», что позволило ему, в частности, «решить дело» с Некоматом так, как ему было удобно, в том числе с учетом геополитических соображений. Обыденность убийства Некомата позволяет предполагать отсутствие каких-то значимых «темных пятен» в его биографии – во всяком случае, внешнеполитического происхождения.

«Связанная» же с образом Некомата теория о генуэзскоримском «католическом тандеме» была столь же прозаически опровергнута фактом заключения Тохтамышем с Генуей мирного договора, закрепившего за ней все ее колонии. Кроме того, явным свидетельством спекулятивности гипотезы римскогенуэзского взаимопонимания явилось неприсоединение Генуи к соглашению со светскими правителями Европы «О возрождении Римской империи, узурпированной Палеологами», подписанному в 1281 г. Папой.

Причиной же получения Дмитрием Донским ярлыка на княжение наверняка стало его согласие на возвращение к политике выплаты дани ордынскому хану. Да и вряд ли был возможен иной сценарий, учитывая то, что в качестве средства давления на князя Тохтамыш оставил у себя 12-летнего Василия Дмитриевича фактически как заложника. Поэтому

неудивительно, что в 1384 г. «бысть дань великая тяжкая по всему княженію великому, всякому безь отдатка, съ всякіе деревни по полтинЪ. Тогда же и златомъ даваше въ орду» [48].

Польско-литовская уния 1385 г.: политическая подоплека крещений

Возвращаясь к Великому княжеству Литовскому, для начала отметим, что в 1377 г. волынский князь Любарт Гедиминович, потерпев поражение в войне с польским королем Людовиком, вынужден был признать себя его вассалом, что позволило ему сохранить за собой Волынь. Также вассалом Людовика стала Галиция, фактически находившая во власти венгров. Несколько позже, в 1382 г., Любарт выкупил ряд городов у венгерских старост.

Со ссылкой на Опись архива Посольского приказа 1626 г. российский историк Л. Черепнин приводит «Докончальную грамоту» Дмитрия Донского и его брата Владимира с Ягайло Ольгердовичем, ставшим в 1377 г. великим князем Литовским, согласно которой последние «целовали крест великому князю Дмитрею». По договору 1384 г. предполагался брак дочери Дмитрия Донского с Ягайло с предписанием последнему «креститися в православную веру» [49].

Правда, договор так и не вступил в силу. Другое дело, что его условия, согласно трактовке русского историка середины XX в. А. Соловьева ⁷⁴, свидетельствовали о наличии у Дмитрия Донского планов «постепенного подчинения недавно только захваченных Литвой русских областей путем договоров о вассалитете», а также о перспективах «вассальной наследственной зависимости литовских князей от московских великих князей» [50].

Однако этот сценарий остался нереализованным. Одной из возможных причин тому являлись постоянные атаки на Литву Тевтонского ордена, что привело к естественному стремлению литовцев укрепить государство в западном направлении. Вместе с тем, «Хроника Быховца» объясняет обстоятельство

⁷⁴ Профессора Белградского, Сараевского, Женевского университетов. – прим. авт.

несостоявшейся брачной договоренности тем, что поляки «стали совещаться», размышляя, «как бы могли они землю свою от Литвы охранить», поскольку «силой противиться ей» никакой возможности у них не было. Итогом раздумий стало решение сейма «взять себе государем на королевство» Ягайло при условии его женитьбы на дочери Казимира Великого королевне Ядвиге и крещении «в веру христианскую закона римского». Ягайло согласился принять «веру латинскую», крестился в Кракове, после чего его «короновали». Тем самым польсколитовская уния 1385 г. положила начало образованию единой Посполитой. Как – Речи следствие, католичество «многие иные паны включая литовские», двоюродного брата Ягайло Витовта⁷⁵ [26/а], который незадолго до этого «Оршу и Витебск добыл» и, «пустившись в Киев Житомир и Звенигород взял у князя Володимира» [51].

В то же время, знаменитый польский историк, крупный католический иерарх XV в. Ян Длугош упоминает о беспокойстве великого магистра Ордена крестоносцев Пруссии Конрада Цолльнера по поводу последствий заключенной унии. Предполагая усиление «как Польского королевства, так и литовских земель», он опасался, как бы «это не оказалось гибельным для него и для его Ордена». Не приняв приглашения на «инаугурацию» Ягайло, он дал команду своим отрядам вторгнуться в литовские земли. Причем в его свите находился родной брат Ягайло – исповедовавший православие Андрей, который переметнулся к «к крестоносцам, охваченный желанием с их помощью захватить верховную власть над литовцами и русскими». Цолльнер предал Литву «грабежам и пожарам». В качестве ответных мер Ягайло тут же командировал в Литву близких родственников, включая Витовта, укрепив их силами «польских рыцарей» для «отпора крестоносцам». Задача в целом была осуществлена довольно успешно – в частности, отвоевана Полоцкая земля [52].

Ягайло, немедля основав Виленское, Луцкое и Киевское епископства, «начал распространять в Литовском государстве римскую веру» [25/а]. «Все литовское племя и народ» были

-

⁷⁵ Ранее бывшего князем гродненским. – прим. авт.

«научены основам истинной веры» польскими священниками, и спустя некоторое время увидел свет королевский указ о том, чтобы «верные литовцы-католики избегали и гнушались браков с русскими отступниками, не повинующимися римской церкви». В противном случае, при смешанных браках поляков-католиков с православными русскими «повелевалось требовать» от них принятия и исповедование ими католичества. Вплоть до принуждения »к этому телесными наказаниями» [52].

В принципе, такая позиция Ягайло объяснима, поскольку большинство населения Великого королевства Литовского исповедовало православие. Из-за того, что земли княжества были на 90% русскими, православное население всегда представлялось полякам «пятой колонной», «работавшей» на Русь. Путем же подавления православия Польша однозначно укрепляла свои позиции в литовских землях.

Тем временем в 1389 г. Константинопольским патриархом Антонием в качестве митрополита Киевского и всея Руси был восстановлен Киприан, с предписанием впредь соблюдать митрополии. Обосновывалось Русской единство предписание изначальным установлением о руководстве Русской церковью «одним митрополитом», которое было принято после конфессионального подчинения древней Руси Константинополю - «нашей апостольской церкви». Поэтому всегда «дела той церкви шли хорошо и мирно». Лишь в предшествующие годы там возникли распри и смуты. Недовольные князья упросили патриарха, «чтобы им дан был другой архиерей», иначе они «готовы перейти к другой церкви, чуждой православной». Однако Константинополь, который не мог ни «Русь разделить на две митрополии», ни «оставить без внимания столь великий народ», избрал «средний путь», рукоположив Киприана «в митрополита Киевского, Русского и Литовского» – в земли, которые «в продолжение многих лет» митрополит Алексий «оставлял без призрения». Но чтобы «древнее устройство Руси сохранилось» на «будущее время» и Русь «опять состояла под властию одного митрополита», Филофей соборным деянием узаконил, «дабы, после смерти кир Алексия, кир Киприан получил всю Русь и был одним митрополитом всея Руси». Поэтому «митрополитом Киевским и всея Руси» будет

именоваться Киприан, обладая кафедрой «до конца своей жизни», рукополагая «епископов в епископиях, изначала подчиненных его церкви» и совершая «все прочие святительские службы, как настоящий архиерей всея Руси». «Таковы будут и все после него митрополиты русские, наследуя один после смерти другого [единство своей митрополии]»; данный «порядок пусть ненарушимо соблюдается отныне и впредь во все веки», с тем, чтобы «никогда не отменялось настоящее соборное деяние и постановление, — ни нам, ни позднейшими [патриархами]: ибо мы опытом удостоверились, какое зло — разделение и раздробление той церкви на части, и какое благо — быть одному митрополиту во всей той области» [53].

Тогда же вернувшийся из Константинополя Киприан оказался в Москве — но уже после смерти Дмитрия Донского и наречения Великим князем Владимирским Василия I Дмитриевича. При нем Студийский богослужебный устав был заменен Иерусалимским, упрочившимся в XIV в. на всем Востоке и у южных славян. На Русь стали поступать богослужебные книги, составленные применительно к новым порядкам, что привело к необходимости исправления ранее существующих экземпляров согласно началам иерусалимского типикона⁷⁶.

В том же 1389 г. «договор о вечном союзе и единении» с магистром и Орденом крестоносцев заключил Витовт [52], владея к тому времени «Луцком и всей Волынской землей». В 1390 г. он, заручившись «помощью немцев начал воевать Литовскую землю», приступил к захвату территорий Великого княжества Литовского и, разбив «наголову войско литовское», осадил Вильно. При этом Витовт опирался в том числе и на русских бояр, выдав свою дочь за Василия І. Встречал ее у Москвы не кто иной, как Киприан «со всем священным чином», и «сотворили брак». Видя успех Витовта, Ягайло вынужден был предложить ему взять «себе великое княжение в Вильно» [26/б].

При этом Витовт обязался «клятвенно и подлежащей оглашению грамотой владеть упомянутыми землями от имени короля и королевства Польского», хранить «верность и никогда не покидать» его. Говоря другими словами, Витовт практически

_

⁷⁶ Книга с записью устава. – прим. авт.

стал наместником Ягайло в Литве. «Крестоносцы, узнав об отпадении Витовта, выступили с оружием против него», но потерпели поражение. А вскоре другому брату Ягайло — Скиргайло — перепал Киев. «В добавление к Киевскому княжеству» ему было предоставлено в управление еще несколько территорий, но при условии «во всем повиноваться» Витовту [52].

В целом, по результатам войны за Галицко-Волынское наследство Галиция с Белзким княжеством и Холмщиной вошли в состав Королевства Польского, а Волынь отошла к Великому княжеству Литовскому. Таким образом, Галицко-Волынское княжество окончательно прекратило существование.

Тимур и торговые марируты

Тем временем подступаться к Руси начал Тимур (Темир Аксак), Тамерлан, создавший мощное государство Туран со столицей в Самарканде. Естественно, эти земли его волновали и с точки зрения контроля всех торговых путей общемирового значения, поскольку он имел власть лишь над южным маршрутом Великого Шелкового пути из Китая в Европу. Отсюда и особый интерес Тимура к землям, подвластным Золотой Орде.

Нанеся в 1395 г. сокрушительное поражение ранее поддерживаемому им Тохтамышу, «Темир Аксак из восточной страны, из Синей Орды» замыслил «в сердце своем» придти «и на Русскую землю – полонить ее». Подошел Тимур «к пределам Рязанской земли, взял город Елец» [54].

В связи с происходящим князь Василий предпринял важнейший политический ход, повелев «отцу своему духовному» митрополиту киевскому и всея Руси Киприану «послать в славный старый город Владимир за иконой Владычицы нашей Богородицы» [15]. Речь идет об иконе Божией Матери, перенесенной Андреем Боголюбским — как о том говорилось в предыдущих главах — из Вышгородского монастыря во Владимир. Перенос такой значимой реликвии Василием I в Москву фактически придавал городу особый «освященный» статус, возвышавший ее над другими землями

Руси. Летопись объясняет это обращением памяти правителя к истории: «Богородица избавила Царьград от нашествия зловерного и безбожного царя Хоздроя⁷⁷». Вслед за тем «чудную икону взяли и понесли из города Владимира в Москву» [15]. Как только «та чюдная икона прииде в град Москву», Тимур «бежа от рекы Угры», у которой Василий I «иде противу его» [55]. Поэтому «к сей же чюдной иконе» великий князь «повеле зделати киот и украсити серебром и златом. Тако же и храм ея честнаго и славнаго ея Успенья повеле подписати» [56].

Что касается «побега» Тимура, то, действительно, его войска, разграбив окрестности, повернули обратно, хотя из Елеца до Москвы рукой подать. Внятных тому объяснений, лишенных ссылок на чудотворное действие иконы, нет. Вполне вероятно, что он изначально не имел намерений продвигаться вглубь Руси, избрав восточнокрымское направление, где вскоре им были разгромлены почти все ведущие генуэзские колонии. Этот факт вкупе с разрушением Таны в Северном Приазовье приостановил действие «северного отрезка» Великого Шелкового пути, приведя к перенаправлению маршрута торговых караванов через «южный отрезок» – контролируемые Тимуром территории.

Вышеизложенные события, наряду с уничтожением Тамерланом Астрахани и Сарая Берке, привели к упадку Золотой Орды. Тем более что ослабевшие ханы, лишившись доходов от мировой торговли, перестали получать дань и от русских князей. Поэтому когда «в Орде и в Сараи на царьстве» оказался «царь, именем Темир-Кутлуй ⁷⁸ », Тохтамыш неспроста «сослася с Витофтом, и бежа из Орды в Киев» [2], пообещав Витовту сделать его правителем всей Руси и Новгорода, если тот окажет ему помощь.

Вместе с тем, Тевтонский орден в обмен на уступку Пскова не стал возражать против того, чтобы Витовт считался главой не только Руси с Новгородом, но и Литвы.

В 1399 г. «Витофт Кестутьевичь литовский, собрав воя многи, с ними же бе царь Тахтамыш своим двором, а с Витофтом литва, немцы и ляхи» и другие, «поиде на царя Темир-Кутлуя». Витовт намеревался вновь «посади» Тохтамыша в Орде, а самому

_

⁷⁷ Сасанидский царь Хосрой II Парвиз. – прим. авт.

⁷⁸ Вассал Тимура. – прим. авт.

оказаться «на Москве на великом княжении на всей Руской земли». Но в ходе знаменитой битвы на Ворскле Темир-Кутлуй «победи Витофта и вся силу литовьскую» и «много зло» сотворил «земли литовской» [2].

В результате этой битвы Витовт потерял надежды на роль объединителя восточнославянских земель. Лишился былого политического влияния и Тохтамыш.

Также отметим, что незадолго до этих событий Ягайло добивался от константинопольского престола решения вопроса «соединения церквей» под предлогом войны «против неверных». Но патриарх Антоний, назвав его «разумнЪйшій король и государь всей Польши», «Литво-Руси, Поморья и многихъ другихъ странъ», сообщил, что сейчас «не время для такого дЪла». Аналогичного характера высказывание последовало в письме Антония к Киприану, в котором он также отметил, что забота «о святЪйшей галицкой митрополіи лежитъ» и на «священномъ соборЪ», в связи с чем Константинополь озаботится «поставленіемъ туда законнаго архіерея, когда угодно будетъ Богу». Причиной тому было недовольство Антония тем, что Киприан рукоположил в качестве митрополита на Галицкую митрополию «одного изъ ея епископовъ» [57].

Заключение

Таким образом, проявившаяся на рубеже XIII-XIV вв. тенденция нарушения исторических связей культурного размежевания Северо-Восточной – Владимирской, а затем Московской и ЮгоЗападной Руси к концу века стала реальностью, о чем, в частности, говорил видный русский историк XIX-XX вв. В. Ключевский. Заявляя о распадении «русского населения России» на «две новые ветви», он отметил, что с начала XIII в. население «центральной среднеднепровской служившее основой первоначальной полосы, народности, разошлось в противоположные стороны». Затем «обе разошедшиеся ветви» потеряли «свой связующий и обобщающий центр» в лице Киева, оказавшись под воздействием «новых и различных условий» и перестав «жить общей жизнью». Тем «великорусское самым племя» вышло не ИЗ

«продолжавшегося развития этих старых областных особенностей», но явилось «делом новых разнообразных влияний, начавших действовать» после распада русской Причем распад ЭТОТ происходил находившемся вне «коренной Руси» и в XII в. бывшем «более инородческим, чем русским». Условия, под действие которых «колонизация ставила русских переселенцев в области средней Оки и верхней Волги», были этнографические – возникшие в результате встречи русских переселенцев с инородцами в междуречье Оки – Волги, и географические. Поэтому «в образовании великорусского племени совместно действовали два фактора: племенная смесь и природа страны» [58].

Известный российский историк XVIII в. В. Татищев объяснял сложившуюся на тот момент ситуацию тем, что на фоне завоевания «Руссии от татар», Литва, «из лесов выйдя и от прежнего подданства русского отрекшись, с князем их многие города русские, а потом чрез много лет Червонную Русь, Волынь и всю Малую или просто Русь захватили, сами князями русскими, а по соединении с Польшею (уния 1386 г.) королями русскими писаться стали». Желая «то свое насилие утвердить, а славу русскую и честь государей умалить, великим князям русским надлежащий от древности титул дать не хотели, равняя их с удельными князями, по Москве граду престольному московскими именовали» [59].

В свою очередь, по утверждению выдающегося русского историка-историографа XVIII—XIX вв. Н. Карамзина, междоусобица на Руси могла привести к погибели «нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием Ханам».

Поясняя сказанное «одним из достопамятных следствий Татарского господства над Россиею», Н. Карамзин упоминает «возвышение нашего Духовенства, размножение Монахов и церковных имений», по причине запрета ханов «под смертною казнию своим подданным грабить, тревожить монастыри <...> Немногие из нынешних монастырей Российских были основаны прежде или после Татар: все другие остались памятником сего

времени». Однако, резюмирует историк, обычаи монголов «мы называли погаными; и чем удобнее принимали Византийские, освященные для нас Христианством, тем более гнушались Татарскими, соединяя их в нашем понятии с ненавистным зловерием <...> Россияне вышли из-под ига более с Европейским, нежели Азиатским характером» (13/б).

Г. Вернадский писал, что хотя «русские земли, вошедшие в состав Польского, Литовского и Венгерского государств, во многом сохранили свои культурные начала, но культуру национально-государственную они утратили. Основное русло исторического процесса развития русской государственности пролегло не в западной, охваченной латинством, Руси, а в восточной, захваченной монгольством». Да, «восточные русские земли тоже вошли в состав государства монгольского», но, как пишет Г. Вернадский, оно являлось «мировой империей», а не «провинциальной державой». «Не мешая» при этом «внутренней культурной жизни <...> земли русской». Тем самым «монголотатарская волна поддержала на своем гребне оборону русского народа от латинского Запада» [14].

По словам Л. Гумилева, «всех русских скрепляло православие как духовная ценность вплоть до XV в., когда объединение наступило (на северо-востоке оно уже оформилось и политически) и, до XVIII в., когда была присоединена югозападная Русь, находившаяся 400 лет под властью Польши» [46].

Действительно, церковь в северо-восточном направлении предпринимала внушительные усилия по воздействию на ситуацию, фактически политизируя православие. Если Владимир Мономах проводил параллель между православием и идеей единства страны, Сергий Радонежский, почитаемый Русской православной церковью в лике святых как преподобный, связал воедино православие и русский патриотизм. Неслучайно в летописи помещены сведения о посещении С. Радонежского князем Дмитрием перед Куликовской битвой, во время которого монах сказал ему: «Если враги хотят от нас чести и славы, дадим им, если хотят злата и сребра, дадим и это, но за имя Христово, за веру Православную нам подобает душу свою положить и кровь свою пролить» [60].

Поэтому известный русский лингвист, публицист евразийского направления Н. Трубецкой «главным и основным явлением» включения Руси в монгольское государство называет «подъем религиозной жизни» с последующим формированием «пламенного чувства преданности национальному идеалу», что становилось «мощным фактором развития национального самосознания и культуры» [61].

Тем не менее, в связи с вышеприведенными нюансами взаимоотношений русских церковников с монголами советский исследователь В. Титов писал, что в «лице русской православной церкви» ханы приобрели «преданнейшего слугу». По его словам, этот «союз» Орды и «православного духовенства» был выгоден обеим сторонам, поскольку «ханы получали в свои руки надежное средство для духовного закабаления побежденных», а церковь «приобретала большие привилегии», позволявшие «накапливать все новые богатства», посредством использования всех выгод «своего положения, предоставленных ей завоевателями».

Выражая эту точку зрения, историк ссылался на высказывания деятелей, стоявших у истоков русского марксизма [62].

Один из них, Григорий Плеханов, важным связующим звеном между Русской церковью и Ордой назвал тот факт, что «хула православной веры» И «всякое нарушение предоставленных духовенству привилегий наказывалось смертной казнью». Поэтому князья не имели права «облагать его повинностями» и «посягать на его имущества». Тем самым «великое народное несчастие – татарское нашествие», принесло большую пользу «богомольцам» русской земли, сумевшим оценить «любезность неверных» и нечестивыхъ царей». Это согласие «между «нечестивыми царями» кочевых хищников и благочестивыми «богомольцами» оседлого русского населения» на время сделало «нашу духовную власть почти независимой от светской»; «наши митрополиты опирались на татар, как римские папы опирались когда-то на франков» [63].

1. Виноградов А. И. История Кафедрального Успенского Собора в губ. гор. Владимире

http://www.biblioclub.ru/82597 Istoriya Kafedralnogo Uspensk ogo_Sobora_v_gub_gor_Vladimire.html

- 2. Пискаревский летописец http://krotov.info/acts/17/azaryin/b61b.htm
- 3. Цит. по: Антов Д. А. Ратная сила золотой орды (Арабские и персидские сочинения)

http://www.a-nevsky.ru/library/ratnaya-sila-zolotoy-ordy.html

- 4. Соловьев С. М. История государства Российского. http://www.booksite.ru/fulltext/sol/ovy/soloviev_s_m/hist_g_r/4
 3 17.htm
- 5. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы, упомянутые в месяцеслове http://calendar.rop.ru/icons1/apr18-ikona-maximovskaya.html
- 6. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью
- a/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161932#?page=181
- 6/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161932#?page=182
- в/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161932#?page=195
- r/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161829#?page=77
- 7. Житие святого Петра, митрополита Киевского и всея России. В изложении святителя Димитрия Ростовского http://simvol-veri.ru/xp/jitie-svyatogo-petra-mitropolita-kievskogo-ivseya-rossii.html
- 8. О великом князе Иване Даниловиче. Из Степенной книги царского родословия http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10143
- 9. Послание Гедимина Папе Иоанну XXII http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Gedimin/2.p html?id=2243
- 10. Послание Гедимина гражданам Любека, Ростока, Штральзунда, Грейфсвальда, Штеттина и Готланда http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Gedimin/4.p html?id=2245
- 11. Мирный договор Гедимина с Орденом, датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Gedimin/8.p html?id=2249

- 12. Послание Папы Иоанна XXII Гедимину http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Gedimin/12.phtml?id=2253
- 13. Карамзин Н. М. История Государства Российского a/ http://www.bibliotekar.ru/karamzin/43.htm 6/ http://bibliotekar.ru/karamzin/51.htm
- 14. Вернадский Γ . В. Монгольское иго в русской истории http://manefon.org/show.php?t=3&txt=2
- 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Tversk_let/frametext1.htm
- 16. Новгородская Первая летопись старшего извода a/ http://litopys.org.ua/novglet/novg28.htm 6/ http://litopys.org.ua/novglet/novg29.htm
- 17. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века

http://rko.marsho.net/articl/marx.htm

18. Протоиерей Иоанн Мейендорф. Византия и Московская Русь

http://vizantia.info/docs/148.htm

- 19. Торговый договор Гедимина с Орденом http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Litva/XIV/Gedimin/18. phtml?id=2259
- 20. См.

а/ Наталія Яковенко. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст.

http://history.franko.lviv.ua/PDF%20Final/Jakovenko.pdf б/ Олена Русина. Україна під татарами і Литвою http://www.rulit.me/books/ukraina-pid-tatarami-i-litvoyu-downloadfree-245877.html

21. Хрисовул императора Иоанна Кантакузина о восстановлении единства митрополии Киевской и всея Руси (август 1347 года)

http://www.sedmitza.ru/text/438231.html

- 22. Летопись по Воскресенскому списку http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161813#?page=20
- 23. Книга степенная царского родословия, ч. 2 http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161988#?page=15

24. Львовская летопись

http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161973#?page=194

25. Князья Олельковичи

http://history.vn.ua/book/person/13.html

26. Хроника Быховца

a/ http://www.vostlit.info/Texts/rus/Bychovec/frametext.htm

6/ http://www.vostlit.info/Texts/rus/Bychovec/frametext2.htm

27. См. подр.: Князья Олельковичи

http://www.history.vn.ua/book/person/13.html

28. Протоиерей Иоанн Мейендорф. Византия и Московская

Русь. Глава VIII. Патриарх Филофей и Русь (1364–1376)

http://vizantia.info/docs/147.htm

29. Вологодско-Пермская летопись

http://ushkuiniki.pspu.ru/PSRL/vologodsko-perm.pdf

30. Грамоты Филофея на Русь

http://www.krotov.info/acts/14/3/filofey.htm

31. Соборное деяние о епископе, пришедшем из Малой России, кир Антонии, поставленном в митрополита Галицкого

http://kds.eparhia.ru/bibliot/makariy/deyanie/

32. Рогожский летописец. Записи 1368–1380 гг.

a/ http://www.kbitva.ru/ist002_2.html

6/ http://www.kbitva.ru/ist002 8.html

33. Московско-Тверской договор 1375 г.

http://www.shpl.ru/uzdd/vddpage23.html

34. Балашов Д. Отречение

http://lib.align.ru/getbook/800.html

35. Борис Рамм. Папство и Русь в X-XV веках

http://krotov.info/libr_min/17_r/am/m_4.htm

36. Послание митрополита Киприана игуменам Сергию и Феодору

http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4990

37. Тихомиров М. Древняя Москва

http://oldru.com/moscow/moscow45.htm

38. Сказания и повести о Куликовской битве (под ред. Д. Лихачева)

а/ Краткая летописная повесть

http://www.telenir.net/literaturovedenie/skazanija_i_povesti_o_k ulikovskoi_bitve/index.php

б/ Примечания

http://www.telenir.net/literaturovedenie/skazanija_i_povesti_o_k ulikovskoi_bitve/p3.php

- 39. Быков А. В., Кузьмина О. В. Эпоха Куликовской битвы http://oldhat.ru/epo/35.htm http://oldhat.ru/epo/29.htm
- 40. Падчин А. Куликовская битва

http://www.padchin.narod.ru/history/history20.html

41. Жалованная кормленая грамота. В кн. Димитрия Ивановича Андрею Фрязину о пожаловании его Печорою в кормление (1363 г.)

http://zz-project.ru/xiv-vek/264-1363-89gg-zhalovannaya-kormlenayagramota-v-kn-dimitriya-ivanovicha-andreyu-fryazinu-o-pozhalovaniiego-pechoroyu-v-kormlenie

42. Задонщина. Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, как победили супостата своего царя Мамая

http://www.hrono.ru/dokum/1300dok/zadonshina.php

43. Сказание о Мамаевом побоище

http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Mamaj/text.phtml?id=895

44. Бебик В. Куликовская битва: украинский Сталинград для московско-татарских орд

http://for-ua.com/authornews/2011/09/26/085520.html

- 45. Авадяева Е., Зданович Л. 100 великих казней http://kazney.greatest100.ru/ivan-velyaminov-i-nekomat/index2.html
- 46. В какое время мы живем http://gumilevica.kulichki.net/BDM/bdm05.htm
- 47. Харин Е. История страны Вятской http://skygrad.narod.ru/texts/skvoz_veka3.htm
- 48. Симеоновская летопись

http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161947#?page=142

- 49. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV вв. http://www.laborunion.lt/memo/modules/news/article.php?storyi d=14
- 50. Соловьев А. Автор «Задонщины» и его политические идеи

http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/t58/t58-183-.htm

51. Киевская летопись

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/Kiev_let/text.htm

- 52. Длугош Ян. История Польши («Хроника Длугоша») http://www.webcitation.org/61BxXn9Is
- 53. Соборное определение патриарха Антония о низложениимитрополита Пимена и восстановлении Киприана в звании митрополита Киевского и всея Руси с тем, чтобы впредь навсегда соблюдаемо было единство Русской митрополии

http://textfighter.org/raznoe/History/Meyen/esli je mitropolit m aloi rusi mitropolit patriarha.php

54. Повесть о Темир Аксаке

http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4987

55. Владимирский летописец

http://vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1520-1540/Vlad let/text.htm

56. Постниковский летописец

http://www.russiancity.ru/books/b59.htm

57. Грамоты патріарха Антонія от 1397 г.

http://litopys.org.ua/rizne/spysok/spys10.htm

58. Ключевский В. О. Курс русской истории http://www.magister.msk.ru/library/history/kluchev/kllec17.htm

59. Татищев В. История Российская

http://www.bibliotekar.ru/rusTatishcev/31.htm

60. Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия игумена Радонежского и всея России чудотворца. Составлено иеромонахом Никоном (Рождественским), впоследствии архиепископом Вологодским и Тотемским

http://www.stsl.ru/lib/book1/chap15.php

61. Трубецкой Н. С. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока

http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns11.htm

62. Титов В. Православие

http://fanread.ru/book/7633747/?page=7

63. Плеханов Г. В. История русской общественной мысли

Библиотека сайта "Ислам для всех" www.islam.plus

МОСКВА ПРОТИВ ВЕЛИКОГО НОВГОРОДА НА ФОНЕ ПРОТИВОСТОЯНИЯ МЕЖДУ ВИЗАНТИЕЙ И ПАПСКИМ РИМОМ

Борьба за митрополии не стихает

Несмотря на тесные родственные связи между Великим князем Московским и Владимирским Василием I и Великим князем Литовским Витовтом — первый был женат на дочери второго — между ними продолжалась борьба за политическое лидерство. Так, в 1406 г., предварительно заручившись поддержкой Великого князя Тверского Ивана Михайловича, Василий I решил атаковать Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных. В Тверской летописи эти намерения обосновывались религиозными доводами: «Витовт идет с немцами и ляхами, ведя их с собою на христиан в землю нашу; хотя бы ты, брат, послал помощь христианам». Весьма показательно, что «тогда же татары пришли к Плаве в помощь Руси против Литвы».

Мир был подписан бескровно, однако набеги на том не прекратились. В 1408 г. Литва «глубоко вступила в земли Московские, и волости захватила, и села пограбила, и пленных много увела». Но, изгнав литовцев, Василий вновь «пришел в землю Витовтову», где стороны сошлись у реки Угры и, «постояв немного, заключили перемирие».

В целом, несмотря на значительную уступку земель на югозападе Великому княжеству Литовскому значение Москвы усиливалось. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что направленный после кончины партиарха Киевского Киприана «из Царьграда на Русь преосвященный Фотий на свою митрополию в Киев» на Пасху 1410 г. «пришел в Москву», где отслужил «службу в соборе Пресвятой Богородицы» [1].

Назначение Фотия митрополитом Киевским и всея Руси шло вразрез с намерениями Витовта создать подвластную ему православную митрополию, независимую от московской. В этой связи он, «умышливъши ему по своему хотению, собрав епископи руския, иже во области его живущи, постави Киеву митрополита Григория болъгарани Цамивлика» [2].

Речь идет о рукоположении в митрополиты Григория Цамблака собором западнорусских епископов в 1416 г., предпринятом Витовтом без санкции Константинопольского партиарха.

Синопсис Киевский описывает это событие так, что Витовт, «имея княжество Киевское под своей властью, велел среди движении выбрать митрополита для святой Софии» по причине нахождения стольной церкви «без хозяина», ввиду чего «господствуют» там митрополиты из Москвы, «дани берут, и в Московское государство возят». В итоге с «того времени начали быть два митрополита в Руси — один в Киеве, а второй — в Москве» [3].

В ответ на создание независимой от Москвы Киевской (Литовской) митрополии Фотий призвал православных не общаться с Γ . Цамблаком .

Есть сведения, что Г. Цамблак, который после осады Киева монгольским ханом Едигеем перенес кафедру в Вильно, на XVI Вселенском соборе католиков в Констанце 1418 г. призвал к заключению унии между православной и католической церквами на специально созванном соборе представителей обоих вероисповеданий. Однако собор, обсуждавший иные вопросы, не рассмотрел эту идею [4]. Весьма примечательно, что на соборе Григорий отказался поменять православную веру и не признал Папу Римского.

Согласно ряду источников, последние годы жизни Γ . Цамблак провел в Нямецком монастыре в Молдове, став одним из его первых игуменов [5].

Оставшаяся без главы Литовская митрополия в 1420 г. была упразднена, основной причиной чего зачастую называют обострение взаимоотношений между Великим княжеством Литовским и Польшей. Тем самым вопрос об отдельной митрополии потерял остроту, и Витовт признал церковную власть Фотия над православными епархиями Литвы. Последний оказался во главе единой Русской церкви.

Римско-византийская уния и Русь

Со смертью Фотия в 1431 г. Константинопольский патриарх Иосиф рукоположил на Киевскую митрополию игумена монастыря святого Димитрия Солунского в Константинополе грека Исидора. Кандидатура Москвы на эту «должность» епископа Рязанского и Муромского Ионы – не прошла, и в 1437 г. «прииха изо Цесаряграда на Москву от патриарха Иосифа митрополит Сидоръ Гричинъ на митрополию» [6], будучи принят великим князем Московским Василием II Темным с высокими почестями. Они нашли общий язык, вплоть до одобрения князем участия митрополита Феррарона Флорентийском соборе 79, на котором предполагалось обсуждение перспектив единства (унии) католической и православной церквей.

Эту идею активно отстаивал византийский император Иоанн VIII Палеолог, пытавшийся заручиться поддержкой Европы с целью противостояния надвигавшимся на Византию османам. Организовал же проведение собора папа Евгений IV. Участники собора в 1439 г. подписали унию об объединении Западной (католической) и Восточной (православной) церквей на условиях признания православной церковью латинской догматики и главенства Папы Римского при сохранении православных обрядов. По словам очевидца, неизвестного суздальца, «после чтения грамот папа благословил народ; и затем папские диаконы начали петь хвалу папе, а потом диаконы императора — хвалу императору. И затем начал петь весь собор латинский и весь народ, и радовались они, потому что приняли прощение от греков» [7].

Константинопольская церковь признала власть Папы Римского за исключением святителя Марка Эфесского, который в письме к патриарху Митрофану настаивал на необходимости борьбы за то, чтобы «до последнего издыхания» исповедовать «залог святых Отцев – Православие!» [8].

Подписал Флорентийскую унию и митрополит Киевский и всея Руси Исидор, зарекомендовавший себя во Флоренции, по

⁷⁹ Ферраро-Флорентййский собор – собор христианских церквей. В 1438–1439 гг. проходил в Ферраре, в 1439–1442 – во Флоренции, в 1443–1445 – в Риме. В Католической церкви считается XVII Вселенским собором. – прим. ред.

словам греческого историка Дуки, «одним из выдающихся отцов» [9].

Активность Исидора на соборе была настолько высока, что он был возведен в ранг папского кардинала-легата с подчинением ему не только Киевской митрополии, но и распространением его влияния на находившиеся под властью монгол княжества Восточной Руси. Исидор, остановившись в Польше и Литве, возвратился на Русь в 1441 г., «и нача поминати папу римьскаго въ службЪ, и иныя вещи новыя, их же николиже слышахомъ от крещениа Рускыя земля; а повелЪ в лячкых божницах рускымъ попом свою службу служити, а в рускых церквахъ капланомъ, Литва же и Русь за то не изымашася» [6]. В этой связи Исидор разъяснял, что «на соборе с папой римским веру соединили, нам служить в их церквах, а им в наших христианских». При этом на обедне он поминал «кесаря⁸⁰ впереди великого князя, также и папу впереди нашего патриарха царьградского» [1].

Однако отвергший Флорентийскую унию Собор Русской церкви осудил Исидора, и он оказался низложен Василием II. Великий князь изгнал «врага церковьнаго сеятеля плевелом злочестия Исидора тмокровнаго, латыньския ереси исполнего», называя его, со слов принимавшего участие во Флорентийском соборе иеромонаха Симеона Суздальского, «латыньскым ересным прелестником» [10].

Тем самым Москва исторически оказалась единственным островком в мировом пространстве, оставшимся действительно православным. Вместе с тем отметим, что немногим позже собор, состоявшийся в Иерусалиме в 1443 г., в присутствии Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского патриархов заявил о полном неприятии и осуждении Флорентийской унии, а также всех ее принявших. Исидор же бежал из заточения в Тверь, вскоре оказавшись в Литве, а затем в Риме. Согласно ряду источников, побег был осуществлен по негласному добру Василия II «во избежание ссоры с константинопольским патриархом» [11].

В 1448 г. Московский Поместный собор поставил на Русскую митрополию Рязанского епископа Иону без согласования с

_

 $^{^{80}}$ Византийский император. — прим. авт.

Константинополем. Однако предварительно Москва заручилась устным согласием на это со стороны князя Александра Киевского, а также Великого князя Литовского Казимира, к тому времени ставшего еще и королем Польши Казимиром IV Ягеллоном. Тем самым де-факто Русская церковь стала автокефальной, пусть и в условиях отсутствия официального признания Константинополем. К тому же избирали Иону лишь архиереи Северо-Восточной Руси. Таким образом, в данном случае главенствовала позиция Москвы, поэтому сохранение единства Русской Церкви оказалось под вопросом.

Литва, Москва, Великий Новгород

Еще в 1435 г. между московским князем Василием II и Новгородом был подписан договор о мире, подчеркивавший: «Низу ти, княже, новьгородца не судити, ни дани раздавати, ни приставовъ не всылати въ всю Ноугородскую волость». Договор утверждался взаимным крестным целованием: московского князя «къ всему Великому Новугороду по любви и въ правду», а посадниками, тысяцкими и всем Великим Новгородом к Василию II, «всеи Руси, по любви, в правду, безъ хитрости» [12].

Василий II уступил новгородцам часть спорных земель, обязуясь послать доверенных лиц для их размежевания, но, выдержав паузу, с 1440 г. начал походы против Новгородской республики. Силы сторон были явно неравны, и в 1448 г. Новгород согласился на выплату Москве тяжелейшей подати, именуемой «черный бор» — «от всЪхъ старыхъ тысяцкихъ, и от бояръ, и от житьихъ людеи, и от купцовъ, и от черныхъ людеи, и от всего Великого Новагорода» [13].

Спустя год, в 1449 г., Василий II заключил мирный договор — так называемый Вечный мир — с Казимиром IV. Стороны, обязавшись «жыти намъ с нимъ в любви», фактически поделили между Москвой и Литвой русские земли. В сфере влияния Великого княжества Литовского оставалось Тверское княжество, за Литвой закреплялись Смоленск, Любутск, Мценск и ряд других территорий. Однако Москва добилась важнейшего для нее отказа Великого княжества Литовского от претензий на Новгород и Псков, записав в договоре, что «коли мне, великомь

кнгазю Васил(ь)ю, новгородцы и псковичы зъгрубгать, а Ь'схочу их показнити, и тобе, королю Казимиру, за них не въступатисе». Правда, определенная связь с этими областями у Литвы сохранялась. Тонкость здесь в том, что за Великим княжеством Литовским закреплялись Пусторжевская, Луцкая земли, Холмский и Березовский погосты и некоторые иные области, длительно время выплачивавшие дань как Литве, так и Новгородской земле. Договор же гласил, что «волости или оброки потгагнули Новгородские к Литве зъдавна, и мне, кн(а)зю Василью великому, в то не въступатисе по давному».

С другой стороны, договор четко определил московсколитовскую границу в районе Ржева, установив запрет главе Польши и Литвы «въетупатисе в мою отчыну, ни во все мое великое кнгаженье, ни в мое братьи молодшое отчыну» [14].

Вполне естественно, что с заключением договоренностей Москва стремилась окончательно подчинить Новгород своему влиянию. Как следствие, в 1456 г. началась первая московсконовгородская война, окончившаяся подписанием Яжелбицкого договора, согласно которому знаменитое новгородское вече лишалось значения высшей судебной и законодательной инстанции – документ устанавливал недопустимость «отъимати» суда «имъ у князя у великого намъстниковъ в Новъгородъ», а «въчнымъ граматамъ не быти». Земли «ростовскіе и бълозерскіе, что покупили наши новогородци», возвращались князю Московскому, а в отношении присягнувших Василию ІІ жителей Новгорода вменялось в обязанность «нелюбіа не держати, ни мщатися никоторою хитростью» [15].

Новгородцы также выплатили Москве дань, к которой была приложена особая грамота с указанием, чтобы «полдевяты тысячи рублевь великому князю дошла чисто вся» [16].

Борьба внешних сил за Русь религиозными средствами

С падением православного Константинополя в 1453 г. и переходом города под власть османов султан Мехмед II добавил к своему титулу еще один — кайсур (кайзер) ар-Рум, что в переводе с арабского означает «император Византии». Это не было случайностью: ему Константинополь виделся «великой

столицей и священным городом, благополучным местом, предназначенным для всеобщего покровительства и управления миром» [17].

Переход Константинополя под власть мусульман изменил геополитическую раскладку. Поскольку причиной падения мировой православной столицы на Руси считали измену греков православию в угоду латинянам, в Москве видели самого что ни на есть реального преемника Византии. Постепенно «русские книжники стали переносить на московского князя то представление о царе — главе православного христианства, которое раньше связывалось с именем византийского императора» [18].

Вполне очевидно, что такое развитие событий совершенно не входило в планы католической церкви. Как следствие, в 1458 г. Папа Римский Каликст III поставил во главе русских епархий Литвы Исидора, вскоре передав его ученику Григорию Болгарину управление Литовско-Русской церковью. Изгнанный из Константинополя за принятие Флорентийской унии патриарх Григорий IV Мамма посвятил в Риме Болгарина в сан митрополита Киевского с кафедрой в Вильне и с титулом «митрополита Киевского, Литовского и всея Руси», что было засвидельствовано официальной грамотой папы Пия II, преемника Каликста III.

Тем самым Русская церковь оказалась разделенной на две митрополии: Восточную (верхнюю) — Московскую, номинально возглавляемую Исидором, и Западно-русскую (нижнюю) — Киевскую, Литовскую, возглавляемую Григорием. В юрисдикции первой сохранились 9 епархий: Московско-Владимирская, Новгородская, Ростовская, Суздальская, Рязанская, Тверская, Сарайская, Коломенская и Пермская. Казимир IV согласился на выход литовских земель из-под влияния митрополита Ионы.

Литовская митрополия включила, помимо Киевской, 9 православных епархий на территории Литвы и Польши: Брянскую (Черниговскую), Смоленскую, Перемышльскую, Туровскую, Луцкую, Владимиро-Волынскую, Полоцкую, Холмскую и Галицкую. Казимир IV признал старшинство Григория Болгарина над православными в своей «епархии». Так

киево-литовские митрополиты стали преемниками киевских митрополитов, имевших до 1458 г. кафедру в Москве. А митрополит Иона оказался последним митрополитом всея Руси.

В свою очередь, московский Собор великорусских епископов 1459 г., пообещав не отступать от Московской кафедры, в воззвании к литовским епископам призвал не принимать митрополита от латинян. В целом, Москва уже не считала себя обязанной опираться в канонических вопросах на Константинопольский патриархат. Литовско-новоградские (киевские) митрополиты оставались верны патриаршему престолу. Весьма примечательно, что приставка «всея Руси» сохранилась за предстоятелями обеих кафедр.

В 1468 г. Казимир IV обратился к Папе Римскому Павлу II за разрешением основать в русских областях монастыри бернардинцев для приведения православных к униатству. Что касается Григория, в 1470 г. он вернулся в православие, «вновь» признав свое подчинение православному Константинополю, однако минуя Москву.

Дробление «русской митрополии» на две части несомненно устраивало османскую власть. И это вполне объяснимо: к чему соседство мусульманской империи мощной c православной единицей в лице Руси? Не приходится удивляться и активизации Рима в русском направлении: в условиях ослабления Константинопольского патриархата Москвы как православного центра ни в кой мере не могло быть приемлемым для папства. Уж слишком близко от Москвы православное население польско-литовского находилось государства, проживавшее в основном на землях, которые русские правители считали «своими».

Новгород между Великим Литовским и Московским княжествами

Укрепление Москвы отразилось и на обстановке в Великом Новгороде. В 1470 г. «новогородцькие бояре» обратились к Казимиру, «дабы за нимъ имъ жити и ему дань давати и прося у него собе князя». Он «дасть имъ князя Михаила Олелковичя Киевскаго». Тот «вьеха в Новгородъ, и приаша его Новогородци

с великою честью» [19]. Так в Новгороде в качестве «служилого князя», нанятого городом для его защиты, появился православный литовский князь Михаил Олелькович — в литовском понимании «наместник» — двоюродный брат Ивана III, с 1462 г. ставшего Великим князем Московским.

Правление Михаила Олельковича изначально оказалось проблематичным, поскольку его приход во «власть» практически совпал во времени со смертью архиепископа Ионы, ратовавшего за приглашение его на княжение. Дело в том, что в Новгороде всегда имела место внутриполитическая борьба между проказимировскими и промосковскими силами. В рассматриваемый период большая часть боярской аристократии во главе с представителями богатейшего рода Великого Новгорода – Борецкими, стояла за союз с Казимиром.

Поэтому со смертью Ионы взаимоотношения между партиями избрание соперничества из-за за архиепископа. Таковым, благодаря жребию, стал Феофил, что предполагало направление его в Москву для возведения в сан митрополитом Филиппом. Однако проказимировские бояре приняли решение о необходимости получения Феофилом одобрения митрополита Киевского Григория. Согласно источникам, «посадничьи дети Исаака Борецкого с матерью их Марфою и остальными иными изменниками» на вече являясь, кричали: «Не хотим за великого князя московского, и вотчиной зваться его не хотим! Вольные все мы люди – Великий Новгород, а московский князь великий многие обиды и неправды над нами чинит! А хотим за короля польского и великого князя литовского Казимира!» [20].

Как результат, в начале 1471 г., в условиях отсутствия у Новгорода полномочий на ведение самостоятельной внешней политики, проказимировская партия составила проект договора о союзе с Казимиром IV. Документ предоставлял ему право держать «своего намъстника на Городищъ от нашеи въры от греческои, от православнаго хрестьянства». Дворецкому «твоему жіті на Городіщъ на дворцъ», Великому Новгороду «у твоего намъстника суда не отъимати». Мало того, если «поидетъ князь великі московскіи» на Новгород, Казимиру, «нашему господину честному», вменялось в обязанность «всъсти на конь» и «со всею

съ своею радою літовскою противъ великого князя, и борониті» город [21].

К тому времени Польша довольно сильно укрепила свои внешнеполитические позиции, еще в 1466 г. заключив Второй Торуньский мир с Тевтонским орденом, признавшим себя вассалом Польши. Поляки получили Восточное Поморье с Гданьском, Хельминскую и Михайловскую земли с Торунем. Тем самым Польша не просто вернула исторические земли, но и получила выход к Балтике. Движение в новгородском направлении также сообразовывалось с этой политикой. Казимир практически стал обладателем верховной власти над Новгородом, обязавшись осуществлять охрану города от покушений московского князя.

Такой ход событий не мог радовать Михаила Олельковича, остававшегося лишь формальным хозяином края. Поэтому, получив известие о смерти своего брата Семена — киевского князя, принявшего престол не в наследство, а в пожизненное пользование, в 1471 г. он удалился из Новгорода, по пути разграбив Старую Руссу. По всей видимости, он надеялся стать во главе Киева, но в 1471 г. по повелению короля Казимира «князство Киевское в воеводство есть обернено», Киев — «в повЪт». Вместе с тем, король направил «Мартина Гаштолта, литвина, воеводою в КиевЪ» [22]. (М. Гаштольд, к слову, был братом жены Семена.)

Тем самым Киев оказался уездным городом при наместничестве католика-литовца. Как гласит Синопсис Киевский, с тех пор «преславное самодержавие Киевское – Бог так ради грехов человеческих ослабил – в такое унижение пришло, что из царства на княжество, а из княжества в воеводство перетворилося» [3].

Антиновгородская операция Ивана III и укрепление Москвы

Что касается союза новгородцев с Казимиром, Иван III вознамерился наказать «провинившихся» решением, принятым «общенародно» и обернутым в светско-религиозную оболочку. Он разослал приглашение участвовать на собрании «по всю братию свою и по все епископы земли своея и по князи и по бояре

свои и по воеводы и по вся воя своя». По определению Г. Вернадского, это собрание может рассматриваться как «национальная ассамблея церковных и государственных лидеров, аристократии и дворянства» [23].

Иван III поведал приглашенным «мысль свою» двинуть на Новгород «ратию», предварительно получив «благословение от митрополита и от всего освященного собора и начать вооружатися ити на них; такоже и братия его и вси князи его бояре и воеводы и вся вои его» [24].

В результате единогласной поддержки в 1471 г. Москвой была осуществлена антиновгородская операция. Промосковские источники обосновывают это тем, что Иван III, «уповая на Бога, вооружившись, пошел на них со всеми своими силами за их гордость и непокорность, не как на христиан, а как на язычников и отступников от православия». Это было сделано по причине отступления «в последние времена» новгородцев «от истинного богомерзкое православия латинство». В При подчеркивалось, что «лукавые новгородцы издавна привыкли к измене». У «Коростеня, и в Русе, и на Шелони» москвичи и их союзники «многих разбили, а иные в воде утонули», кого «взяли живыми в плен, тем самим меж собой приказали носы, и губы, и уши резать и отпускать их в Новгород». Число убитых оценивается в 12 тысяч. По итогам бойни всех «выступавших против него и не хотевших ему повиноваться жестоких отступников-новгородцев» Иван III привел «под полную свою власть», приобретя при этом «многое богатство» [25].

Наиболее влиятельных новгородских бояр, включая подписавшего договор с Казимиром IV Дмитрия Борецкого, казнили. У остальных бояр-«предателей» конфисковали собственность, переселив их вместе с семьями за пределы края. По договоренности Москвы с лояльными к ней новгородцами город обязывался выплатить дань в 16 тысяч рублей, сохраняя при этом традиционное государственное устройство — вечевой строй. Но Новгород лишался права проситься под власть Литвы. Московский князь также стал обладателем значительной части Лвинской земли.

Все это происходило при невмешательстве Казимира IV, что привело большинство историков к мнению о невыполнении

польским королем и Великим князем Литовским условий соглашения с новгородцами. Хотя известный советский и российский исследователь XIX— XX вв. Р. Скрынников считает, что быстрое наступление московских войск «помешало новгородцам завершить переговоры в Вильне», поэтому договор, возможно, «не был утвержден королем» и «Литва уклонилась от войны с Москвой» [26].

Однако нельзя исключать вероятность некоего сговора между Казимиром и Москвой о разделе сфер влияния — первому доставался Киев, второму — Новгород. Правда, тот же Р. Скрынников отмечает, что Казимир направил в Орду гонца с богатыми дарами, дабы подстрекнуть монголов к набегу на Русь. Но набег осуществился лишь спустя год. Следовательно, Казимир действительно мог не пойти на риск открытого столкновения с Иваном III, предпочтя «выйти из игры» вместе с оставшимися у него землями. Таким образом, могло быть реализовано неафишируемое разделение сфер влияния.

1. Тверская летопись

http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Tversk_let/frametext2.htm

- 2. Супрасльская летопись zbornyk.org.ua/psrl3235/lytov16.htm
- 3. Синопсис Киевский («Синопсис, или Краткое описание о начале русского народа»)

www.izbornyk.ru/synopsis/syn04.htm

- 4. Святлана Марозава. Р. Цамблак http://belchrist.narod.ru/pages/2_cark_lid/use/13-15/Camblak.htm
- 5. Румыния близкая и... далекая http://ru.pravoslavie.bg/?p=3295
- 6. Первая Новгородская летопись младшего извода http://litopys.org.ua/novglet/novg34.htm
- 7. Хождение на Флорентийский собор http://www.sedmitza.ru/text/443997.html
- 8. Свят. Марк Эфесский. Послание к Константинопольскому Патриарху http://pravlib.ru/mark_poslanie_k_patriarxu.htm
- 9. Дука. Византийская история

http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ducae/text1.phtml?id=12595

10. Симеон Суздальский. Сказание о составлении осмаго собора латыньскаго и о извержении Сидора прелестнаго и о поставлении в рустеи земли митрополитов

www.krotov.info/acts/15/2/8_sobor.htm

11. Школьная энциклопедия «Руссика». История России. 9—17 вв.

https://books.google.az/books?isbn=5948493229

12. Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире 1435 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty otn Novgoroda knjaz/1-20/19.htm

13. Грамота Великого Новгорода о предоставлении на год «черного бора» с Новоторжских волостей великому князю

Василию Васильевичу

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/21-40/21.htm

14. Докончание великого князя Василия Васильевича с королем польским и великим князем литовским Казимиром от 31 августа 1449 г. Цит. по: Бахрушин С. В. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.

http://sbiblio.com/biblio/archive/bahrushev_duh/09.aspx

- 15. Договорная грамота Великого Новгорода с великим князем Василием Васильевичем о мире в Яжелбицах 1456 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/21-40/23.htm
- 16. Грамота Великого Новгорода великому князю Василию Васильевичу об окончательной расплате по Яжелбицкому договору

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-1280/Gramoty_otn_Novgoroda_knjaz/21-40/24.htm

17. Канун-наме Мехмеда II Фатиха

 $http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XV/Mexmed_II/Kanun-name/text.htm$

 «Иоанн III Васильевич». Статья из «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» http://www.istorik.ru/library/persons/9/ivan3.htm

- 19. Летопись по Типографскому списку
- http://hbar.phys.msu.ru/gorm/chrons/tipograf.htm
- 20. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород

http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5065

- 21. Договорная грамота короля польского и великого князя литовского Казимира IV с Великим Новгородом 1470 г. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/1260-
- 1280/Gramoty otn Novgoroda knjaz/61-80/77.htm
- 22. Хроника Литовская и Жмойтская izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov06.htm
- 23. Вернадский Г. В. Россия в средние века http://gumilevica.kulichki.net/VGV/vgv422.htm#vgv422note34
- 24. Цит. по: Сборник очерков из истории государства и права Руси

http://www.allpravo.ru/library/doc313p/instrum2359/item2451.ht ml

- 25. О благочестивом и Богом утвержденном на одоление супоставов христолюбивом и великом князе Иване Васильевиче, государе и самодержце всея Росии и о пророчестве Михаила Клопского
- http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10174#
- 26. Скрынников Р. Г. У истоков самодержавия http://bibliograd.ru/base/history/skrynnikov_u_istokov_samoderz havija.html

ПРАВОСЛАВИЕ И ИСЛАМ – ИЗВЕЧНЫЕ ПРОТИВНИКИ?

В свете упомянутого выше факта перехода Константинополя под власть мусульман автор считает целесообразным совершить небольшое «лирическое» отступление.

Как известно, немало экспертов заявляют о якобы извечном противостоянии между православной ветвью христианства и исламом. В рамках нашего исследования мы не будем знакомить читателя с политической подоплекой такого мнения, а лишь совершим поверхностный экскурс в историю, свидетельствующую о совершенно иных взаимоотношениях между православием и исламом. Но перед этим мы коротко расскажем о судьбе римско-византийской унии, которая во многом предопределила их характер.

Судьба римско-византийской унии

В 1261 г. византийцы отвоевали Константинополь у латинян. Византийская империя была формально восстановлена. Однако в последующие два столетия, отведенных ей историей, Византия в основном была вынуждена бороться за выживание. Былого могущества, обеспеченного огромными территориями и ресурсами, у нее уже не было, а латиняне за полвека своего пребывания на византийском престоле довели империю до полного упадка. Поэтому единственным «боевым» оружием в руках императоров династии Палеологов, правивших в течение двух последних столетий формального существования империи, осталась дипломатия.

Геополитическая обстановка в Европе складывалась так, что одной из главных задач византийской дипломатии в тот период стал поиск унии с Римом. При императорах, ратовавших за унию, внутри империи нарастало противоборство двух партий — ее сторонников и противников; первые исходили из политической целесообразности, вторые — из богословских принципов. Поэтому все события и перипетии на униатском направлении политики империи в основном укладывались в одну схему:

Император ищет унии с Римом как средства сохранения Византии от внешних врагов. Папа приветствует его униатский порыв, но требует только ее безоговорочного осуществления. Император формально заключает унию, а далее приступает к ее осуществлению; он сам наверняка не верит в успех этого дела, но другого выхода у него нет. Папа сурово надзирает за осуществлением унии императором. Оппозиция, понятно, ведет против нее борьбу.

Если императора-униата сменял на троне противник унии, униатские страсти затихали, но с пришествием нового императора-«униата» схема повторялась вновь. Внешние угрозы для Византии тем временем нарастали и вместе с ними накалялись внутренние «окоуниатские» страсти.

Вступив на константинопольский трон, Михаил VIII Палеолог сразу же понял, что Запад готовится к реваншу за Латинскую империю, причем с подачи самого Папы Урбана IV. Император ответил на эту угрозу предложением об унии.

Первая уния между западной и восточной церквями состоялась на соборе, созванном в Лионе в 1274 г. папой Григорием X именно с этой целью. Далее процесс ее осуществления внутри Византии в целом пошел по вышеупомянутой схеме.

Тем временем в начале 1260-х гг. на авансцену истории средневековой Европы вышел монарх Карл Анжуйский, который, отвоевав (с санкции Папы) Южную Италию у династии Гогенштауфенов и воцарившись там, намеревался воздать новое геополитическое образование - Средиземноморскую империю, включавшую и территорию Византии. Папа «санкционировал» этот будущий захват Византии Карлом как крестовый поход. Тень латинского реванша реально нависла над нейтрализации противника Византией. Для задействовал все имевшиеся у него дипломатические средства во многих местах Европы.

Византия на этот раз была спасена благодаря восстанию сицилийцев против французов, которое случилось в 1282 г. и вошло в историю как «Сицилийская вечерня». Вплоть до сего дня исследователи не исключают версию о причастности к восстанию византийской дипломатии. После этого Карл

Анжуйский лишился Сицилии, а его геополитический план потерпел крах.

Тем временем подходил к концу XIII век — «золотой век» папства и последний век «крестоносного порыва», увлекавшего латинян на Восток. Так что угроза с Запада для Византии миновала. Неслучайно преемник Михаила VIII на византийском троне Андроник II уже в конце 1282 г. отрекся от унии.

Наступил XIV век, а с ним и новая угроза для Византии, но уже с востока, где набирало силу османское государство. В результате продвижения османов В течение этого последующего территория века Византии постепенно уменьшалась, превратившись в конце концов в географическую точку – город Константинополь с прилегающими к нему территориями.

После целого ряда военных успехов османов византийцы предприняли еще одну попытку унии: в 1369 г. к Папе в Италию отправился император Иоанн V Палеолог. Он принял католичество и подписал решение об объединении двух церквей под властью Папы. Но ни один греческий иерей при подписании не присутствовал. В итоге уния почти сразу же потерпела крах.

Хотя сын и наследник Иоанна V Мануил II оказался противником унии, за материальной помощью на Запад он всетаки отправился, но в 1402 г. вынужден был вернуться, получив известия о приближении султана с войском к Константинополю. Город был на тот раз спасен лишь благодаря тому, что на владения турок с востока напал тюркский полководец и завоеватель, эмир Тимур.

Своему сыну и наследнику Иоанну VIII Мануил II завещал продолжать переговоры о союзе с Западом, но стараться не связывать себя невыполнимыми обещаниями, наверняка имея в виду унию. Однако Иоанн VIII стал добиваться унии, ибо другого выхода у него не было. Вместе с тем он понимал, что сможет заставить своих подданных принять ее, лишь утвердив на соборе, по возможности вселенском.

Эта уния была заключена на упомянутом выше Ферраро-Флорентийском соборе (открылся 1438 г.). Однако рождалась она в тяжелейших муках: на «неуступчивых» членов византийской делегации оказывали давление как Папа, так и император.

Далее процесс ее осуществления пошел по упомянутой выше схеме. Вернувшаяся в Константинополь делегация была встречена враждебно, восточные патриархи и вовсе отказались ее признать. Сторонники униатства среди высшего духовенства, включая возведенного императором Константинопольского патриарха, рано или поздно были вынуждены «эмигрировать» в Рим. Сам император от унии не отрекся, но вряд ли был способен повлиять на события.

В 1449 г. на константинопольский престол вступил последний византийский император Константин XI. Принято считать, что он был далек от бурных, но бесплодных богословских прений. «Сам Константин никогда не осуждал унию; если, выступая за нее, можно повысить шансы на получение помощи Запада, то, естественно, его долгом было придерживаться этой линии» [1]. Константин отправил на Запад своих посланников, а сам занялся делами города.

В Рим Константин XI направил личное послание Папе Николаю V, а также письмо Папе от комитета противников унии, так называемого синаксиса, который предлагал собрать новый вселенский собор, но в уже Константинополе и с более солидным представительством восточной церкви. Однако Папа не пошел на отмену решения ФеррароФлорентийского собора. Синаксису не было послано никакого ответа, а императору было заявлено, что трудности с осуществлением унии в принципе разрешимы. Для этого императору следует лишь применить надлежащие меры: восстановить в правах патриарха 81; послать в Рим для переобучения греков, упорствующих в своем неприятии унии. Заключительная фраза папского послания представляла собой безоговорочном принятии унии, ультиматум наверняка расшатывал позиции императора Константина XI и усиливал влияние ее противников.

Предпринятый же Константином следующий политический шаг не только сократил поле для дальнейших маневров с унией, но фактически предрешил судьбу самой империи.

⁸¹ Патриарший престол фактически пустовал с 1451 г. после бегства на Запад патриарха-униата Григория III Маммаса. – прим. ред.

Воспользовавшись шаткой внутриполитической ситуацией в государстве османов, Константин направил султану Мехмеду II «дерзкое» послание с жалобой на неуплату ему (Константину) денег за содержание в Константинополе принца Орхана 82, возможного претендента на османский трон. В ответ султан строительству крепости Румели-Хисар приступил Константинополю берегу противоположном (формально принадлежавшем византийской столице), которое завершилось летом 1451 г. Для Константинополя это означало неизбежность будущей осады. Все посольства императора к фактически султану оказались тщетными, что объявление войны.

Теперь вопрос «быть или не быть» унии лично для императора был окончательно решен. Как только крепость Румели-Хиссар была сооружена, он направил послание Папе, обязавшись осуществить ее. В ответ на это Папа взялся помочь императору, но реально сделать для него ничего не смог⁸³.

Дальнейшие события показывают, что осуществления унии даже в это роковое для империи время пошел по той же схеме. В мае 1452 г. папским легатом к императору был послан Исидор, смещенный митрополит Киевский и всея Руси и новоназначенный кардинал римской который «почтительно был «ткнидп императором, знатью и народом. Для одобрения народом унии были назначены комитеты представителей городского населения и знати. Комитет городского населения выразил согласие с унией, а ее противники отказались в нем участвовать. Один из них, Геннадий Схоларий, который еще до прибытия Исидора обратился к народу с призывом не предавать веру отцов «в надежде на призрачную материальную помощь», вскоре и вовсе удалился в монастырь Пантократора, прибив к его воротам «гневное обращение, в котором еще раз предупреждал народ о преступном безумии отрекаться от истинной религии» [2].

_

⁸² Принц Орхан (Урхан) – один из родственников султана и возможный претендент на османский трон, которого Мехмед отослал от двора подальше, к христианам. – прим. ред.

⁸³ Исследователи называют причины, по которым западные правители оказались «глухи» к призывам и Папы, и самого императора, тем самым «бросив» Константинополь «на произвол судьбы», и их подробное рассмотрение выходит за рамки этой книги. – прим. авт.

Император не внял совету арестовать и судить лидеров оппозиции, объединившихся в синаксис, приняв последних во дворце.

Скорее всего, униатский процесс шел бы и дальше по накатанной схеме к своему краху, если бы османы в начале апреля 1453 г. не приступили к осаде Константинополя. В конце мая изможденное осадой население двинулось к собору св. Софии, где во время службы даже ярые противники унии «братались» с ее недругами. Известно, что к молящимся присоединились министры и военачальники, а затем и сам император Константин XI. Из церкви император поехал во дворец, попрощался с близкими, отправился на защиту городских стен и больше его живым никто не видел... Можно сказать, что уния состоялась (пусть неформально и на сутки), но 29 мая 1453 года она канула в небытие вместе с некогда великой империей.

Новые краски мировой религиозной палитры

Как мы уже видели, одним из ярых противников римсковизантийской унии был византийский государственный деятель Геннадий Схоларий. По словам современника тех событий, греческого историка Дуки, Геннадий Схоларий «не переставал каждый день поучать и писать против униатов», а «помощником и сообщником имел он из царского совета первого советника, великого дуку⁸⁴, — того самого, который, когда ромеи увидели бесчисленное турецкое войско, осмелился сказать против латинян, а скорее — против города: «Лучше видеть царствующей среди города турецкую чалму, чем латинскую тиару»» [3].

После перехода Константинополя в 1453 г. под власть османов именно антиуниатские настроения Геннадия Схолария стали самой вероятной причиной согласия султана Мехмеда II на назначение его главой православной церкви, то есть Константинопольским патриархом. Возможно, Геннадий Схоларий считал, что православная церковь и христианское

-

⁸⁴ Имеется в виду Лука Нотарас, последний великий дука Византийской империи. Великий дука (мегадука) – одна из самых высоких должностей в Византийской империи (главнокомандующий флотом). Лука Нотарас был противником унии с Римом. – прим. ред.

население бывшей Византии достигнут большего при мусульманском правлении, нежели в «объятиях» западной католической церкви.

Мехмед II возложил на патриарха не только духовную власть над паствой, но и административно-судебную. В целом, правитель, характеризуемый византийским османский историографом Критовулом как единственный «из императоров или в числе немногих», соединивших «поступки и слова, любовь к мудрости и императорскую власть» [4], изначально проявил глубокомыслие в своем отношении к православию. Согласно источникам того времени, в управлении православной церковью после османского завоевания Константинополя Схоларий обладал влиянием и властью, свойственными для патриархов эпохи византийских императоров, соблюдением при c вхождении в ранг предусмотренных почестей.

Судя по всему, такое отношение османов отражало не только их стремление показать толерантность мусульман к зиммиям — иноверцам из числа «людей Писания», оказавшимся под властью исламского государства, — которую мировая история уже видела в период Арабского халифата.

Цель такого отношения гораздо лучше просматривается сквозь призму конфронтации православия и католицизма, которая грозила окончательным расколом христианского мира. Кроме того, сохраняя за православием все его полномочия, да к тому же на территории той же Византии – пусть и с приставкой «экс», – османы хотя бы на первое время обезопасили завоеванный ими христианский религиозный центр от попыток православных к восстановлению их «законных» прав. Османские правители прекрасно понимали, что если они разрушат православие изнутри или изгонят церковь за пределы своей империи, то непременно столкнутся с проблемой очередных «крестовых походов», а если сохранят православие, их империю будут воспринимать извне не просто как один из основных геополитических центров мира, но и как оплот планетарного православия. И недаром они сохранили одну из важнейших византийских традиций – инвеституру правителем Вселенского патриарха: султан, подобно православному императору, вручал новому патриарху символ патриаршей власти – посох.

Так что в случае очередных «поползновений» католического Запада на православие их инициаторам пришлось бы воевать с самим султаном.

Следовательно, патронаж османов над православием был четко выверенным шагом. К тому же центральная роль Константинополя позволяла завоевателям контролировать и происходящее на других православных территориях, в частности на Руси, поскольку «назначения» митрополитов на местные кафедры, при всех попытках проводить независимую политику на местах, совершались с участием Константинополя. Поэтому православие оказалось в стадии расцвета в период Османской империи точно так же, как в свое время при Арабском халифате беспрепятственно развивался иудаизм. А потому приведенная выше знаменитая фраза о преимуществе для православных мусульманской чалмы над католической тиарой имела под собой более чем реальное обоснование.

Каллист Уэр, бывший епископ Диоклийского, викарий архиепископа Фиатирского и Великобританского, в 2007 г. возведенный митрополита Константинопольского В сан патриархата, отмечая, что Константинополь – «богохранимый град пал, и греки оказались под владычеством неверных», неслучайно признает, что «то был нелегкий переход, но его облегчили сами турки», обращавшиеся «со своими подданнымихристианами подчеркнуто великодушно. Мусульмане в XV в. проявляли гораздо большую терпимость к христианам, чем западные христиане друг к другу в эпоху Реформации и в XVII в.» Накануне падения города греки называли завоевателя Мехмеда II «предтечей Антихриста и вторым Синнахерибом, но на практике правление султана оказалось совсем иным» [5].

Себе же, напомним, султан Мехмед II добавил титул «кайсур (кайзер) ар-Рум» – Цезарь Рима. Второго, конечно же. То бишь император Византии. Как же иначе, если он считал Константинополь «великой столицей и священным городом, благополучным местом, предназначенным для всеобщего покровительства и управления миром»? [6].

Католический центр не в восторге

Естественно, поддержка султаном православия как геостратегической силы, противостоящей католической Европе, подвигла Рим на антиосманские действия. Созвав собрание европейских правителей в Мантуе в 1459 г., Папа Римский Пий II попытался призвать их к созданию антиосманской лиги, но папский призыв не нашел поддержки. Дальнейший патронаж султаном православия заставил Папу изменить позицию. В 1461 г. в письме к Мехмеду Пий II сообщил о возможности признания его наследником Византийской империи с одновременной коронацией и заключением союза. Условием было названо принятие им христианства, но на основе объединения положений обеих религий – христианства и ислама. В этой связи Папа, грамотно оговорив расхождения между христианством и исламом в вопросах о божественной природе, отметил наличие в обеих религиях единой теологической основы: веры в единого Бога, будущий мир и бессмертие души.

Возможно, кто-то мог счесть такой шаг следствием гуманистических устремлений Папы. Но, по-видимому, сам он вряд ли верил в успешность предприятия. Главной целью подобного предложения при всей его заведомой бесперспективности наверняка было содействие достижению османо-католического геополитического взаимопонимания.

Но поскольку действия в данном направлении не принесли ни малейшего успеха, Папа вплотную занялся организацией нового крестового похода, в особенности в 1463 г. В связи с этим вспоминаются слова известного итальянского мыслителя XV—XVI вв. Никколо Макиавелли о том, что в течение своего понтификата папа Пий II только то и делал, что «разрабатывал проект всеобщей коалиции против турок» [7]. Но этой идее довелось остаться невоплощенной. К тому же в 1464 г. Папа скончался.

Таким образом, пусть даже в геополитических целях, но по факту с переходом Константинополя под контроль османов мусульманские правители практически сразу же нашли общий язык с православием. Правда, впоследствии русско-турецкие войны преподносились Петербургом как имеющие религиозно-идеологическую основу, но это вполне объяснимо, поскольку Россия определила себя политико-конфессиональной

правопреемницей Византии. Однако история однозначно свидетельствует о прекрасном взаимопонимании ислама и православия.

Теперь же, после краткого экскурса в историю католикоправославных взаимоотношений последней трети XV века давайте вновь вернемся к личности Ивана III.

1. Норвич Д. История Византии. Глава 29 «Падение (1448—1453)»

https://new.vk.com/doc17265535_336285152?hash=24f3f83190a c0728a4&dl=baf8fb4c2625679012

2. См. подробнее: Рансимен С. Падение Константинополя в 1453 году. Глава IV «Цена помощи Запада» http://royallib.com/read/ransimen_stiven/padenie_konstantinopol

3. Дука. Византийская история

ya v 1453 godu.html#336069

http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ducae/text1.phtml?id=12595

- 4. Михаил Эрмодор Критовул. Письмо Мехмеду II http://myriobiblion.byzantion.ru/epistolai/krit.html
- 5. Каллист Уэр. Православная церковь http://reformed.org.ua/index.php?wl=2&id_mat=209&part=5
- 6. Канун-наме Мехмеда II Фатиха http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XV/Mexmed_II/ Kanunname/text.htm
- 7. Маккиавелли Н. История Флоренции vashaktiv.ru/texts/m/makkiavelli_istoria_7.php

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ПОСТЕПЕННОГО ПРЕВРАЩЕНИЯ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА В ЦАРСТВО

Второе бракосочетание Ивана III: православие или уния?

Выдающийся русский писатель Ф. Достоевский написал, что с переходом Константинополя в 1453 г. под власть османов христианский Восток «невольно и вдруг» обратил «свой молящий взгляд на далекую Россию». Последняя «не колеблясь, приняла знамя Востока», поставив «царьградского двуглавого орла выше своего древнего герба», тем самым приняв «обязательство перед всем православием: хранить его и все народы, его исповедующие, от конечной гибели». С тех пор главное «наименованье» царя народ «поставил и до сих пор видит» в слове «православный» — «царь православный». В этом определении — и назначение правителя как «охранителя, единителя, а когда прогремит веление божие, — и освободителя православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества» [1].

В унисон вышесказанному немало исследователей подчеркивают, что уже с XV в. притязавшие на царский титул московские князья считались преемниками византийских императоров. Первым шагом в этом направлении многие эксперты считают бракосочетание Ивана III с византийской царевной Софьей Палеолог (урожденная Зоя).

Согласно Летописному сборнику, именуемому Патриаршею или Никоновскою летописью, в период папства Павла II в 1469 г. к Ивану III, спустя два года после смерти его жены, «пріиде изъ Рима отъ гардинала Висаріона Грекъ, Юрій», сообщивший о пребывании в Риме дочери «деспота Аморійскаго Фомы Ветхословца» Софии, с которой мог бы соединиться узами брака московский князь [2/а].

Под «Висарионом греком» подразумевается Виссарион Никейский — когда-то ярый приверженец православия, а затем один из активнейших лоббистов унии между православной и католической церквами. За ее активное продвижение на Ферраро-Флорентийском соборе он и был возведен в кардиналы

Папой Евгением IV, а также получил сан латинского патриарха Константинополя.

Что касается Софии, речь шла о дочери правителя автономной византийской провинции Мореи Фомы Палеолога, племяннице старшего брата последнего византийского императора Константина XI Палеолога, погибшего во время осады османами Константинополя. Таким образом, Фома являлся законным наследником византийского престола. С падением столицы Византии он бежал вместе с семьей на Корфу и, оказавшись с 1461 г. в Риме, был принят там с особыми почестями.

Летопись отмечает, что София — «православнаа христіанка», причем взять ее в жены намеревались «король франчюжскый» и ряд других высокопоставленных претендентов, но «она не хочеть въ латынство». А вот узнав, что Иван III и «вся земля его» в «православной вере христіанской», София обрадовалась возможности «возхоте за него» [2/а].

Переговоры о бракосочетании успешно завершились в 1472 г., когда в Рим просить руки византийской царевны направились посланники Ивана III во главе с Иваном Фрязиным. «Московская повесть о походе Ивана III на Новгород» называет последнего «денежник» московский «Иван Фрязин Волпъ» [3], что не случайно, ибо хозяином данных имени и фамилии был не кто иной, как выходец из итальянского города Виченца Джан Батиста делла Вольпе. Именно он и возглавил делегацию Ивана III «к папе Павлу и к тому гардиналу Висариону и царевну видети».

В связи с происходящим многие исследователи увидели в лице Ивана III первого русского правителя, официально устремившего свой взор на Константинопольский православный престол на вполне «законном» основании.

Однако в этих событиях есть одна немаловажная деталь. Согласно ряду источников, Фома Палеолог перед смертью принял католичество [4]. Следовательно, нельзя исключать приобщения к этой ветви христианства и Софии, тем более что опекой царевны в Риме после смерти ее родителей занимался все тот же Виссарион Никейский. Поэтому вполне вероятно, что идеологи «римско-русского» династического брака важнейшей его составляющей определяли если не явно католический аспект,

то униатскую линию, направленную на политико-конфессиональное сближение Рима с Москвой.

При таком развитии ситуации добро Папы Сикста IV 85 на бракосочетание Ивана III и Софии не выглядит чем-то неординарным.

Авторитетный русский византинист XIX-XX вв., автор трехтомной «Истории Византийской империи» Федор Успенский приводит отрывок из «Римского дневника от 1472 до 1484 года» Жака Волатеррана, согласно которому собравшиеся (в связи прибытием в Рим из Москвы делегации сватать Софию) «на совет кардиналы» не просто одобрили брак, но и дали разрешение на проведение церемонии обручения торжественной обстановке. Оно обусловливалось тем, что «русские приняли акты Флорентийского собора и имели архиепископа латинского, назначенного от римского престола, греки получают своих епископов как константинопольского патриарха». В «Дневнике» упомянуты просьба представителей московской делегации «назначить к ним посла, который бы, осведомившись об их вере и изучив положение дел, исправил что окажется ошибочным», а также заявление гостей о послушании «Римской церкви».

В свою очередь, Папа Сикст IV, получивший в подарок «шубу и 70 соболей», высказал похвалу Ивану III за «принятие постановлений Флорентийского собора», недопущение «подчинения по делам веры Константинопольскому патриарху, назначаемому султаном», и «предложение сочетаться браком с христианкой, воспитанной при апостольском престоле». Как подчеркивается в «Дневнике», особое удовольствие Сикст IV выразил «по поводу изъявления почтения римскому первосвященнику, что у русских равняется признанию полного послушания» [5]. Вслед за этим Папа «отпустиша» Софию «изъ Рима за великого князя» в сопровождении легата «Антоніа, а съ німи многіе Рімляне» [2/б].

Понятно, что каждая из сторон (Московское княжество и Папский Рим) попыталась продемонстрировать (посредством

_

 $^{^{85}}$ Занявшего Римский престол после смерти Папы Павла II. — прим. авт.

летописей или иных документов) проявленную инициативу о бракосочетании в выгодном для себя свете.

Согласно Никоновской летописи продвижение свиты с Софией через Юрьев (ныне Тарту), Псков, Новгород к Москве сопровождалось невероятным для тех мест зрелищем – несением латинского креста. Нести его «по всемъ землямъ ихъ и до Москвы» Папа Римский «почесть великую далъ» своему легату, епископу Антонию Бонумбре. Но когда Иван III сообщил об этом митрополиту Московскому и всея Руси Филиппу I, тот ответил, что «не мощно тому быти кое въ» Москву сей крест «внити», пригрозив, что в противном случае «другими враты изъ града» выйдет. Тут же направив к Антонию посла, Иван III передал ему, «чтобы не шолъ предъ нимъ крыжъ», повелев «скрыти» его [2/в]. Как отмечается в Независимом церковном летописном своде 80-х гг. XV в. 86, Иван III «приказал, у легата латинский крест отняв, в сани его положить» [6].

После того, как легат «сотвори волю князя», Филипп I «взъложылъ ризы» и «знаменалъ царевну крестомъ и прочихъ съ нею христіанъ», после чего венчал Ивана III с «православною царевною» Софией в церкви, поставленной возле строившегося собора [2/в]. Следовательно, Успенского Москве представление Софьи в летописи православной уже не противоречит внутренней логике происходящего, поскольку венчание произошло по православному обряду. Здесь стоит припомнить и казус, имевший место во время обряда обручения Софии в Риме. Когда потребовались кольца, Иван Фрязин заявил об их отсутствии у русской стороны, т. к. на Руси данный обычай отсутствует. На следующий день Папа высказал сожаление из-за того, что обряд совершен не вполне законно. Так казус имел место или сознательное упущение?

Судя по всему неприятие Иваном III факта несения латинского креста перед процессией, сопровождавшей Софию на Русь, сложно назвать спонтанным. В свете рассматриваемых

⁸⁶ Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. сохранился лишь в составе более позднего памятника – летописного свода 1518 г., лежащего в основе двух летописей XVI в. – Львовской и Софийской II (Второй) – прим. авт.

событий возникает вопрос: не играл ли этот брак роль некоего прикрытия для несколько иных, подлинных целей?

Византия для Руси – в обмен на изгнание османов?

что трехлетнее затишье Вполне очевидно, первоначальным предложением о помолвке Ивана III с Софией и венчанием как таковым могло быть обусловлено обсуждением сторонами каких-то политических договоренностей. Но в этом случае преподнесение брака московского правителя в качестве результата реализации православно-католической унии с участием Руси могло явиться значимым внешним фоном для решения геополитических задач. Иными словами, религия оказывалась вспомогательным звеном осуществлении В основных идей предполагаемого сотрудничества папского престола с Иваном III.

Возможно, этот нюанс сыграл немаловажную роль в молчаливой реакции Рима на демарш московской стороны по поводу наличия латинского креста перед Софией на пути к князю. Такое молчание свидетельствует об особой заинтересованности папства в теплых взаимоотношениях с Иваном III. А ежели это так, то вслед за «добром» Рима на бракосочетание князя должны были последовать новые «отступные» в пользу Москвы, чему есть опосредованные доказательства.

Так, Павел Пирлинг, русский историк, архивист, католический священник немецкого происхождения, известный исследователь истории дипломатических сношений между Москвой и Римом, изучая хранящиеся в западных архивах документы, обращает внимание на такой эпизод: Антон Джисларди, племянник Ивана Фрязина, принадлежащего к «благородной и состоятельной» венецианской фамилии, от имени своего дяди сообщил в Венецию о планах использовать хана Золотой орды против османов [7]. Для реализации этого замысла венецианцы избрали секретаря сената Джованни Тревизано.

О ведущихся переговорах Иван III узнал с появлением в Москве Софиевой свиты, внутри которой начались трения. Из

венецианских документов явствует, что информатором был папский легат Бонумбре, выходец из Генуи, в чем нет ничего сверхъестественного учитывая вечное геополитическое противостояние между Венецией и Генуей (включая сферу торговли в Византии). К тому времени Венецианская

Республика находилась в расцвете своего могущества. Венеция прекрасно помнила результаты своего активного участия в католическом завоевании православного Константинополя в ходе четвертого крестового похода 1204 г., в результате которого она получила контроль над третьей частью города и возможность избирать патриарха исключительно венецианским духовенством. В руках Венеции тогда сосредоточилась практически вся константинопольская торговля, конкуренцию в которой ей составила Генуя.

Борьба за экономическое первенство между этими городами продолжилась и с укреплением Золотой Орды, о чем говорилось в предыдущих главах, когда для владения теми или иными землями Крымского Черноморья стороны вынуждены были получать ханский ярлык: с конца первой трети XIII в. весь степной и предгорный Крым являлся владением Золотой Орды (Крымский улус). Поэтому поиск Венецией генуэзского следа в факте утечки к Ивану III информации о переговорах с Ордой неслучаен.

Как бы то ни было, будучи вне себя от действий венецианцев, Иван III готов был подвергнуть Тревизано смертной казни, предварительно приказав «посадить в тюрьму». Одновременно с этим он уведомил Венецию о своем недовольстве в связи с попыткой «через мою землю тайно» направить людей в Орду, «меня не предупредив». Вследствие чего венецианцы обратились к московскому князю с просьбой «прекратить вражду», а Тревизано «отпустить в Орду». Иван III внял обращению, «и дошел этот посол до Орды», хан которой, однако, «ничего не обещал и приказал татарам проводить посла к морю» [6].

Данная информация подтверждается и исследованиями П. Пирлинга. Из Венеции в конце 1473 г. сообщили, что переговоры с Ордой, ни в кой мере не имея антирусской направленности, велись исключительно ради отвлечения монгольских сил от Руси – чтобы с провоцировать Орду на войну против османов. Более

того, по словам венецианцев, захваченная мусульманами византийская территория в связи с исчезновением византийского императорского рода по мужской линии должна в итоге стать достоянием Ивана III (вследствие его нового брачного союза).

В целом, подробности по поводу перспективных территориальных приобретений Руси вряд ли появились лишь в связи с получением московским князем информации о сепаратных переговорах Венеции с ханом. Какие-то детали наверняка оговаривались и ранее. В подтверждение этой гипотезы можно привести опубликованные П. Пирлингом документы, согласно которым жители Виченцы якобы знали о том, что Папа Римский назначил приданым для Ивана III Морею — ту самую, деспотом которой являлся отец Софии, а также согласился признать власть московского князя над всей Византией, оказавшейся у османов, — в случае ее освобождения [7].

Таким образом, «римско-московский» брак по расчету в виде супружества Ивана III и Софьи предположительно мог преследовать значимые геополитические цели. Безусловно, Русь всегда входила в орбиту интересов католического Рима, но в данном случае, как уже было отмечено выше, вряд ли папство намеревалось посредством этого семейного союза в одночасье перевести Московское княжество в лоно католицизма.

Однако В планах Рима присутствовало однозначно осуществление некоего подобия выгодной для всех сторон унии под предлогом того, чтобы направить ее острие против османов. Укреплявший свои позиции Иван III вполне мог получить предложение, которое устремляло его на находившуюся в руках мусульман Византию и было закреплено перспективой стать выразителем ее интересов чуть ли не в качестве официального преемника Палеологов. Именно исходя из этого папство могло подвести под политический союз Рима и конфессиональную основу, которую составляла обязательная с его точки зрения униатская идеология. Но православная Россия в роли продолжательницы православной же Византии уж точно не являлась частью проекта зачинщиков династического брака.

Тем самым каждый рассчитывал получить свое. Рим, фактически считавший Византию собственной вотчиной, мечтал об изгнании оттуда «неверных». Хотя номинальное управление ею было, по всей вероятности, обещано Московии, вряд ли Рим позволил бы московским правителям распоряжаться ею при отсутствии контроля с его стороны. Тем не менее, Москва не могла не оценить всю выгоду от брачного союза, делавшего ее чуть ли не «официально-исторической» преемницей Византийской империи.

Но для воплощения в жизнь этого замысла необходимо было для начала организовать военный поход против османов. П. Пирлинг отмечал, что «решительный крестовый поход» стал «предметом непрестанных забот Виссариона».

Что касается венецианцев, то они вполне могли вести некую самостоятельную партию в рамках поддержки римскомосковских договоренностей, пытаясь использовать силу Орды. Но последняя, будучи к тому времени безвозвратно ослабшей, вряд ли была способна на успешную наступательную войну, тем более против явно набирающих силу османов.

Не последовало каких-либо антиосманских подвижек и со стороны Ивана III, что неудивительно. Первоочередной ему представлялась задача присоединения к княжеству близлежащих земель.

Через Новгород к царству

Скрепив брачные узы с Софией, Иван III тут же приступил к расширению территории Москвы одновременно с идеологическим «приближением» к Константинополю. Из присоединенных к Московскому княжеству земель наиболее значимой была, несомненно, новгородская — говоря словами П. Пирлинга, «гордая республика, которую государи московские поклялись погубить и которая противопоставляла им иногда мужество отчаяния».

К этому времени Москва настолько усилилась, что пришедшие в город в 1477 г. новгородские послы назвали Ивана III не «господином», а «государем», что явно означало полное подчинение князю.

Вместе с тем, для окончательного покорения новгородцев Иван III воспользовался убийством на вече ряда промосковских лиц, сторонников политики Москвы, которое он, возможно, сам и организовал. Так появился повод для решающего похода на Новгород, который был незамедлительно осуществлен под ультимативным лозунгом: «Государство все нам держати <...> волостем и селом быти как у нас в Низовой земле, а которые земли наши великих князей за вами, а то бы было наше». Более того, он заявил, что «вечу колоколу в отчине нашей не быти, посаднику не быти, а государство все нам держати» [8]. И этот замысел был осуществлен уже в начале 1478 г., когда состоялся вывоз из Новгорода вечевого колокола – символа независимой, вольной политики города, что означало ликвидацию принципов политического строя новгородской земли. Вече приказало долго жить. При этом Иван III «отья у Новогородского владыки половину волостей и сель и у всъхъ монастырей» [9], а на место посадников и тысяцких для управления городом заступили московские наместники.

Военные действия 1480 г. между ханом Большой Орды Ахматом и Иваном III в союзе с Крымским ханством, возникшие из-за отказа Москвы платить Орде ежегодную дань и имевшие кульминацией так называемое «стояние на реке Угре», привели к полной самостоятельности Московского княжества. Независимость государства благоприятствовала становлению Ивана III фактически в статусе самодержца.

Как писал К. Маркс, «осуществлению замыслов Ивана III и его предшественников» способствовали ханы Золотой Орды. Иван I Калита и Иван III «олицетворяют Московию, поднимавшуюся благодаря татарскому игу, и Московию, становившуюся независимой державой благодаря исчезновению татарского владычества» [10].

- 1. Достоевский Ф. М. Дневник писателя http://libereya.ru/biblus/dost/d1877_3.html
- 2. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью
- a/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161735#?page=127
- 6/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161735#?page=154

B/ http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161735#?page=158

3. Московская повесть о походе Ивана III Васильевича на Новгород

http://krotov.info/acts/15/3/1471_novgor.htm

4. 1465: Thomas Palaiologos Converted from Orthodoxy to Catholicism

http://history.info/on-this-day/1465-thomas-palaiologos-converted-fromorthodoxy-to-catholicism/19971/

5. Федор Успенский. Брак царя Ивана Васильевича с Софией Палеолог. Цит. по:

http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Vollateranus_Jacob/text1.pht ml?id=11408

- 6. Независимый летописный свод 80-х гг. XV в. http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5071
- 7. Пирлинг П. Россия и Восток. Царское бракосочетание в Ватикане, Иван III и София Палеолог

http://www.litres.ru/static/or3/view/or.html?art_type=4&file=123 4425&art=545185&user=16402133&cover=/static/bookimages/0 1/23/44/01234435.bin.dir/01234435.cover.jpg&uuid=83131f5a-15c0-11e0-8c7e-ec5afce481d9

8. Цит. по: Житие архиепископа Феофила Печерского, Новгородского

www.st-yurievo.ru/.../feofil pecherskiy/

- 9. Летопись по Типографскому списку http://hbar.phys.msu.ru/gorm/chrons/tipograf.htm
- 10. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века

http://rko.marsho.net/articl/marx.htm

НА ПУТИ К УТВЕРЖДЕНИЮ КОНЦЕПЦИИ «МОСКВА – ТРЕТИЙ РИМ»

Новые «еретики»

С конца 1470-х гг. в Новгороде возникла некая религиозная группа, чьи действия именовались «ересью жидовствующих». Поскольку в эти же годы осуществлялись антиновгородские действия Москвы, некоторые эксперты предполагают, что ее вдохновителями были противники Ивана III, в частности силы, лояльные Великому князю Литовскому и королю Польши Казимиру IV, геополитическому сопернику Московского княжества.

В подтверждение этой версии исследователи зачастую ссылаются на слова основателя Иосифо-Волоколамского монастыря, игумена Иосифа Волоцкого (Ивана Санина), поскольку иные, более конкретные сведения об этих событиях в летописях отсутствуют.

Согласно свидетельству игумена, еще в 1470 г. вместе с Михаилом Олельковичем в Новгород пришел «жид Схария», соблазнивший попа Дениса «в жидовство». Следующим «от непорочной и истинной христианской веры» отступил протопоп Алексей, после чего «прибыли из Литвы и другие жиды». Члены возникшего общества «возносили многие хулы и поношения на Божественную Церковь», надругаясь и запрещая поклоняться «божественным иконам и честному Кресту», в довершение всего многие из них «научились порицать Священное Писание».

Однако в 1480 г. Иван III «взял» в Москву первых новогородских «жидовствующих» священников, Алексея и Дениса, называемых Волоцким «первенцами сатаны». Первый стал «протопопом церкви Успения Пречистой Богородицы», а второй был определен в церковь «архангела Михаила». В Москве они «погубили многие души», и некоторые из них «отпали от Церкви и обрезались в жидовскую веру». «Главой и учителем еретиков» игумен называет архимандрита Московского Симонова монастыря Зосиму, чье «злодейство нечистой души» тогда «не было еще открыто» [1].

Признаем, что описанные выше события вызывают немало вопросов. Если Схария пришел в Новгород вместе с Михаилом Олельковичем, вряд ли он мог исповедовать религиозные взгляды, отличные от взглядов князя. А Михаил являлся православным, противником унии, продвигаемой Казимиром IV. Не вызывает сомнений и то, что Иван III не мог перевезти в Москву своих противников в лице Дениса и Алексея и тем паче предоставить им места для священнослужения в авторитетных церквах. Очевидно, Иван III никогда не позволил бы вражеским силам вольготно чувствовать себя на расстоянии вытянутой руки.

А ведь сторонники «жидовствующих» оказались в Москве, где среди знаковых фигур, поддержавших движение, фигурировала даже персона влиятельного придворного дьяка Федора Курицына. К слову, подобный ход событий дал советской историографии повод говорить о «новгородско-московской ереси».

Другое дело, что политическая борьба между группами, лояльными Ивану III и Казимиру IV, происходившая в тот период в Новгороде, могла привести к организации их сторонниками акций, направленных против соперников. Поэтому существенное место здесь занимала идеологическая подоплека, совершенно спокойно обрамляемая в религиозную оболочку. В этой связи неслучайно известный русский священник XX века, историк, видный деятель мирового экуменического движения Георгий Флоровский внимание на то, что возникновение «ереси жидовствующих» пришлось на то «самое время», когда «в Новгороде на владычнем дворе шла работа над библейским сводом». До этого, как известно, на Руси переводились на церковнославянский язык и переписывались лишь отдельные части Библии.

По словам Г. Флоровского, составление и обработка первого полного славянского библейского свода оказались «в латинских руках», и если общее руководство процессом формально принадлежало владычнему архидиакону Герасиму Поповке, то решающее влияние на его ход имел некий доминиканец Вениамин, прибывший из Кракова или Праги, — «презвитер, паче же мних обители святого Домника, именем Вениямин, родом

словенин, а верою латынянин». Исследователь убежден, что появление Вениамина в Новгороде в рассматриваемый период неслучайно [2]. Им был составлен сборник библейских книг, включавший Паралипомен, книгу Ездры и прочие, отсутствовавшие в русских переводах с греческого. Затем они были переведены с католической Вульгаты — латинской интерпретации Священного Писания и включены в подготавливаемый библейский свод [3].

В целом, работа над библейским кодексом осуществлялась при непосредственном содействии Новгородского архиепископа (с 1484 г.) Геннадия (Гонзова), который вместе с Иосифом Волоцким был одним из главных обличителей «еретиков», набросившись на них, по словам последнего, «словно лев на злодеев». Свой порыв Геннадий объяснял стремлением к сохранению православного христианства «непоколебимым от еретического нападения, от еретиков, мудрствующих поиудейски» [4].

На соборе 1490 г. «еретики» подверглись осуждению, фактически будучи обвинены в пропаганде иудаизма. Им вменялось в вину празднование Пасхи «по-июдейски», распространение смуты через постановку вопроса о том, «како можеть Богъ на землю сиити и отъ Дъвы родитися, яко человъкъ? но ни есть тако: яко пророкъ бъ подобенъ Моисъю, а не равенъ Богу и Отцу» [5].

Иными словами, «жидовствующие» были представлены как группа, отрицающая один из основных догматов православной церкви — концепцию Триединства (Троицы). В связи с этими событиями представляется закономерным осуществление именно во второй половине XV в. перевода труда известного христианского богослова VII–VIII вв., мыслителя и философа Иоанна Дамаскина «О ста ересях вкратце», в котором теолог, считающийся одним из отцов церкви, среди четырех «матерей и первообразов» всех ересей, от которых «произошли все остальные», называл «иудейство» [6].

Учитывая, что собор нанес удар по позициям «еретиков», стоит обратить внимание, что руководил им Зосима, который в том же 1490 г. «возведенъ бысть на дворъ митрополичь» [7], став митрополитом Московским и всея Руси. Этот факт явно не

стыкуется ни с попыткой Иосифа Волоцкого представить Зосиму идейным вождем «жидовствующих», ни с его утверждением, что митрополит якобы «повелел проклясть» еретиков, «притворяясь христианином».

За религиозными обвинениями – политика?

Будь в этой внешне видимой религиозной борьбе хоть какойлибо минимальный ущерб положению Ивана III, он наверняка бы тут же расправился с оппозицией. Тем более что в это время московский князь пытался укрепиться на международной арене.

В том же 1490 г. «посолъ пріиде отъ короля Римского Максимьяна» Юрий Делатор, он же Георг фон Турн, свидетельствуя «о любви и о дружбъ и о братствъ».

Речь идет о посольстве от короля Римского⁸⁷ Максимилиана I, прибывшем для переговоров о заключении соглашения с Иваном III. Тот, дав добро, вскоре направил в Германию посланников, чтобы «взяти съ нимъ любовь и докончанье» [7/а].

Договор в скором времени был скреплен, что вполне логично, поскольку возник он не вдруг. Дело в том, что в 1490 г. несколько европейских стран вступили в борьбу за вакантный венгерский престол. Среди претендентов находились, в частности, Максимилиан и сын короля Польши Казимира IV, Великий Литовский князь Владислав Ягеллон. В условиях назревавшего конфликта в Европе Иван III рассчитывал расправиться с Литвой, лишенной польской поддержки из-за втягивания Польши во внутриевропейские противоречия. Поэтому обе стороны оказались заинтересованы в заключении договора, который нес в себе явную антипольскую направленность.

Вместе с тем, с 1487 г. Москва и Литва находились в состоянии пограничной войны, и ситуация обострилась со смертью Казимира в 1492 г. В 1494 г. «забыв договоры и крестное целование, заключенные» с Казимиром IV, Иван III пошел войной на Литву, завоевав «немало городов и волостей» [8].

_

 $^{^{87}}$ Германский король, с 1508 г. – император Священной Римской империи. – прим. авт.

Благодаря успехам Москвы противоборствующие стороны заключили выгодный для нее договор о дружбе и взаимопомощи. Он подтвердил отказ Великого княжества Литовского от притязаний на Новгород и некоторые другие земли. Политическим трофеем Ивана III можно назвать согласие литовцев с самолично принятым им титулом «Государь всея Руси».

Необходимо отметить, что в XV веке существовало «три Руси», о которых подробно пишет в связи с вышеупомянутыми свершениями Ивана III российский исследователь С. Панасенко (Михалкин): 1) СевероВосточная Русь, состоявшая из множества княжеств, самым крупным и влиятельным из которых было Великое княжество Владимирское с центром в Москве, которое историки, основываясь на более позднем названии, ошибочно называют Русью; 2) собственно Русь, находившаяся под властью Литвы и по названию столицы называемая «Киевской Русью», наряду с которой в состав Литвы также входили Белая и Черная Русь; 3) Русское королевство или Галицко-Волынское княжество, именуемое в немецких источниках Галицией и Лодомерией, в латинских – Рутенией, то есть Русью, которое принадлежало Польше. Провозгласив себя господарем – великим князем всея Руси, Иван III фактически предъявил претензии на чужие владения [9].

Тем временем внешнеполитическая активность Ивана III не ослабляла его внутреннюю власть в государстве. Поэтому весьма сомнительным кажется мнение о том, что фактор «жидовствующих» имел на тот момент хоть сколько-то значимый антивластный оттенок, ослабляя тем самым Московское княжество.

Однако, будучи грамотным политиком, Иван III не мог не разглядеть за конфессиональными спорами скрытую политическую борьбу во властной верхушке. Это позволяет предположить, что «еретики» довольно вольготно чувствовали себя в Москве лишь потому, что за ними стояли весомые политические круги. По-видимому, покровителями «еретиков» в определенной степени являлись сторонники внука Ивана III Дмитрия, отпрыска его сына от первого брака, после смерти отца ставшего наследником Московского княжества. Их оппоненты, в

свою очередь, заручились поддержкой со стороны другого сына Ивана III, Василия, и его матери Софии Палеолог.

Но если окружение Ивана III разделилось по признаку поддержки той или иной стремящейся к власти партии, он сам явно стоял над всеми, с высоты своего могущества принимая решения, выгодные ему на определенном этапе. Так, в 1498 г. он дал добро на венчание Дмитрия на великое княжение, что вызвало вполне объяснимое недовольство Софии и Василия – которые оказались в опале после попытки антиивановского заговора — но лишь на время, поскольку коронация Дмитрия оказалась символической.

Согласно Псковской летописи, в 1499 г. правитель «пожаловалъ» Василия «Новымъгородомъ и Посковомъ», то есть посадил его там на княжение. И через него «поималъ» в Новгороде «вотчины церковные и роздалъ дътемъ боярскимъ въ помъстъе, монастырскіе и церковные, по благословенію Симона митрополита» [10]. Иными словами, посредством сына и заступившего на место Зосимы митрополита Симона он завершил окончательный этап секуляризации в Великом Новгороде. После же заточения Дмитрия и его матери под стражу в 1502 г. Василий был посажен на великое княжение Владимирское, Московское и всея Руси самодержцем, став соправителем Ивана III.

Происходило это одновременно с очередной войной с Литвой, завершившейся в 1503 г. заключением между государствами Благовещенского перемирия сроком на 6 лет, которое окончательно упрочило позиции Московского княжества. Иван III заполучил огромную территорию, охватывающую верховье Оки и Днепра с Черниговым, Гомелем и другими землями. Литва тем самым лишилась около трети своих владений.

После этого уже ничто и никто не мешал ему расправиться с одной из политических сил в государстве — под прикрытием акции против «жидовствующих». Церковный собор 1504 г. однозначно и бесповоротно осудил «еретиков», многие из которых подверглись сожжению.

Секуляризация

В то же время, по мнению ряда исследователей, один из проектов Ивана III остался незавершенным.

Как известно, с присоединением Новгорода Иван III изъял в свою пользу свыше половины земельных владений новгородских монастырей, постепенно лишая собственности почти все церкви. Точно так же он намеревался поступить и с московскими церковными владениями.

Весьма примечательно, что эти его меры имели значительную политическую подоплеку. Так, идеологическим секуляризации стала группа, возглавляемая Нилом Сорским, основателем на Руси так называемого «скитского жительства» – обителей. монашеских которые представляли находившиеся в отдалении от монастыря кельи или небольшие монастыри, что позволяло монахам придерживаться среднего пути между общежитием и отшельничеством. Из-за призывов членов группы против «стяжания» церковью земель и другого имущества они получили название «нестяжатели». Нередко Нила Сорского относят к числу «жидовствующих» именно в связи с тем, что они ратовали за отчуждение церковной собственности светскими властями. Крупнейший специалист в области истории древнерусской литературы В. Кусков считает очевидным одобрение «еретиками» принятых Иваном III мер отношению к новгородскому боярству и высшему духовенству» [11].

Кроме того, открытое и активное сопротивление этой политике Ивана III оказали ведомые архиепископом Геннадием борцы с «еретиками», выступившие против повторения в Москве тех антицерковных акций, которые были проведены Новгороде. Члены данной группы высказывались за сохранение крупных земельных наделов и собственности за монастырями. Фактически это означало попытку превращения церкви в самостоятельную влиятельную силу с ее последующим внедрением в систему политической власти. И, кроме того, эта попытка обосновывалась вескими идеологическими доводами. Например, упомянутый выше монах Вениамин утверждал о превосходстве духовной светской: власти над апостольскому учению паче подобаеть повиноватися богови, неже человеком, мирьстии бо властели человеци суть: тело

отняти могуть, души же ни». Более того, рассматривая аспект «святотатьства», он определил, что «по учителем убосвятым насилствовати или отняти вещи церковные и насилствуяй и отимаяй стяжаниа церковная нарчется святотатець» [12].

Судя по тону и деталям его формулировки легко догадаться, что речь в ней идет не иначе как об Иване III.

Бытует мнение, что внутриполитическая борьба отразилась на событиях собора 1503 г., где Геннадий и Иосиф Волоцкий решительно воспротивились планам Ивана III по упразднению монастырского землевладения. Однако соборного постановления на этот счет, в отличие от других обсуждавшихся на соборе вопросов, не обнаружено. Нет упоминаний о нем и в летописях. Поэтому следует признать, что к тому времени Иван III достиг такого могущества, которое позволяло ему при необходимости добиться любого выгодного для него решения. Следовательно, церковное имущество и обсуждалось на соборе, то, скорее всего, лишь в составе других вопросов, в частности вопроса «о ставленнических пошлинах».

К слову, довольно распространенным является мнение о том, что Геннадий Новгородский был лишен кафедры в 1504 г. как раз ввиду неисполнения им постановления собора о невзимании ставленнических пошлин. Правда, согласно Софийской второй летописи, «Генадеіі архієпископъ Великаго Новагорода и Пскова остави престолъ своїі за немощь», после чего «пребысть въ монастыри у Михаилова Чюда на Москвъ полтретья году, ту и преставися» [13].

Как бы то ни было, «жидовствующая ересь» потерпела поражение и в вопросе церковной собственности. Безусловно, исчезновение с политического поля «еретиков» расчищало путь для укрепления стабильности государства, в которой нуждался преемник Ивана III Василий. Наверняка отец намеревался передать сыну управление расширившимся Московским княжеством, свободным от всякого «разброда и шатаний». Поэтому заодно с религиозными деятелями были лишены жизни и политические фигуры из числа противников Василия и Софьи.

Что касается Геннадия, его след в истории сохранился в общепринятом названии первой полной славянской Библии на Руси – «Геннадиевская Библия», которая, по словам знаменитого

русского и украинского историка Н. Костомарова, несла на себе «сильный отпечаток влияния латинского текста» [14].

Москва и впрямь «Третий Рим»?

Вместе с тем, по мнению ряда исследователей, в период Ивана III проявились важные факторы в пользу отстаивания «прав» Руси на Византию в процессе формирования концепции «Москва – Третий Рим».

Под концепцией «Москва — Третий Рим» подразумевается идеологическое обоснование особого религиозно-политического значения Москвы (Руси) как преемницы Римской империи и ее исторической наследницы — Византии.

Одним из самых весомых научных мнений на этот счет отдельные эксперты называют точку зрения русского историка В. Иконникова, обнародованную им в начале последней трети XIX века.

Отмечая резкий контраст «в развитии научных понятий» между средневековыми Русью и Западной Европой, он обращает внимание на тот факт, что если на Западе «остатки древней образованности» послужили базисом развития культуры «новой Европы», а латинский язык, распространенный религией, «облегчил доступ к пониманию древней науки», Русь «не имела подобных условий». Тем не менее, по его словам, «получив религию из христианской Византии, при содействии греческого языка, она могла бы усвоить образованность древней Греции, во многом превосходившей римскую». Но «ограниченное влияние Византии и нераспространенность греческого языка» на Руси препятствовали «развитию научных знаний».

И если Европа, пусть и медленно, но верно шла к цели, «разрабатывая научный материал», в российском государстве почти до XVII в. «сумма знаний оставалась постоянно одна и та же». Поэтому по мере его выхода «из прежнего изолированного положения», и тем более с его вхождением в XVIII веке в «непосредственное отношение» к Западной Европе оно «естественно» должно было «подчиниться более сильной цивилизации — европейской». Эта подчиненность, по Иконникову, сохранилась до современного ему периода.

Вслед за данными выводами ученый подходит к историографии, которая, по его мнению, является неким показателем состояния «научных знаний вообще». Такое положение историографии «в особенности оправдывается» в государствах, «последовательно» переживающих «степени развития под влиянием более сильной цивилизации». В качестве примера В. Иконников приводит Россию: «Наши древние летописи, по своему общему характеру, представляют господствующее влияние византийских понятий».

Вместе с тем, на основе анализа значительных эпизодов истории России В. Иконников приходит к выводу, что теория преемственности Русью «значения Византийской империи», с переносом всех прорицаний «о величии Рима и Византии», возникла в Москве в последнее десятилетие XV в., после перехода Константинополя к османам. «Взывать к нравственному усовершенствованию русскаго общества (в религиозном смысле)» в тот период стали на основе убежденности, что исключительно «от русской державы зависит предотвратить катастрофу (кончину мира)».

В. Иконников отмечает, что начиная с XVI в. имели место попытки «придать царскому венчанию значение политического предания». Дальнейшее созревание такого рода представлений происходило в том же направлении вплоть до XVIII в., «когда им старались придать научное толкование, на основании современного развития политической науки» [15].

При этом немало экспертов полагают, что описанная В. Иконниковым теория «сложилась» вовсе не в период, приходящийся на рассматриваемые события, а значительно позже, когда мощнейшим геополитическим фактором стали русско-османские — в советской историографии русско-турецкие — войны. К примеру, российский историк Ф. Асадуллин ⁸⁸ убежден, что заключительная «редакция» исторических фактов в рассматриваемом контексте происходила в позднесредневековый период при окончательном торжестве мессианской идеи «Москва — Третий Рим» и «история Русского государства писалась под прямых наследников антично-

_

⁸⁸ Член Президиума Духовного Управления мусульман Центрально-Европейского региона России (ДУМЕР). – прим. авт.

византийской традиции – великих князей», начиная от Владимира Мономаха [16].

Как бы то ни было, вскоре эта теория приобрела довольно стройную конфигурацию. Непосредственно В. Иконников изначальным, базисным идеологическим акцентом в векторе формирования концепции «Москва – Третий Рим» называет выкладки псковского старца Филофея. Некоторые исследователи говорят о более ранних источниках, в частности обращают внимание на введение к «Изложению пасхалии» (1492 г.), написанному Зосимой в период возглавления им митрополичьей кафедры. Хотя, по большому счету, первым шагом в этом направлении можно счесть некоторые детали упомянутых выше переговоров 1490 г., когда представители московских Максимилиана I задали Ивану III вопрос: «Есть ли твоя воля дать своя дочка» за «Максиміана за короля?» В качестве ответа Московский князь велел передать послу Юрию Делатору, что он «дочерь свою за твоего государя хочеть дати», но ведь Иван III «греческого закона, а онъ римского», выказав наряду с этим желание услышать, готов ли Максимилиан предоставить «свою грамоту утверженую за своею печатью», чтобы княжна «была в греческом законе, и церковь бы у нее была греческая и священники и весь закон греческий неподвижно и до живота». Делатор обещал довести вопрос до короля, но разговор продолжен не был [17].

В данном случае важно не столько предложение о бракосочетании как таковое, сколько то, что Иван III позиционирует себя перед европейцами посредством дочери как истинно православный, чуждый каких-либо униатских склонностей. Кроме того, демонстрацией православного первенства Москвы можно было также отнять «православный козырь» у литовцев. Немало авторитетных князей из Великого княжества Литовского, преподнося себя истинной и основной православной силой, ратовали за первенство Литвы в объединении «всея Руси» — даже если и путем мирного «воссоединения» с Москвой, но определенно не при старшинстве послелней.

Возвращаясь в связи с концецией «Москва – Третий Рим» к Зосиме, отметим, что он говорил о прославлении Богом

«сродника» — крестителя Руси Владимира, «иже в православии просиавшего, благовернаго и христолюбивого» Ивана III, «государя и самодержца всея Руси, новаго царя Констянтина новому граду Констянтину — Москве и всей Русской земле и иным многим землям государя» [18].

Наречение правителя Руси «новым Константином», равно как и определение Москвы и земли Русской «новым градом Константина», по факту является попыткой провести политикодуховную связующую нить преемственности между православной Византией и Русью, представляя последнюю единственным истинно православным центром мира.

«Третий Рим» через призму повестей, сказаний и герба

следующего качестве довода ДЛЯ «обоснования» правопреемничества Руси Византию на чапте преподносится новгородская «Повесть о белом клобуке» сочинение о чудесном появлении на Руси монашеского убора, головного являющегося мистическим символом «Третьего Рима». В середине XIV века в истории Руси действительно имел место эпизод, когда Константинопольский патриарх прислал архиепископу Новгородскому и Псковскому Василию Калике кресчатые ризы и белый клобук. В «Повести о белом клобуке» это событие преподнесено так, как будто бы оно определило Руси особую конфессиональную ДЛЯ планетарного масштаба. В частности, в ней отражено предание о происхождении белого клобука от византийского императора Константина Мономаха, который вручил его Папе Римскому Сильвестру в качестве символа высшей церковной власти. Спустя несколько веков один из преемников Папы переслал клобук в Константинополь после того, как тот явился ему чудесным образом. Подобным же путем клобук посредством патриарха Филофея оказался в Новгороде.

В довершение всего в «Повести о белом клобуке» сказано, что после падения первого Рима и второго — Константинополя, только «на Руской земли, благодать Святаго Духа восия». Более того, «вся християньская царства приидуть в конець и снидутся во едино царство Руское, провославия ради». Далее в «Повести»

говорится о грядущей полной самостоятельности Русской церкви с установлением собственного патриаршества одновременно с обретением русскими государями царской власти над многими народами. Эта страна «наречется светлая Росия, Богу тако извольшу прославити тацеми благодарении Рускую землю и исполнити православия величество и честнейшу сотворити паче первых сих».

Однако, по мнению большинства исследователей, под правопреемницей «Римов» в «Повести о белом клобуке» подразумевалась не светская власть московского государя, а прежде всего Церковь. Как бы то ни было, своеобразие «Повести» заключается в грамотном преподнесении ее авторами идеи о главе русской церкви в лице новгородского епископа: если «изволением» Константина, под которым подразумевается византийский император Константин Мономах, «царьский венец дан бысть рускому царю: белыи же сей клобук изволением небеснаго царя Христа ныне дан будет архиепископу великаго Новаграда, и кольми сии честнее оного, понеже архангельскаго чина есть царьский венец, и духовнаго суть» [19].

Естественно, и на идеологическом поле Москва не могла оставить без внимания «вольности» Великого Новгорода, посему следом за «новгородским» клобуком рождается «Сказание о князьях Владимирских», датируемое большинством историков 1498 г. «Сказание» включает в себя цикл сочинений, посвященных происхождению великих князей Владимирских и Московских, в частности «Послание о Мономаховых дарах» Спиридона-Саввы. Этот самый Спиридон, монах Афонского монастыря, в 1475 г. был рукоположен Константинополем в сан митрополита Киевского и всея Руси. Однако Великий князь Литовский Казимир отказался признать данное решение на основании того, что оно, во-первых, было утверждено без участия литовской паствы, во-вторых, — принято еще при жизни действующего нареченного митрополита Киевского Мисаила.

Центральной темой «Сказания о князьях Владимирских» является происхождение великих князей от брата римского императора Августа по имени Прус, родственника Рюрика. Четвертое колено от него — просветивший «Русскую землю святым крещением» князь Владимир. На таком же расстоянии от

последнего — правнук Владимир Мономах, считавший, что он «Божьей милостью» наследовал «престол своих прародителей», являясь наследником «той же чести от Бога». Согласно «Сказанию», получил он царские регалии от византийского императора Константина Мономаха [20].

Эти идеологические тезисы на тему «особой» роли Руси составлялись на фоне принятия Иваном III родового герба византийских царей – двуглавого орла, олицетворявшего собой Римско-Византийскую империю, охватывающую Восток и Запад.

В 1497 г. он использовал византийский герб в качестве эмблемы государства, включив его изображение в собственную великокняжескую печать. Тогда же изображения позолоченного двуглавого орла на красном поле появились на стенах Грановитой палаты в Кремле.

Василий III, сменивший на московском троне Ивана III, в 1514 г., «по благословленью» митрополита Московского и всея Руси Варлаама, «велел» обновить «и красити икону владимерскую пречистый владычица нашея богородица». То был символический жест, так как речь шла об иконе Божией Матери, которую, о чем ранее говорилось, согласно летописи «написал святый апостол и евангелист Лука» [21].

Это была одна из двух икон, доставленных в 1131 г. в Киев из Константинополя патриархом Лукой Хризовергом в дар Юрию Долгорукому. Как мы уже говорили, в XII веке Андрей Боголюбский перенес ее из Вышгородского монастыря во Владимир, а в XIV в. Василий I – в Москву, что якобы помогло спасти город от разгрома Тимуром.

Тем самым Василий III продолжил политику идеологического «обоснования» сакральной связи Руси с Византией.

1. Игумен Иосиф Волоцкий. Сказание о новой ереси новгородских еретиков: Алексея протопопа, Дениса попа, Федора Курицына и других, то же исповедующих http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/History_Church/Article/s kaz_noveres.php

2. Протоиерей Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Часть І.История русского богословия. Его становление

http://lib.eparhia-saratov.ru/books/20f/florovsky/path1/7.html

3. Вениамин, монах-доминиканецh ttp://old_russian_writers.academic.ru/92/%D0%92%D0%B5%D 0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BD,_%D0 %BC%D0%B E%D0%BD%D0%B0%D1%85-%D0%B4%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D 0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%86

4. Послание Геннадия Иоасафу http://old-rus.narod.ru/06-6.html

5. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью

http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161735#?page=233

6. Дамаскин Иоанн. О ста ересях вкратце. Откуда они начались и от чего произошли

http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/sekta/Article/damask_o1 00eres.php

7. Львовская летопись, ч. 1 http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161973#?page=361

8. Хроника Быховца

http://krotov.info/acts/14/3/byhov_03.html#1500

9. Панасенко С. Появление двуглавого орла в России, Византии и Германии

http://goldowna.norod.gu/opus2.htm

http://goldarms.narod.ru/opus 2.htm

- 10. Новгородския и псковския летописи http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161763#?page=281
- 11. Кусков В. В. История древнерусской литературы http://society.polbu.ru/kuskov_lithistory/ch15_all.html
- 12. Вениамин. Собрание на лихоимцев http://pushkinskijdom.ru/Portals/3/PDF/TODRL/21_tom/Lurje/Lurje% 20-% 200139.pdf
- 13. Софийския летописи http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161801#?page=249
- 14. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom14.htm

- 15. Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории http://www.archive.perm.ru/PDF/lichn/subbotin/%D0%B4%D0 %BB%D1%8F%20%D0%A1%D0%90%D0%99%D0%A2%D0 %90/01655 %D0%98%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BD %D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%92.%20%D0 %9E%D0%BF%D1%8B%D1%82%20%D0%B8%D1%81%D1 %81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B 0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BE%20%D0%BA% D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D0% BD% D0% BE% D0% BC% 20% D0% B7% D0% BD% D0% B0% D1 %87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B8%20%D0%92%D0 %B8%D0%B7%D0%B0%D0%BD%D1%82%D0%B8%D0%B8 %20%D0%B2%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0% BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0% BE%D1%80%D0%B8%D0%B8 0.pdf
- 16. Асадуллин Ф. Глубокие корни родства http://religia.eduhmao.ru/info/5/4975/86552/
- 17. Приезд, в 1490 году, в Москву Юрия Делатора, посла Короля Римского Максимилиана, переговоры с ним и отправление обратно. Документ помещен в: «Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Том І. С 1488 по 1594»

http://www.runivers.ru/bookreader/book456344/#page/50/mode/1up

18. Цит. по: Гольдберг А. К предыстории идеи «Москва – Третий Рим»

http://www.krotov.info/history/16/1/1976goldberg.htm

- 19. Повесть о новгородском белом клобуке http://imwerden.de/cat/modules.php?name=books&pa=showbook &pid=1916
- 20. Сказание о князьях Владимирских http://www.portal-slovo.ru/history/39078.php
- 21. Постниковский летописец http://www.russiancity.ru/books/b59.htm

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НЮАНСАХ ЛЕГАЛИЗАЦИИ КОНСТАНТИНОПОЛЕМ ЦАРСКОГО ТИТУЛА ИВАНА IV

Император «Третьего Рима»: От идеологии к практике

В том же 1514 г., в грамоте об условиях союза с Москвой, доставленной Василию III посланниками Максимилиана I, добавившего в 1508 г. к своей германской короне титул императора Священной Римской империи, Василий был назван императором (Kauser): «Kauzer und Herscher alter Reussen». В полном варианте обращение звучало как «Великий государь Василий, Божиею милостию Царь и Господарь всея Руси» [1].

Итак, московского князя величал «императором» равный ему по титулу монарх, каковым в тот момент в Европе был лишь император Священной Римской империи, а это означало признание Василия III царем в международном масштабе. В свою очередь, «императорство» правителя Москвы сделало еще более реалистичной перспективу реализации «законных прав» Московии на Византию.

В этой связи обратим внимание на геополитическую подоплеку столь трогательного взаимопонимания между сторонами — которая кроется в надежде Максимилиана на поддержку Москвой его антипольских планов. Еще в первые годы XVI века он, соперничая с Польшей за влияние в Европе, запретил Тевтонскому ордену, бывшему в подчинении Священной Римской империи и Папе Римскому, но в вассальной зависимости от поляков, платить дань последним.

В 1512 г. Василий III начал очередную московско-литовскую войну. 1 августа 1514 г. московские войска взяли Смоленск, а три дня спустя Максимилиан направил посольство в Москву для заключения договора.

Согласно этому договору, стороны подтверждали обязательство о совместных действиях против Польши и Литвы с одновременным признанием Максимилианом права Москвы на Киев и ряд других земель, а Василием III — права Тевтонского ордена на территории, оказавшиеся у Польши после Торуньского договора 1466 г. Хотя договор был утвержден, выполнен он так

и не был, на что наверняка повлияло разгромное поражение московских войск в битве с литовцами под Оршей в сентябре 1514 г.

В те дни литовское войско под командованием «славного гетмана» Константина Острожского, исповедовавшего православие⁸⁹, «котрый во всЪм мудре поступуючи», нанесло сокружительное поражение московскому войску. «Поляки и литва, загорЪвшися серцем мужества», «смЪло собЪ звитязство над оным войском» Московского княжества [2].

После поражения Москвы Максимилиан I вопреки договору с Василием III переметнулся к бывшему врагу. Он договорился о династических браках с королем Польши и Великим князем Литовским Сигизмундом I, тем самым воплощая в жизнь мечты Габсбургов о венгерском и чешском троне. Признав на Венском конгрессе 1515 г. вассалитет Тевтонского ордена от Польши, Максимилиан тем самым разорвал союз с Москвой.

В ответ Василий III в 1517 г. заключил в Москве договор с тевтонцами, обязавшись оказать им материальную поддержку для совместного нападения на Польшу. Орден оказался под защитой Василия. Однако в 1522 г. Московское княжество «примире с поляками и литвою до пяти лЪт» [2], в результате чего Москва, сохранив за собой смоленские земли, отказывалась от притязаний на земли, входившие в Великое княжество Литовское: Киев, Полоцк и Витебск. К слову, в том же году супругой Константина Острожского стала внучка Михаила Олельковича.

Тем временем в конце 1523 — начале 1524 г. к разработке концепции «Москва — Третий Рим» подключается старец псковского СпасоЕлеазарова Великопустынского монастыря Филофей. Назвав предком Василия III римского императора Константина Великого: «Не преступай, царю, заповеди, еже положиша твои прадеды — великий Константинъ», он провозгласил: «Будеши сынъ света и гражанинъ вышняго Иерусалима». А саму идею «Москва — Третий Рим» он обозначил так: «Да веси, христолюбче и боголюбче, яко вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего

⁸⁹ Киевской митрополии Константинопольского патриархата. – прим. авт.

государя, по пророческим книгам, то есть Ромеиское царство: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти» [3/а, б]. Под первыми двумя подразумевались Рим и Константинополь, под третьим – Москва.

Что касается фразы Филофея «два Рима пали, третий стоит, а четвертому не быть», то нередко высказывается мнение о заложенном в ней «духовном» смысле, поскольку речь в ней идет не о Риме как таковом, а о «Ромейском царстве» – идеальном по сути. С крушением Древнего Рима и Византии «Ромейского царства» перешел на Москву, которая предстала даже не наследницей двух «первых Римов», а неким идеалом, образцом истинно православного христианского государства. Но, что примечательно, не как империя, а как «Святая Русь», с преобладанием духовной сферы. Посредством же тезиса «четвертому Риму не бывать» проводилась мысль о том, что в случае падения Московского государства другое подобное образование не возникнет. Таким образом, Москва была представлена последний земной носитель как «правильного» Митрополита государства. В трактовке Ташкентского и Среднеазиатского Владимира (Иким) это означает, что «отнюдь не мирскую славу и честь, не успокоение, сытость и роскошь сулило русскому народу имя народабогоносца», а «тяжкий груз избранничества, величайшее бремя ответственности перед Всевышним легло на Русскую державу и ее правителей» [4].

Первым официальным носителем титула царя Руси стал Иван IV (Грозный) — сын Василия III, в 1547 г. венчанный на царство «Макарием, митропалитом всеа Русии». Причем в летописном тексте под это венчание подведена — сразу же или впоследствии — предшествующая идеологическая база. Митрополит «посреди церкви поставити налой» — церковный столик, на который опустил «животворящий крест на блюде злате и венец, и бармы царя Костянтина Манамаха, им же венчан бысть князь велики Владимер Манамах на царьство Руское». Все это, плюс «диядиму», митрополит возложил на Ивана IV, предварительно произнеся: «Яко твоя держава и твое есть царьство!» [5].

Тем самым «Богом установленная» преемственность претендующего на всю Русь московского царя от римско-

константинопольских «отцов», ранее имевшая лишь идеологическое оформление, обрела практические черты. А вскоре Макарий сообщил Ивану Грозному о Божественном благословлении желания правителя жениться. Здесь летопись представляет государя царем и великим князем «всеа Русии и всей Руской земле» [6].

В глобальном смысле акция «перевоплощения» князя в царя уравнивала московских властителей с византийскими императорами, ставя их на один «титульный» уровень. Посредством этого как бы снимались все «внешние» вопросы о праве «наследования» Византии уже царской Русью.

Однако в международном плане царский титул правителя Москвы оказался далеко не общепризнанным, что вполне объяснимо. свидетельствуют Хотя отдельные детали некоторыми западными правителями восприятии «ипостаси» Ивана IV. Так, в 1556 г. его «с грамотами» посетили посланники «от цесарева Карлосова сына Аглинского Филипа⁹⁰ короля», царем «благочестивым нарицая». В результате переговоров Иван Грозный «велел учинити пристанище корабленное на Двине и торг по всему государству поволной дал, так же и на Москве двором устроил» [7].

Следовательно, банальная тяга к получению экономических выгод сподвигла европейских правителей именовать московского князя царем. Геополитические же соперники Москвы об этом титуле как бы «забывали». Например, по мнению ряда экспертов, в том же году, во время переговоров с Москвой о шестилетнем мире представители литовского посольства этот титул применительно к князю не употребляли.

Из-за непризнания его царского статуса значительным числом других правителей Иван Грозный поставил перед собой задачу — получить официальное согласие на царский венец от Константинопольского патриархата.

-

 $^{^{90}}$ Имеется в виду король Испании Филипп II (правил 1556—1598), сын императора Священной Римской империи Карла V (правил 1519—1556), занявшего императорский трон после смерти Максимилиана I. — прим. ред.

«Освящение» Константинопольским престолом царства московских князей

Особое рвение государя в этом направлении проявилось в 1556—1559 гг., когда на переговорах с Константинополем он использовал извечные методы достижения желанной цели.

Первоначально в Москву от имени Иоасафа II Великолепного, занимавшего в тот период Константинопольский патриарший престол, прибыл его тезка — митрополит Евгрипский, экзарх Кизический Иоасаф. Он «возвестиша» Ивану IV об узаконивании процесса «молити Бога во веки о многолетном здравии и спасении о христолюбивом государе и царе Иване, якоже и о прежних благочестивых царях», вместе с тем отметив, что «ежели кто радети о сем начнет, и тому быть в отлучении». При этом митрополит сослался на соответствующее решение, вынесенное предшественником Иоасафа II Дионисием [8].

Дионисий II Галат занимал патриаршию кафедру до 1555 гг. Вопрос здесь даже не в том, имелся ли в период его деятельности документ с вышеупомянутым решением — хотя если бы он существовал, Иван IV уж точно не стал бы обращаться к Константинополю для легализации своего царствования. Но даже если предположить, что такого рода решение имело место, до Европы оно однозначно не дошло.

Как представляется, в связи с вышеупомянутым Иван IV решил заполучить документальное подтверждение одобрения Константинополя на свое царствование, тем более что ситуация явно располагала к этому: Иоасаф озвучил просьбу к царю о милостыне, обосновав ее наличием нужды «от безбожных турков». Увидев, что ситуация сулит ему выгоду, Иван Грозный немедля организовал доставку Константинопольскому престолу на «огражение монастыря» 2000 «златниц» ⁹¹. Аналогичную «милостыню посла» и митрополит Макарий [8].

«Дарами почтя» митрополита Иоасафа перед отправлением в обратный путь, Иван IV командировал с ним к Константинопольскому патриарху «с грамотою Ивашка Волкова, а во Святую гору бывшего архимандрита Евфимиева

_

⁹¹ Золотых соболей. – прим. авт.

монастыря Федорита» [9/а]. На находившегося при царском дворе бывшего главу Спасо-Евфимиевского монастыря в Суздале Феодорита было возложена задача — получить благословение Константинопольского патриарха на преемство наследного царского достоинства «по чину Римских кесарей», а купец из Вязьмы Матфей (Матюшка) Волков, в свою очередь, отвечал за доставку до места назначения рухляди — меха [10].

Немногим позже Москву посетил Александрийский патриарх Иоаким I, торжественно возвестивший Ивану IV, что «на священных и совершенных литоргиях» поминаются имена не только «родителей твоих почивших», но и предшествующих им правителей Москвы — Ивана III и Софии Палеолог. Именуя в грамоте Ивана IV «сущий святый царь», он отметил, что на службах «о твоем имени царьском, помолимся Господу Богу благочинне вечер, и заутра, и в полудин», так как «ныне же убо всю надежу по Бозе на тебя единого царя возложихом» [9/б].

Разумеется, проделав столь утомительный путь до Москвы, Иоаким не мог не озвучить просьбу, которая касалась милостыни в пользу обветшавших стен Синайской обители [8]. Недолго думая, Иван IV ответил на нее, направив посольство «в Царьград, Иерусалим, Египет и в Синайскую гору», доставившее Иоакиму «Пречестной образ и шубу» [11].

«На строение монастырьское» он также «послал есми рухледи на тысячю золотых Угорских» [9/б].

Под «угорскими золотыми» подразумеваются золотые монеты весом 3,5 г каждая, чеканившиеся практически из чистого золота. «Рухлядь» же, вероятно, представляла собой меха. Однако одаривание Иваном Грозным православных иерархов этим не ограничилось. Л. Столярова, российский средневековья, специалист по истории русского источниковедению, археографии, со ссылкой на «греческую» посольскую книгу 1. хранящуюся № государственном архиве древних актов, приводит следующие данные о пожалованиях Ивана IV в связи с вопросом о признании его царского титула:

Иоасафу II было отправлено не менее 1070 руб., а также 1200 руб. мягкой рухлядью (мехом соболя, белки и куницы) и рыбьим зубом. В Иерусалим патриарху и на разные церковные нужды

были пожалованы 1322 руб., 400 золотых угорских, бархатная шуба на собольем меху и «рухлядь» на 600 золотых угорских. Александрийскому патриарху было послано «рухляди» на 1000 золотых, бархатная шуба на соболях и 150 рублей денег. На Синайскую гору и синайскому архиепископу было отправлено не менее 1600 золотых, 650 рублей, «рухляди» на 800 золотых угорских, соболья шуба под бархатом и «вещи» — рыбий зуб, соболий и беличий мех (без указания их количества и стоимости) [12].

Могли ли такие дары Москвы не привести к желанному для Ивана Грозного результату? Вопрос риторический. Как следствие, в 1561 г. все тот же «митрополит Егрипской Иоасаф» доставил Ивану IV от «патриарха Цареградского» грамоты «благословленые на царство с патриаршескою подписью и печатью». Также «всех митрополитов и архиепископов в той грамоте руки приложены благословинии на царство да и древних царей поставление». Участниками собора, подписавшими документ, кроме патриарха были митрополиты Эфесский, Никейский и другие – общей численностью в 32 персоны, плюс епископы Кипрский и прочие – всего 4. Грамота «благословиша боговенчанного» Ивана Грозного, «еже быти и звати ему Царем, законно и благочестно венчанному; вкупе и от них и от их святые церкви просщение и благословение, понеже рода есть и крове царские, яко же они рекли на ползу всем благочестивым и христоименитым людем» [9/в].

Текст грамоты был издан в 1850 г. управляющим Московским архивом МИД и «Коммиссіею главным печатанія Государственныхъ грамотъ договоровъ, И членомъ Археографической коммиссіи» князем Михаилом Оболенским. Согласно документу, «смиреніе» иерархов «узнало и вполне уверилось не только изъ преданій многихъ, заслуживающихъ доверіе», но «даже и изъ письменныхъ свидетельствъ летописцевъ», что Иван IV «ведетъ свое происхожденіе отъ рода и крови истинно Царской», царевны, государыни Анны, сестры самодержца Василія Багрянороднаго 92, ставшей супругой великого князя Владимира – крестителя Руси; затем императора

_

⁹² Византийский император Василий II. – прим. авт.

Константина IX Мономаха, направившего митрополитов на венчание «во Царя благочестивейшаго Великаго Князя Володимера», которому «дали тогда ему на главу Царскій внецъ», «діадиму» и «иные знаки и одежды Царскаго сана» [13].

Весьма примечательно, что грамота составлена на идеологической основе, разработанной московсконовгородскими летописцами.

Важнейший нюанс здесь кроется в том, что, согласно летописцу, «подписана же грамота лета 7062» [9/в], то есть в 1554 г. Фактически это означает, что легализация «законности» царского титула в Москве на Вселенским соборе, который состоялся при патриархе Иоасафе, произошла именно путем подтверждения решения, якобы принятого период патриаршества Дионисия II, что явно свидетельствует о Иоасафа II на себя историческую нежелании ВЗЯТЬ проведение собора, «освятившего» ответственность за царствование московских князей «по чину Римских кесарей».

Как бы то ни было, обладателем 270 рублей из полученной от Ивана IV денежной помощи Иоасаф II стал по факту утверждения царского титула московского правителя. Участникам же собора перепало 1530 рублей [12].

На этом этапе царская государственная печать уже включала такие многозначительные элементы как византийский двуглавый орел в центре и образ всадника-ездца, известного как один из ключевых символов власти. Принято считать, что в качестве такового изображается Георгий Победоносец, христианский святой. Орел был коронован одной или двумя коронами, увенчанными крестом. Тем самым московский — «русский» — двуглавый орел окончательно стал преемником византийского вместе со становлением самодержавия как олицетворения православия.

Таким образом, в 1564 г. Иван Грозный вполне осознанно подготовил для потомства «концепцию» правления «русских» царей. Как бы подытоживая все происшедшее в эпоху его правления, да и в предшествующий период, он, подчеркнув, что «Бог наш Троице», именем которого «цари прославляются», отметил, что Всевышний предоставил «вовеки» крест честной – непобедимую хоругвь – первому из благочестивых царю

Константину и всем православным царям и хранителям православия. С исполнением же «повсюду» воли «Провидения» искра благочестия достигла «Российского царства». Так что «самодержавство» государства, «исполненное этого истинного православия», началось «по божьему изволению от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, Владимира И великого князя Мономаха», продолжившись вплоть ≪до нас», смиренных «скипетродержателей Российского царства».

«Мы» «божию изволению» воцарились, по «принадлежащее по благословению прародителей своих и родителей, а чужого не возжелали». Все это есть повеление «истинно православного христианского самодержавия, многою властию обладающего». В связи с этим Иван Грозный придал русскому самодержавию статус, согласно которому самодержцы «изначала сами владеют своим государством, а не их бояре и вельможи!», и даже «власть священника и управителя» с царской властью «не совместима». Ведь «помимо Божьей милости» цари не нуждаются «ни в каких наставлениях от людей, ибо невозможно, властвуя над множеством народа, добиваться наставлений от других». Поэтому правитель провел нить от Всевышнего к царю, которая прослеживается в словах: «Я же стараюсь обратить людей к истине и свету, чтобы они познали единого истинного Бога, в Троице славимого, и данного им Богом государя», требующего «повиновения только от рабов, данных мне от Бога» [14].

По словам австрийского дипломата XVI в., писателя и историка Сигизмунда Герберштейна, статус самодержца позволял московским владыкам применять «свою власть» к мирянам, так же, как И К распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников». А они, по его наблюдению, заявляя о воле и деяниях государя как «воле божьей», веруют, что «он свершитель божественной воли». Поэтому и сам государь, когда к нему обращаются по «важному делу», обычно отвечает: «Бог даст», и чтото свершится. А на вопрос о каком-либо «сомнительном деле» следует подобный ответ: «Про то ведает бог да великий государь» [15].

В том же 1564 г. Московский Поместный собор принял уложение о праве московского митрополита носить белый клобук. Соответственно этому в 1564–1565 гг. уже «законном» основании была роспись произведена Архангельского собора, где покоился прах нескольких поколений московских правителей. Это событие направлено не просто на прославление царской династии, но на возвеличивание самой системы власти. Исследователи видят в нем «продвижение» московской линии, поскольку «столичные великие князья и принадлежащие к их роду князья удельные стали главными персонажами цикла надгробных портретов» [16].

Тем самым царствование московских князей превратилось в реальность и, по словам В. Иконникова, в «Московском государстве» фактически утвердилась «теория светской власти» на «византийских преданиях, духовном авторитете и источниках византийской письменности. Полным же представителем этой системы был Иоанн IV» [17].

1. Грамота Максимилиана I Василию III об условиях союза между государствами

http://rusarchives.ru/statehood/04-09-gramota-maksimiliana-1.shtml

- 2. Хроника Литовская и Жмойтская http://litopys.org.ua/psrl3235/lytov06.htm
- 3. Послания Филофея:

а/ к Великому князю Василию, в немъже о исправлении крестнаго знамения и о содомском блуде б/ о злыхъ днехъ и часехъ. Послание Филофея дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю-Мунехину www.krotov.info/acts/16/1/filofey.htm

- 4. Митрополит Ташкентский и Среднеазиатский Владимир (Иким). Слово на праздник изнесения честных древ Животворящего Креста Господня http://pravoslavie.uz/Vladika/Books/Slovo2/22Krest.htm
- 5. Пискаревский летописец http://krotov.info/acts/17/azaryin/b61c.htm
- 6. Постниковский летописец

http://www.russiancity.ru/books/b59.htm

7. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью http://dlib.rsl.ru/viewer/01004161978#?page=268

8. Степенная книга. Часть II http://imwerden.de/pdf/kiprian_makary_kniga_stepennaya_chast 2_1775.pdf

9. Летописец русский. Московская летопись a/ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Letop_russkij/text2.htm 6/ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Letop_russkij/text3.htm в/ http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-

10. Житие преподобного Феодорита, просветителя Кольского

http://www.sedmitza.ru/lib/text/438741/

1560/Letop russkij/text4.htm

1850 RSL.pdf

11. Хождение на Восток гостя Василия Познякова с товарищи

http://pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5142

- 12. Столярова Л. В. Дары русского правительства иерархам и монастырям христианского Востока в XVI веке http://www.kreml.ru/ru/science/conferences/2009/power/thesis/St olyarova/
- 13. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года http://starieknigi.info/Knigi/O/Obolenskij_M_A_Sobornaya_gra mota_utverzhdayushchaya_san_carya_za_Ioannom_IV_1561_g_
- 14. Благочестиваго Великого Государя Царя и Великого князя Иоанна Васильевича всея Русии послание во все его Великие Росии государство на крестопреступников, князя Андрея Михаиловича Курбского с товарищи о их измене http://www.riuo.kiev.ua/bibl/Ioann_IV_1.html
- 15. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Gerberstein/frametext1.htm

16. Самойлова Т. Е. Митрополит Афанасий как один из авторов программы росписи Архангельского собора Московского Кремля

http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/1996/samo ilova01.html

17. Иконников В. Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории http://www.archive.perm.ru/PDF/lichn/subbotin/% D0% B4% D0 % BB% D1% 8F% 20% D0% A1% D0% 90% D0% 99% D0% A2% D0 % 90/01655_% D0% 98% D0% BA% D0% BE% D0% BD D0% BD D0% B8% D0% BA% D0% BE% D0% B2% 20% D0% 92.% 20% D0 % 9E% D0% BF% D1% 8B% D1% 82% 20% D0% B8% D1% 81% D1 % 81% D0% BB% D0% B5% D0% B4% D0% BE% D0% B2% D0% B 0% D0% BB% D1% 8F% 20% D0% BE% 20% D0% BA% D1% 83% D0% B8% D1% 8F% 20% D0% BE% 20% D0% BA% D1% 83% D1% 80% D0% BD% D0% BE% D0% B5% D0% B8% D0% D0% D0% B8% D0% D0% D0% B8% D0% D0% B8% D0% D0% D0% B8% D0% D0% D0

BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%

BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_0.pdf

ПОДВОДНЫЕ ПУТИ К ЗАРУБЕЖНОМУ ПРИЗНАНИЮМОСКОВСКОГО ПАТРИАРШЕСТВА

Ориентир – Балтийское пространство

Наряду с усилиями по легализации его царского титула Константинополем Иван Грозный активно проявлял себя и на международной сцене. Так, в 1560 г. к нему приехал гонец «от цысоря Римсково и навышшого короля Фердинандуса Ерином» – короля Германии, императора Священной Римской империи Фердинанда І. В переданной грамоте говорилось «о ливонских немцех, чтобы царь и великий князь не воевал, называючи их своими поданными Римские области». В ответной грамоте Иван IV, ни преминув подчеркнуть, что ему государство «Бог дал», и напомнив о взаимоотношениях Москвы с предшественником Фердинанда Максимилианом І, сообщил о готовности «учинить обо всех делах договор» [1].

Последовавшее же в 1561 г. официальное добро патриаршего престола на царские регалии Ивана IV позволило Москве почувствовать себя гораздо увереннее. Это привело к возобновлению Москвой борьбы за выход к Балтийскому морю, что стало первым шагом Ивана IV в его геополитическом продвижении на запад.

Военные действия, начатые Иваном Грозным еще в 1558 г., не могли не вызвать противодействия со стороны Швеции и Литвы. А согласованная позиция Ганзы и Ливонии по недопущению Москвы к самостоятельной морской торговле способствовала очередному снаряжению Иваном IV в 1561 г. «всеа Русии бояр и воевод своих в Ливонскую землю немец воевать» [2]. Эта военная акция призвана была положить конец контролю транзита московской торговли ослабевшей конфедерацией, в которую входили Рижское архиепископство, епископства Дорпат, Курляндия и другие. Сохранение же статускво ограничивало возможности купцов, не давая Москве свободно импортировать стратегическое сырье. Война, однако, оказалась более затяжной, чем предполагалось, и в послании шведскому королю Юхану III в 1573 г. Иван IV сообщил, что «Ливонскую землю мы не перестанем завоевывать, пока нам ее

Бог даст». При этом он попытался показать свое царское превосходство: «Ты пишешь свое имя впереди нашего – и это неприлично, ибо нам брат – цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честью ниже этих государств». Кроме того, «Римская печать нам также не чужда: мы ведем род от Августакесаря» [3].

Подобный тон письма был далеко не случайным — в этот период Иван IV подготовил нечто вроде духовного наставления, изложенного в форме политико-религиозного завещания, призвав в нем крепко держать «православную христианскую веру» до смерти и вновь подведя идеологическу базу под самодержавную царскую власть: «Сына же своего Ивана благословляю царством Руским, шапкою мономаховскою, и всем чином царским, что прислал прародителю нашему, царю и великому князю Владимеру Мономаху, царь Константин Мономах из Царяграда. Да сына же своего Ивана благословляю всеми шапками царскими и чином царским» [4].

В связи с этим представляется интересным мнение Ф. Асадуллина, который отмечает, что «шапка Мономаха — это не что иное, как скроенный по восточным образцам головной убор, по одной версии, пришедший к нам из Египта, по другой, переданный непосредственно русским царям золотоордынскими ханами» [5].

Католическое посредничество в московско-польском противостоянии

Что касается Ливонской войны, то на ее ход значительно повлияли политические изменения в Европе. Еще в 1569 г. Люблинская уния объединила Польское королевство и Великое княжество Литовское в единое федеративное государство — Речь Посполитую, явившую «собою» одно «нераздельное и неотделимое тело, а также не отдельную, но одну общую республику, которая соединилась и слилась в один народ из двух государств и народов». В новоиспеченном государстве предусматривались выборный король, общие сейм и сенат, единая внешняя политика.

В то же время, в Люблинской унии между Польским королевством и княжеством Литовским было записано, что великий князь литовский «остается всецело и нерушимо при своем титуле, сановниках, всех должностях и почетных званиях» Однако сохранение Литвой некоторых суверенитета было достигнуто за счет утраты ею ряда земель на территории современной Украины, перешедших юрисдикцию Польши. В частности, к Польше в качестве воеводств отошли: Киевское, Волынское (центр Луцк), Русское (центр Львов), Подольское (центр Каменц), Брацлавское (центр Брацлав), Белзкое [7]. В составе Великого княжества Литовского остались лишь белорусские земли и заселенное белорусами Брестское воеводство. Первенство Польши в Речи Посполитой было настолько очевилным, государство что нередко именовалось Польшей.

За счет польских сил резко возросла военная мощь государств, противостоящих Москве в Ливонской войне. Благодаря этому надевший в 1576 г. польскую корону трансильванский князь Стефан Баторий не только вернул утерянный в начале военных действий Полоцк, но и осадил Псков, заключив при этом союз со Швецией.

После взятия шведами Нарвы и ряда других городов Иван Грозный отправил Леонтия Шевригина послом к римскому папе Григорию XIII и королю Германии (римскому королю) Рудольфу II с просьбой о посредничестве для примирения с Баторием. В переданной Папе грамоте речь шла о том, что с переходом польской короны к «посаженику турецкого султана» Баторию тот «нарушил крестное целование». Вместе с тем, в связи с его союзом «с неверными на пролитие христианской крови» Иван IV выказал желание «быть в единении» с Папой Григорием XIII и «цесарем» Рудольфом «против бусурманских государей», озвучив призыв к Риму приказать Баторию, чтобы он «с бесерменскими государи не складывался и на кровопролитие христианское не стоял» [8].

Папа положительно воспринял предложение Москвы, в том числе изза расчета на распространение в Северо-Западной Руси прокатолических настроений.

В этой связи можно отметить, что еще в 1577 г. Григорием XIII была создана Греческая коллегия с целью обучения духовенства из восточнославянских земель Речи Посполитой, Ливонии, Москвы и других в униатском духе для последующей пастырской деятельности на «православных» территориях.

Однако главным фактором, побудившим Рим к посредничеству в московско-польском противостоянии, были его планы по образованию лиги против османов — тем более что начавшаяся в 1578 г. война между Османской империей и сефевидской Персией пробудила в Риме надежды на ослабление турок. Наряду с другими государствами в числе инициаторов лиги Рим видел и Польшу, и Москву. Поэтому Папа принял решение направить на Русь в качестве посредника экс-секретаря генерала ордена иезуитов, бывшего ректора Иезуитской коллегии в Авиньоне Антонио Поссевино.

Выбор этого человека был неслучаен, поскольку ему удавалось устраивать деликатные политические дела, в частности такие как окончательное обращение в 1578 г. шведского короля Иоанна III в католичество. Тем не менее, с Иоанном IV ситуация оказалась иной. По словам А. Поссевино, дозволив католическим священникам, «вместе с купцами, которые приедут с послами в Московию» свободно «оставаться здесь и совершать католическое богослужение», он не согласился на предложение об организации католических «публичных собраний и служб», тем более с участием местных жителей [9].

В свою очередь, Баторий, имевший военное преимущество, воспринял римское посредничество, мягко говоря, без восторга. Но Поссевино обрисовал ему заманчивую перспективу его будущего главенства в вопросе мирного объединения православия и католицизма в Юго-Западной Руси — в северных и восточных областях Речи Посполитой, при первенстве, естественно, второй ветви.

К слову, в послании Стефану Баторию от 1579 г. Иван Грозный вопрошал: «Не потому ли ты надеешься быть величественнее нас, что отвергаешь наше происхождение от Августа-кесаря? Так поразмысли о своих предках и о нашем ничтожестве. Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему

роду: мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода по Божьей милости избрали народы и сословия королевства Польского и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими» [10].

Так или иначе, миссия А. Поссевино привела к заключению в 1582 г. 10-летнего перемирия, по которому Россия отказывалась от Ливонии и белорусских территорий, приобретая лишь некоторые пограничные земли. Более того, состоявшееся спустя год перемирие со Швецией вновь вернуло Москву в прежние границы, лишив ее выхода к морю.

Со смертью Ивана Грозного в 1584 г. Баторий решил было напасть на Москву, что вызвало одобрение А. Поссевино. Но Папа не дал на это согласия, питая надежду на объединенные действия поляков и русских против османов.

Учреждение в Москве патриаршего престола

Однако спустя несколько лет после этого события Москва получила преимущество иного порядка, став обладательницей патриаршего престола. Очевидно, что для столь резкого подъема по общемировой православной иерархической лестнице должны были быть веские причины.

В 80-х гг. XVI века в Османской империи значительно укрепились позиции католического Рима — настолько, что в 1583 г. Папа Григорий XIII направил на Восток иезуитскую миссию, которая добилась от султана Мурада III разрешения на постоянное пребывание в Константинополе. Там же проявляли активность члены Доминиканского и Францисканского орденов. Вполне вероятно, что успехи такого рода позволили папству предложить Константинопольскому патриарху Иеремии II (Траносу) принять новый григорианский календарь, что могло стать первым шагом к переходу Константинопольской церкви в униатство. Созванный в Константинополе собор ответил отказом, сославшись на несоответствие календаря каноническим правилам празднования Пасхи. Такой ответ, естественно, вызвал негодование Григория XIII, который решил использовать все подручные средства, чтобы проучить «строптивого» Иеремию.

Как следствие, в том же 1583 г., по словам тогдашнего архиепископа Димоника и Элассона Арсения Елассонского, патриарх, будучи обвинен «беззаконными людьми и клеветниками» в крещении «турецких мужчин и женщин» и отправлении их «в Россию, Польшу и во Францию», по указанию султана «был изгнан в ссылку на остров Родос» [11].

На патриаршее место заступил Феолипт. Сам Иеремия II усматривал в своем смещении не политический, а заурядный бытовой подтекст. По его словам, стал «Феолиптос подкупать Пашей⁹³, чтобы учинили его в Цареграде Патриархом, а он будет давать Салтану, сверх прежней дани, 2000 золотых». Тот и «велел [ему] быть без нашего Собора Патриархом». Когда же экс-патриарх начал «много и жестоко говорить Пашам» о нарушении «грамот прародительских» с тем, «чтобы в Духовные чины ни в чем не вступаться», его и сослали на остров.

Однако Иеремия не остался молчаливым наблюдателем во всей этой истории и, используя тайные ходы придворной политики в Константинополе, вновь занял, казалось бы, безвозвратно утерянное место. В 1587 г. султан Мурад III «отставил» Феолипта, разграбив по пути «церковь Божию и все церковное строение» и «учинив в ней мечеть». Тогда же султан вернул в патриархи Иеремию, которому, в связи с разорением церкви, он предложил «устроить Патриаршескую церковь в ином месте в Цареграде». Для поиска денег на этот проект султан разрешил ему «итти в Христианские Государства» [12].

В корне иной расклад событий был изложен Джильсом (Джайлсом) Флетчером — участником переговоров 1588 г. с Москвой о монополии Англо-Московской компании на торговлю с портами северо-западной Руси. Упоминая об аудиенции Иеремии II у Папы перед его отправлением в Москву, Флетчер утверждает, что одним из намерений патриарха были его переговоры с царем о подчинении «Русской церкви власти папы Римского» как бы «в отмщение туркам и греческому духовенству, свергнувшему его с престола». По его «недавнему прибытию из Рима можно думать, что он был прислан с такою целью самим папой» [13].

_

⁹³ Паша – высокий титул в политической системе Османской империи. – прим. авт.

Как бы то ни было, в 1588 г. в сопровождении Арсения Елассонского и митрополита Иерофея Монемвасийского «пришел патриарх цареградский Иеремей из Цареграда» в Москву. Согласно летописи, он рассказал Федору I, заступившему на царский трон после смерти Ивана Грозного, что «был в православной вере папа римский, да четыре патриарха: александрийский, антиохийский, цареградский, иерусалимский», но «папа де окаянный от православной веры отпал и впал в ересь, в латинскую веру, и ныне де благочестивого пятого напрестольника нет, а здесь, в Московском государстве, православная христианская вера, — чтобы быть в Московском государстве пятому патриарху» [14].

Со слов Дж. Флетчера, Иеремия предлагал «перенести патриарший престол из Константинополя или Сиона в Москву», обосновывая это нахождением Константинополя под «властью турок, врагов веры», в то время как «Русская церковь» остается «единственной законной дщерью церкви Греческой, следуя одному с ней учению и одинаковым обрядам» [13].

Безусловно, Москва была однозначно заинтересована не только в таком переносе патриаршего кресла, но и в переезде сюда действующего патриарха. Очевидно, что эта комбинация в случае ее осуществления выводила Москву в лидеры православного мира, обеспечивая ей главенство над православными епархиями соседних — да и дальних — земель. Такой сценарий сулил Москве неимоверные перспективы. Тем не менее, переговоры завершились взаимным согласием на предоставление Москве отдельного престола.

Необходимо отметить, что беседовал Иеремия II обо всех этих вопросах, скорее всего, не напрямую с Федором I. Дело в том, что из-за болезненности царя с его заступлением на трон государством сначала управлял регентский совет, а затем фактическое правление Северо-Западной Русью сосредоточилось в могучих руках брата супруги Федора I — Бориса Годунова. Именно он в 1587 г. провел на митрополичью кафедру своего ставленника Иова. Б. Годунов наверняка вел основную партию в переговорах с Иеремией, чей «совет» оказался «благоугоден» для него. Как следствие, в 1589 г. Иеремия II «поставил» первого московского «патриарха Иова»,

из-за чего царь «жаловал» константинопольского гостя «своим государевым жалованием» [14].

Ну а как было его не пожаловать, если Константинопольский патриарх приехал в Москву именно за деньгами!

Посвящение Иова Иеремией II фактически подтверждало автокефалию церкви Северо-Восточной главенствовала Москва. «Задокументировано» это решение было «Уложенной грамотой», принятой «от рода в род и навеки» проведенным в Москве собором «Великого Росийского царствия и Греческого Царствия». В документе, описывающем историю создания новой кафедры, Иеремии II приписываются слова, «освящающие» идею «Москва – Третий Рима»: «Ветхий Рим падеся Аполинариевою ересью, Вторый же Рим, иже есть Костантинополь, от безбожных турок обладаем; твое же, о благочестивый царю, Великое Росийское царствие, Третей Рим, благочестием всех превзыде», и «ты един под небесем христьянский царь именуешись во всей вселенней, во всех христианах». По «твоему царскому прошению у Бога, твоим царским советом сие превеликое дело исполнитца». Вслед за грамота утвердила поставление в патриархи, превеликий престол первопрестольников и великих святителей» царствующего града Москвы «Иева преосвященнаго митрополита всеа Русии». Грамота также подтверждала создание четырех митрополий: Новгородской, Казанской, Ростовской, Крутицкой, а также шести архиепископств и восьми епископств [15].

Тем самым Киевский митрополит окончательно утратил пальму первенства над Церковью всей Руси.

Весьма примечательно, что при подписании грамоты митрополит Иов использовал новую печать Московского патриарха. Тогда же на государственной печати между коронованными головами двуглавого орла появился так называемый голгофский крест. Этот символ православия стал важнейшим идеологическим звеном концепции «Москва — Третий Рим».

Старания Москвы по признанию патриаршества мировой православной иерархией

Москва добиться Следом за ЭТИМ вознамерилась подтверждения принятого решения всеми авторитетами православного мира. Тонкость здесь в том, что, как отмечалось выше, в 1448 г. Московский поместный собор поставил на Московскую митрополию епископа Иону без согласования с Константинополем, из-за чего вселенская православная столица не признала самостоятельно объявленную автокефалию. Однако на этот раз Москва намеревалась получить добро не только Константинопольского Иеремии II. Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской кафедр. Не случайно, по свидетельству Арсения Елассонского, царская чета «прислала патриарху многочисленные дары»: архиерейские облачения из золотой парчи, украшенные многочисленным жемчугом, весьма дорогую митру с драгоценными камнями и многочисленным жемчугом и бесчисленное количество денег». Было обласкано и окружение Иеремии, которым достались «большие и различные подарки по чину и немалое количество денег; почти, можно сказать, всех нас обогатили» в Москве [11].

Не преминул обратить внимание на роль материального фактора в происшедшем и Дж. Флетчер: «Царь и царица прислали великому патриарху богатые дары: серебряную посуду, золотую парчу, меха и проч., которые несены были по московским улицам с большой пышностью, а при отъезде он получил еще множество других даров от царя, дворянства и духовенства» [13].

В итоге патриарх Константинопольский Иеремия II добился проведения в 1590 г. Константинопольского собора с участием Иерусалимского патриархов Антиохийского И московские решения. Хотя современные подтвердившего исследования свидетельствуют о подделке значительной части подписей на грамоте. Зачастую устами аналитиков этот факт желанием Иеремии, получившим денежные объясняется за учреждение Московского патриаршества, пожалования продемонстрировать московским «светским и церковным властям представительность Собора», в связи с чем и были подделаны подписи отсутствовавших на нем членов [16].

⁹⁴ Александрийская кафедра в то время была вакантной. – прим. авт.

Арсений (Иващенко), авторитетный историк церкви и специалист по истории византийского и русского православия, епископ Кирилловский и викарий Новгородской епархии, работавший в XIX — первые годы XX вв., который в процессе составления своей знаменитой летописи всех выдающихся событий церковной истории пользовался не только печатными, но и рукописными материалами, хранящимися в архиве Святейшего Синода, говорит об этом в несколько в ином событийном контексте.

По его словам, «на покрытие долгов» за вступление на Константинопольский престол и «др. нужд» Иеремии II «требовались еще немалые суммы». Расчет вновь был «на пособие изь Москвы», в связи с чем процесс соборного учреждения «русского патриаршества» был ускорен [17].

Принятая таким образом Константинопольская грамота 1590 г., утвердив право Московского собора на поставление патриархов в дальнейшем, определила престолу Москвы пятое место в мировой православной патриаршей иерархии.

Москва, естественно, не была удовлетворена решением, поскольку видела себя третьей в этом списке — после Александрии. Об этом свидетельствует направленное в Константинополь от имени царя Федора I послание: «Имяноватися ваше архиерейство соборне уложиша: в начале в папино б место быти тебе, Иеремею, Божиею милостию архиепископу Костянтинополя — Нового Рима и Вселенскому Патриарху, потом — нашего великого государства, царствующего града Москвы, потом Антиохейскому Патриарху, потом — Иерусалимскому Патриарху» [16].

По всей видимости, Москва надеялась на пересмотр данного решения на очередном Вселенском соборе, состоявшемся в 1593 г. в Константинополе «для решения разных вопросов церк. благочиния и изыскания средств па уплату долгов патриархии» [17].

Но собор, при участии уже и Александрийского патриарха Мелетия Пигаса, подтвердив законность Московского патриаршества, вновь отвел для него пятое место — вслед за Иерусалимской кафедрой. Подписаный иерархами акт лишь

символически обласкал Москву, подтвердив возглашение «царя и самодержца московского, всея Руси и северных стран» в службах восточной церкви, диптихах и на св. проскомидиях «в начале шестопсалмия по окончании двух псалмом о царе, т. е. по имени, как православнейший царь» [18].

Так или иначе, учреждение Московского патриаршества стало историческим фактом, подтвержденным авторитетом Вселенского собора в Константинополе. Однако это новшество не распространилось на юго-западную часть Руси, которая находилась составе Речи Посполитой. Действующие там епархии оставались в ведении митрополита Киевского и всея Руси, подчиняясь Константинопольскому патриархату, и на фоне происходящего в Московском государстве ситуация в этих землях развивалась в совершенно ином ключе. Иначе и быть не могло, поскольку признание Константинополем московского патриаршества вызвало вполне обоснованные геополитические опасения в католическом мире, который вознамерился не допустить реализацию притязаний Москвы на земли Юго-Западной Руси.

- 1. Летописец русский. Московская летопись http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Letop_russkij/text4.htm
- 2. Разрядная книга 1475–1605 гг. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XV/1460-1480/RK_1475_1605/text11.htm
- 3. Второе послание Ивана Грозного шведскому королю Юхану III

http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1573groz.php

- 4. Духовная грамота Ивана IV http://www.hrono.ru/dokum/1500dok/1572ivan.php
- 5. Интервью Фарида Асадуллина. http://tatmsk.tatarstan.ru/rus/faridasadullin.htm
- 6. Из постановления Люблинского сейма об унии Вел. кн. Лит. с Короной Польской. 1 июля 1569 г.

http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus_readme.php?subactio n=showfull&id=1141331680&archive=&start_from=&ucat=1&

7. Люблинская Уния 1569 г.

http://histua.com/ru/istoriya-ukraini/ukrainskie-zemli-v-periodkazachestva/ljublinskaya-uniya-1569-g

8. Цит. по: Успенский Ф. История Византийской империи XI–XV вв. Восточный вопрос

http://molodezh.mrezha.ru/books/Uspenskiy_Vostochniy_vopros.txt

- 9. Антонио Поссевино. Московия
- http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Possevino/frametext13.htm
- 10. Послание польскому королю Стефану Баторию (1579 г.) http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=9120
- 11. Арсений Елассонский. Мемуары из русской истории http://vostlit.narod.ru/Texts/rus13/Elassonskij/pril.htm
- 12. Пришествие патриарха Иеремии в Россию http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1580-1600/Patr Ieremija/text.htm
- 13. Джильс Флетчер. О государстве русском, или образ правления русского царя, обыкновенно называемого царем московским, с описанием нравов и обычаев жителей этой страны

http://www.vostlit.info/Texts/rus4/Fletcher/frametext5.htm

- 14. Книга называемая Новый летописец http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Nov_letopisec/text1.phtml?id =1005
- 15. Уложенная грамота об учреждении в России Патриаршества. 1589 г.

http://www.sedmitza.ru/text/443574.html

- 16. Учреждение Патриаршества в России http://vur-05-1.narod.ru/istotgp/39-1.htm
- 17. Летопись Церковных событий и гражданских, поясняющих Церковныя. От Рождества Христова до 1879 года Архимандрита Арсения

http://www.omolenko.com/istoria/history.htm?p=16

18. Святой Иов, Патриарх Московский и всея Руси http://russist.ru/paterik/19.06.htm

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА РОЖДЕНИЯ БРЕСТСКОЙ УНИИ

Возникновение братств и подоплека проуниатских настроений в Юго-Западной Руси

В связи с тем, что польский король Стефан Баторий отдал все местные православные монастыри и церкви с их имениями в распоряжение иезуитских коллегий, основанных им на территории Юго-Западной Руси, в 80-х гг. XVI в. на этих землях стали образовываться православные братства, характеризуемые Г. Флоровским «как церковные и религиозно-оборонительные учреждения» [1].

Безусловно, возникали они не сами по себе. Так, патриарх Александрийский «Іоакимъ благословилъ основаніе Львовскаго братства», которое оказалось «разсадникомъ многихъ другихъ братствъ» в этом крае и заботилось «объ истинномъ благе православной русской церкви». Братства обеспечивали точное соблюдение «православныхъ церковныхъ обрядовъ», «возставали противъ всякихъ попытокъ ввести унію, защищали православныхъ на сеймахъ противъ всякихъ притисненій, основывали школы, заводили типограФіи и заботились такимъ образомъ о распространеніи въ народе истинныхъ религіозныхъ православныхъ убежденій» [2].

Возвращаясь в 1589 г. из Москвы в Константинополь через территорию Литвы, Вселенский патриарх Иеремия II «на основании грамоты» воссевшего на польский трон после смерти Батория Сигизмунда III, «выхлопотанной» князем Константином Острожским, «подтвердил братства церковные в Вильне, Львове и др. местах». Проуниатские епископы проигнорировали решение патриарха, а католики усилили нападки на православные церкви, провозглашая идею «о подчинении римскому престолу» [3].

Не исключено, что последняя идея исходила от папского Рима после того, как Константинополь утвердил в Москве православную патриаршую кафедру.

Другое дело, что между самими братствами в Речи Посполитой имели место существенные трения. Тот же Иеремия

II предоставил особые полномочия Львовскому братству, которые заключались в его выходе из-под опеки львовского епископа Гедеона (Григория) Балабана, а также в праве назначать и освобождать от должности священников опекаемой братством Успенской церкви во Львове. Поскольку отношения между Гедеоном и Львовским братством были натянутыми еще до патриаршей грамоты, Гедеон был оскорблен постановлением Иеремии II — по той причине, что устав возникшего в 1586 г. Успенского братства ставил его превыше других подобных организаций и давал ему право контроля над духовенством, включая епископов. Это привело к конфликту братства с Гедеоном, причем не только по иерархическим, но и по имущественным соображениями — братством были оспорены права собственности Львовского епископата на Уневский и Онуфриев монастыри.

Львовское братство поддерживал Киевский митрополит Михаил Рагоза, так что конфликт мог быть спровоцирован и «сторонними» силами. В этой связи отметим, что грамоту на Киевскую митрополию М. Рагоза получил от Сигизмунда III, а «рукоположиль нового митрополита въ южную Русь», по «просьбе братства», все тот же Иеремия II, правда, оговорившись, что не знает кандидата, а доверяет лишь рекомендовавшим его. При этом заблоговременно «обличивши» занимавшего Киевскую митрополию «Онисифора двоеженца» [2] на основании запрета на отправление богослужения священникам-двоеженцам.

Вместе с тем, бытует мнение о якобы имевшей место связи между M. Рогозой и иезуитами.

Как бы то ни было, Львовскому и Виленскому братствам удалось получить право ставропигии, подразумевавшее неподчиненность местным православным епископам. М. Рагоза, а вслед за ним и церковный собор 1590 г., признали суверенитет Львовского братства от львовского епископа при прямом его подчинении Киевскому митрополиту.

На пути к унии

Тем временем Иеремия II учредил в Киевской митрополии должность патриаршего экзарха⁹⁵ с подчинением назначенного на этот пост епископа Луцкого и Острожского Кирилла Терлецкого непосредственно Константинопольскому патриарху.

Что касается Гедеона, то после лишения его сана М. Рагозой с ведома Константинопольского патриарха, в 1590 г. он устроил встречу епископов Холмского и Белзского Дионисия Зборуйского, К. Терлецкого, епископа Пинского и Туровского Леонтия Пельчинского, на которой был впервые был озвучен вопрос унии.

В 1592 г. подпись Гедеона появилась на грамотах Сигизмунду III и Римскому папе Клименту VIII, содержавших просьбу о введении унии на территориях с православным населением, находившихся в составе Речи Посполитой, текст которых гласил: «Мы, господарь... хотячи под зверхность и благословенство одного пастыря светейшаго отца нашего папежа римскаго быти, ему старшенство и зверхность признати, заховавши в себе вцале вси справы и церемонии в целости во церквах божиих» [4].

Более того, съезд духовенства Львовской епархии в 1595 г. признал власть Рима. Как следствие, было отменено предыдущее решение в пользу Львовского братства, а Гедеон Балабан получил добро на восстановление своих епископских прав. Тогда же К. Терлецкий вместе с епископом Владимирским и Берестейским Ипатием Потеем присягнули на иерархическое подчинение Папе. Однако собор епископов Киевской митрополии, состоявшийся в том же году, выработал артикул, содержащий изложенные в 33 пунктах условия, на которых епископат Киевской митрополии готов признать церковную юрисдикцию папства. Текст был направлен в Рим и Сигизмунду III, к тому времени ставшему обладателем и шведской короны.

Первым условием артикула было непреклонение «к иному вероисповеданию». Далее оговаривались неизменность молитвы «согласно с древним обычаем Восточной Церкви», а также сохранение в целостности «тайны Святого Крещения и ее формы», непредоставление «митрополичьих, епископских и других духовных санов нашего обряда» никому, кроме «людей

_

⁹⁵ Экзарх – глава отдельного церковного округа в православии и католицизме. – прим. авт.

нашего народа или греческого и нашей религии», воздержание от превращения монастырей и церквей «наших» в костелы; разрешение «основывать школы, семинарии греческого и славянского языка», предоставление «нашим митрополиту и епископам» мест «в сенате его Королевской милости» — для обеспечения «большей власти» и «чтобы наши овцы нас больше уважали и почитали». Условие, касающееся сената, собравшиеся обосновали тем, что «сенаторская присяга» позволит избежать «такого разрыва, как после смерти» Киевского митрополита Исидора, подписавшего Флорентийскую унию 1439 г., когда владыки, не несущие обязательств присяги, «легко отступили» от решений Флорентийского собора. В случае принятия этого условия «будет трудно и подумать о разъединении».

На первый взгляд, все эти условия однозначно свидетельствовали о полном разделении епископатом Киевской митрополии идей униатства, хотя не исключено, что форма их изложения была продиктована намерением доступа к политической власти.

В заключительной части документа «подписанты» раскрывали свое стремление к единству «ради согласия в христианской Речи Посполитой» для недопущения «дальнейшего разлада и несогласия» [5].

Тем самым в артикуле подчеркивалась его политикорелигиозная целесообразность, а то и вынужденность. Для истории или нет — вопрос другой. Согласно Г. Флоровскому, «есть известная психологическая правда в утверждениях первых униатов, что они не меняли веры. По их мнению, речь шла о смене только юрисдикции, так как веру латинскую и греческую они считали собственно эквивалентными». Тогда многие видели возможность «оставаться православным и под Римским послушанием», тем более что в соглашении была оговорена «неслиянность» унии с латинской церковью [1].

По убеждению ряда исследователей, при помощи унии православное духовенство намеревалось заполучить права, аналогичные с польскими священнослужителями, знать надеялась подступиться к административной иерархии, а служащие — оказаться в магистратах и т. д.

Как бы то ни было, артикул собственноручно подписали митрополиты Киевский и Галицкий, епископы Владимирский и Брестский, Луцкий и Острожский, Пинский и Туровский. На нем также имелось 8 печатей, включая епископов Львовского и Холмского. На обороте имелась подпись архимандрита кобринский церкви святого Спаса [5].

Этот документ полностью подчинил православную ветвь христианства западно-русских земель католическому Риму.

Брестская уния и возникновение греко-католической церкви

Акт унии был осуществлен в конце 1595 г. в Ватикане – с представлением соответствующих текстов на украинском и латинском языках, – чему Папа посвятил специальную буллу. Затем, в 1596 г. не кто иной, как Михаил Рагоза, «приихавши с Киева до Брестя Литовского», «учинил собор на духовенство» [6]. В связи с этим польский писатель-историк, теолог-библеист XX в. Тадеуш Жихевич характеризовал М. Рагозу как личность боязливую и нестойкую, который «одной рукой подписывал, другой – в случае надобности – мог замазать», хотя он «не был ни плохим, ни продажным» [7].

Собравшиеся в Ватикане «принялы унею и послушенство Михаил Рагоза отдал папежови, пославши до Риму епископов Ипатия Поцея и Кирилла Терлецкого». Признав Папу Римского своим главой, они согласились с католической догматикой, но с сохранением богослужения византийского обряда на церковнославянском языке.

Однако далеко не все шло гладко: «Унеи духовенство иншое руское и монастыри все и шляхта не приняли» [6]. По всей видимости, после того как руководить вопросом унии взялся Рагоза, львовский епископ Гедеон (Григорий) Балабан сменил позицию. Не согласившись вместе с епископом Перемышльским с проуниатским решением, он объявил об открытии заседания православного собора, провозгласившего отсутствие у какоголибо собрания полномочий решать вопрос унии без согласия собора восточных патриархов. Также не поддержали унию патриарший экзарх Никифор, князь Константин Острожский и ряд епископов.

Собравшиеся на православный собор, провозгласив «обет веры, совести и чести за себя и наших потомков», призвали твердо стоять «в нашей святой вере», сопротивляясь всем «насилиям и новизнам», могущим помешать «свободе нашего богослужения». «Сенаторы, сановники, чиновники и рыцарство», находившиеся на православном соборе вместе с духовными лицами «греческой веры», выразив протест против униатов, высказались за неподчинение им [8].

Участники обоих соборов проанафемствовали друг друга. Естественно, Сигизмунд III повелел всем православным Речи Посполитой подчиниться униатской линии. Ответным жестом на то Мелетий I Пига, патриарх Александрийский, местоблюститель Константинопольского престола на время его вакансии, предал «отвержению конечному» Рагозу «и нЪкоторых еще с ним епископов его яко отступников и разорителей церкви соборное». До избрания нового митрополита своими экзархами патриарх назначил следующих лиц: «Гедион, епископ лвовский», «Кирил, митрополит сербский», «Епископ премыский», «Никифор Тур, архимандрит киевский монастыря Печерского» [4].

Тамим образом, с заключением унии Речь Посполитая оказалась перед фактом наличия двух церквей «восточного направления»: униатской греко-католической и собственно православной. Несомненно, разделение православной ветви на «своих» и греко-католиков было направлено на ослабление притязаний Московского патриархата на земли Юго-Западной Руси. Но такое решение не уравняло греко-католическую церковь с латинской (римской), которую Сигизмунд III всегда видел первенствующей. Например, епископы первой не допускались в сенат. Иными словами, православию фактически было определено место лишь для «ритуально-бытового» исповедания. Лишь на Варшавском сейме 1607 г. король подписал универсал, который вкупе с сеймовой конституцией подтвердил «прежние права Православной церкви» [9]. В частности, отмечалось, что «должности и добра духовные» не будут предоставлять никому другому, а только благородным народа русского mere (то есть чистой) религии греческой». Отобранное у Православной Церкви имущество (за

исключением конкретно перечисленных случаев) могло быть возвращено ей через суд. Церковным братствам возвращались их привилегии и права, а судебные процессы и приговоры в отношении духовных лиц подлежали кассации [10]. Но хотя Конституция 1609 г. признавала право православных «свободно и спокойно» пребывать на церковных должностях, используя соответствующие церковные владения [9], согласно ряду источников в том же году все 12 виленских православных храмов «были силой отобраны у православных и переданы королем в митрополита распоряжение» Киевского И Галицкого, управляющего Владимиро-Волынской епархией Ипатия Потея («за исключением Свято-Духовской церкви, возведенной на земле панов Воловичей»). От униатского духовенства было взято письменное обязательство верности унии и повиновения униатскому митрополиту. Документ подписали архимандриты виленский, минский, гроднененский и браславский; протопопы гроднененский, царисский, торчанский, любартовский новогрудский; священники жировицкий, лесокский, марковский, бабицкий, мозырский, новогрудский и двое минских [11].

Такое развитие событий, отдаляя территорию Юго-Западной Руси от влияния Московского патриархата, не могло не ослабить духовные связи православного населения Речи Посполитой с Москвой. Это привело к тому, что, по утверждению Н. Костомарова, постепенно русские элиты отступали «от своей религии, а вместе с тем и от своей народности». В связи с этим «русские паны стали для русского народа совершенно чужими и власть их получила вид как бы иноземного и иноверного порабощения». Там же, «где народ был бодрее и менее подвергался рабскому страху, уния трудно пускала свои корни». Поэтому православная религия «сделалась для русского народа знаменем свободы и противодействия панскому гнету». При этом Н. Костомаров отмечает также сдачу панами управления имениями «в аренды иудеям с полным правом панского господства над холопами». По его словам, «ничто так не тяготило и не оскорбляло русского народа, как власть иудеев» [12].

Постепенно греко-католическая (униатская) церковь укоренилась в западных областях сегодняшней Украины. По

словам известного американского историка Ричарда Пайпса, отказ значительного «православного населения» от присоединения к унии привел к «религиозному разделу», породившему «большую вражду между поляками и русскими», не позволив «литовско-польскому государству стать потенциальным средоточием национальных русских чаяний» [13].

В то же время, согласно Г. Флоровскому, уния означала «самовключение в западную традицию», подводя к «религиозно-культурному западничеству». Сопротивление этому могло быть лишь посредством верности «византийским и патриотическим преданиям». Неоценимую роль здесь сыграли братства, уставы которых утверждались Константинопольским патриархом. Постепенно организовывались школы, открывались типографии, издавались книги. Правда, «западно-русский литературный язык перегружен греческими словами. Весь дух преподавания был греческим» [1].

На царском престоле – Романовы

Тем временем Москва, ослабленная наступившим в 1598 г. 15-летним периодом Смутного времени, столкнулась с польскошведской интервенцией. В 1604 г. польские войска вступили в пределы Московского государства, что ознаменовало начало русско-польской войны 1605–1618 гг., сопровождавшейся молниеносной сменой внутриполитических декораций. В частности, в 1610 г. король Польши и великий князь Литовский Владислав, старший сын Сигизмунда III, при вошествии на московский трон обязался перейти в православие. Но признавшее его царем переходное правительство Московии – так называемая Семибоярщина — оказалось низложенным, и Владиславу не довелось воссесть на русский трон.

А в 1613 г. Земский собор ⁹⁶ принял решение об избрании нового царя в лице Михаила Романова, сына боярина Федора Романова (патриарха Московского Филарета) и боярыни Ксении Ивановны Романовой (урожденной Шестовой). В грамоте он был представлен как «великий государь Богом избранный» царь,

-

⁹⁶ Собрание представителей различных земель и сословий Северо-Западной Руси. – прим. авт.

«всеа Русии самодержец». При этом было отмечено, что от Бога «приимша земля наша Руская своими государи обладаема быти», — чем в очередной раз подчеркивалось происхождение московских царей («корень изыде») от «превысочайшего цесарского престола» и «корени Августа кесаря, обладающаго всею вселенною» [14]. Таким образом легализовывалось «царско-божественное» происхождение власти московских царей. Венчание Михаила Федоровича на царство произошло в том же году. Восхождение на царский трон династии Романовых ознаменовало новый этап в истории Руси.

- 1. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия http://www.vehi.net/florovsky/puti/02.html
- 2. Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов. Том V http://www.pseudology.org/History/ArchiveYZRussii/1_05a.pdf
- 3. Летопись Церковных событий и гражданских, поясняющих Церковныя. От Рождества Христова до 1879 года Архимандрита Арсения http://www.omolenko.com/istoria/history.htm?p=16
- 4. Баркулабовская (Варколабовская) летопись http://izbornyk.org.ua/psrl3235/lytov11.htm
- 5. Исторический текст 1595 г. с комментариями http://www.krotov.info/acts/16/3/15950601.html
- 6. Черниговская летопись http://litopys.org.ua/chernlet/chern01.htm
- 7. Жихевич Тадеуш. Иосафат Кунцевич мученик за единство Церкви griekukatoli.narod.ru/index156.htm
- 8. Русская Православная Церковь, 988–1988. Очерки истории I–XIX вв. http://www.sedmitza.ru/lib/text/436369/
- 9. Дмитриев М. Религиозные войны в Речи Посполитой? К вопросу о последствиях Брестской унии 1596 года http://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-voyny-v-rechipospolitoy-kvoprosu-o-posledstviyah-brestskoy-unii-1596-goda 10. Становище Православної Церкви в Речі Посполитій в 1596–1631 роках

http://apologet.kiev.ua/-1395859381/13-istoriia-tserkvy/petromogilamitropolit-kijivskiy/67------1596-1631-.html

- 11. Заключение унии. Церковь вне закона http://www.church.by/belorusskiy-ekzarhat/zakljuchenie-unii-cerkovvne-zakona
- 12. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom36.htm

- 13. Пайпс Р. Россия при старом режиме http://www.lib.ru/HISTORY/PAJPS/oldrussia.txt
- 14. Утвержденная Грамота об избрании на Московское Государство Михаила Федоровича Романова http://pokrov.ucoz.ru/gramota_1613.pdf

НА ПУТИ К НОВОМУ ФОРМАТУ ОТНОШЕНИЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ С МОСКОВСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

На политическом небосклоне – казаки

Приход на царство Михаила Романова не снял с повестки дня вопрос о воцарении на московский престол польского королевича Владислава. Для достижения этой цели в 1618 г. поляки решили воспользоваться помощью казаков.

Образование «военного сословия под названием казаков» Н. Костомаров определяет началом XVI в. [1]. Вместе с тем, первые известия о казаках, которых можно полагать непосредственно украинскими, относятся к последней трети XV в. Название «казаки» также применялось по отношению к татарским добытчикам и к степному населению в бассейне Дона. Согласно ряду источников, это тюркское слово, означавшее в тогдашнем употреблении легковооруженного добытчика, лишь спустя век вошло в обиход как название известной группы украинского населения, нового украинского сословия.

На протяжении XVI в. численность казаков начинает расти, первоначально включая в свой состав в основном беглых крестьян. Вскоре местная шляхта призвала правительство и сейм рассмотреть вопрос о превращении казаков в полувоенную касту для защиты восточных и юго-восточных границ Речи Посполитой. Отстаивавшие эту идею магнаты были выходцами из немногих оставшихся неополяченными православных родов украинской знати. Им же принадлежала инициатива создания в первой четверти XVI в. форта на о. Малая Хортица путем объединения разрозненных казацких ватаг, что привело к возникновению Запорожской Сечи — колыбели украинского казачества.

Запорожское казачество оказалось своеобразной республикой с кошевым атаманом во главе, где все имели равные права, участвуя в общих советах — радах, созывавшихся по тому или иному поводу.

В 1572 г. польская власть приняла на службу определенное количество казаков, занесенных в реестр. За свою службу они

получали плату, подчинялись коронному гетману и освобождались от налогов.

К началу XVII в. существовало три категории казачества: реестровое казачество, запорожское казачество и нереестровое казачество, которое проживало в городах пограничья, вело казацкий образ жизни, но не имело официально признанного статуса. В целом, казачество стало силой, занявшей место ушедшей полонизированной элиты [2/a, б].

В начале рассматриваемого периода казачье войско возглавил православный шляхтич Петр Сагайдачный, объявивший себя в 1606 г. гетманом всего войска Запорожского.

Казаки в контакте с Москвой

Деулинское перемирие 1618 г. между Московским государством и Речью Посполитой привело к утрате первым Смоленска, черниговской и северской земель, и, соответственно, выхода к Финскому заливу. Однако спустя чуть более года казаки, ранее воевавшие на стороне Польши против против крымских татар, перешли на сторону Москвы. В 1620 г. П. Сагайдачный направил туда послов для выражения готовности запорожских казаков служить царю. По всей видимости, стороны пришли к согласию.

Первым делом войско Запорожское вступило в Киевское (Богоявленское) братство, которое было образовано в 1615 г. при православных церквах Киева и объединило на антиуниатско-антикатолической основе всех горожан и духовенство. В том же году П. Сагайдачный провел значимую операцию в пользу Москвы — причем не на военном, а на религиозном поле.

Дело в том, что в 1619 г. Иерусалимский патриарх Феофан III рукоположил в Московского патриарха Филарета, отца царя Михаила Романова. Русский военный инженер Александр Ригельман, обучавшийся в шляхетском кадетском инженерном корпусе, отмечает, что, возвращаясь из Москвы «чрез Киев», Феофан «по прошению Петра Сагайдачного, тако ж шляхетства исповедания греко-восточного», посвятил «во все епархии, униятскими епископами отнятые, архиереев благочестивых» [3].

Украинский летописный свод конца XVI – начала XVII вв., так называемая Густынская летопись, подтверждает наличие этой просьбы: «Моляху святителя Патриарха все благочестивые, да им оставит святыню, да посвятит им епископы» [4].

Однако вряд ли все это происходило без предварительных договоренностей. Иначе Иерусалимский патриарх не пошел бы на несанкционированный контакт с казаками. По всей видимости, еще в Москве глава отправленного П. Сагайдачным посольства атаман Петр Одинец встречался с Феофаном, да к тому же не один на один. Наверняка и позже имели место определенные контакты казаков с Москвой, поскольку именно они встретили патриарха во время его приезда из Москвы в Украину в марте 1620 г., «обточиша его стражбою, яки пчелы матицу свою» [4].

Следовательно, П. Сагайдачный обеспечивал личную безопасность Феофана III. По-видимому, его команда прекрасно справилась с задачей, и в отправленном в апреле послании для П. Сагайдачного Москва дала добро на предложение казаков о службе царю. При этом было даже выделено «лехкое наше жалованье 300 рублев денег» с обещанием увеличить оплату «смотря по вашей службе» [5].

Как показывают дальнейшие события, группа П. Сагайдачного блестяще обеспечила также организационную подготовку и проведение процесса рукоположения Феофаном православных епископов: «Патриарху взяша на рамена и опеку свою, благоч(с)тивоево(й) ско,гетманъ, гл~емы(й) петръ сагайдачный; избраша бо на метрополію киевскую Иова Борецкого, їгумена мн(с)тыря ст~ого архистратига Михаила Золотоверхого <...> отца їсаию пост~иша на премы(с)кое епископство» и др. [4].

Речь идет об октябрьском рукоположении митрополита Киевского и Галичского Иова Борецкого, епископа Перемышльского и Самборского Исайи Копинского и прочих на вакантные кафедры православной Киевской митрополии. Тем самым при активном участии казаков в Юго-Западной Руси была восстановлена православная исархия.

Добро на православие – мнимое?

В этой связи, однако, возникает вполне резонный вопрос: неужели власти Речи Посполитой не были в курсе такого архиважного действа, тем более что фактически все православное движение на территории страны находилось в поле пристального зрения соответствующих государственных веломств?

3 сентября 1620 г. польский гетман Станислав Жолкевский, при поддержке молдавского князя Гаспера Грациани, приступил к военным действиям против османских войск. Но уже 20 сентября началось отступление поляков. В начале октября лагерь поляков близ Могилева был атакован османами, гетман погиб. Столкнувшись с угрозой их дальнейшего продвижения вглубь страны, Сигизмунд III объявил о созыве сейма. В этот момент патриарх Иерусалимский Феофан III и провел акцию по рукоположению епископов. В таком случае, возможно ли было ее неофициальное санкционирование властями? И если да, то на каких условиях?

Выдающийся российский историк С. Соловьев приводит отрывок из выступления православного депутата, чашника Волынского воеводства Лаврентия Древинского на сейме, открывшемся в начале ноября в Варшаве, где он, в частности, отметил: «В войне турецкой ваше королевское величество едва ли не большую часть ратных людей потребуете от народа русского греческой веры» [6]. Это заявление несомненно прозвучало не на пустом месте.

Принятое же сеймом решение об увеличении казацкого реестра до 20 тыс. человек, с выделением для него 100 тыс. злотых, должных быть собранными с шляхты [7], расставляет, пожалуй, все точки над «и»: между королем и «казацкоправославным» тандемом состоялось неафишируемое соглашение о легализации православной иерархии в обмен на союз против османов. Несмотря на то, что было сказано Л. Древинским о «великих притеснениях русского народа», запечатанности церквей, имения которых расхищены [6], стороны поняли друг друга. Сейм гарантировал конституцию 1607 г. И хотя после Феофанова рукоположения епископы «не могли инако, как тайно, в епархии свои для паствы своей въезжать, почему они в Киеве и по монастырям малороссийским принуждены больше проживать, ибо король» повелел «ловить их и казни предавать» [3], уже в 1621 г., находясь под защитой казаков, митрополит Иов созвал собор, провозгласивший задачи сохранения в Речи Посполитой чистоты догматики православия, а также ограждения населения от преследований римокатоликов и униатов.

Принятые на соборе 24 правила предписывали духовным лидерам убеждать паству в спасительной роли православия в условиях искажения католичеством истины Евангелия. Приветствовалось и создание трудов в защиту православия, усиление связей с православным Востоком, прежде всего с Константинопольским патриархатом.

Безусловно, призыв к осуществлению этих правил далеко не означал полного признания прав «чужих». Но изменение «религиозного вектора» в государстве вскоре почувствовали и униаты. К рассматриваемому периоду Украинская грекокатолическая церковь укрепилась в исторических областях Восточной Галиции, Буковины, Закарпатья и Волыни. Но хотя она и получила все полномочия Восточной церкви в стране, главенствовала на православных епископских кафедрах и контролировала значительную частью церквей и монастырей, удостаивать ее правового равенства с католичеством никто не собирался. В геополитическом контексте это представлялось более чем логичным - в условиях антироссийской внешней политики власти имели все основания опасаться появления в ее лице «пятой колонны». К слову, на созванном униатами в 1626 г. соборе в Кобрине был поднят вопрос о необходимости добиться исполнения польским королем обязательств 1596 г., и было решено направить папскому нунцию жалобу о притеснении латинской иерархии. стороны униатов co приглашения на примечательным оказался факт православных епископов, с которыми обсуждалась возможность нового объединения. Через три года во Львове открылся очередной собор с «объединительной» повесткой дня, но закончился он столь же безрезультатно.

Укрепление в Речи Посполитой православной ветви с... латинским акиентом

Православные лидеры по-прежнему взаимодействовали с Москвой. Исаия Копинский, получивший в 1631 г. сан митрополита Киевского вкупе титулом «экзарх Константинопольского трона», поддерживал переписку с Филаретом, ставя его в известность о случаях притеснения православных. Французский инженер и военный картограф Гийом Левассер де Боплан, находившийся в 1630/40-х гг. на польской службе, описывая жителей восточных областей сегодняшней Украины, отмечал, что они следуют «греческой вере», называемой «русскою», почитают «праздничные дни и соблюдение постов». Но это не было характерно для всех социальных слоев: немногочисленные дворяне «по-видимому, стыдятся исповедовать иную веру, кроме латинской, в которую они переходят все более и более, не смотря на то, что вся знать и все те, которые носят имя князей, происходят от православных». Де Боплан подчеркивал «безграничную власть» польской знати «не только над их имуществам, но и жизнью», вследствие чего многие «уходят на Запорожье» [8].

В 1632 г., воспользовавшись периодом кратковременной «пустоты» польского трона — Сигизмунд III к тому времени уже умер, а Владислав IV еще не заступил на его место, — Московский Земский собор объявил королевству войну. Осенью русские войска приблизились к Смоленску. Как и во время событий 1620 г., в Польше вновь созывается сейм, и к концу года заполучивший королевство Владислав подписал «Статьи по успокоению народа русского греческой религии», де-факто признав Киевскую митрополию во всей канонической полноте. Тем самым была признана легитимность православной церкви.

Важным нюансом стала необходимость заместить все епископские кафедры. Что и было сделано – причем самим же сеймом, с утверждением «списка» королем. Так на место митрополита Киевского Исайи Копинского заступил Петр Могила. Его предшественник не слишком охотно расстался с престолом, тем более что между ним и Петром существовали определенные трения из-за различий в отношении к традициям Восточной Ранее Петр являлся церкви. архимандритом КиевоПечерской лавры, номинально подчинявшимся Константинопольскому патриарху, но не киевскому

митрополиту. Он открыл при Киевской лавре высшее училище «для преподавания свободных наук на греческом, славянском и латинском языках» — вне Киевского братства. До заступления на новый престол Петр добился получения от Константинопольского патриарха Кирилла I Лукариса титула «экзарх святаго апостольскаго Константинопольскаго трону».

По мнению Г. Флоровского, в бытность Петра митрополитом Киевским «западно-русская Церковь выходит из растерянности и дезорганизации», но все «пронизано чуждым, латинским духом». Используя термин «романизация православия», богослов говорит о практическом строительстве «латинской и латинствующей школы», где латинизиции «подвергается не только обряд и язык», но и в целом «богословие, мировоззрение, религиозная психология», что латинизирует «саму душу народа». Поэтому, подчеркивая «каноническую независимость» православия, историк, в то же время, указывает на возникновение «чуждой и искусственной» традиции вследствие прерывания «восточных связей».

Вместе с тем, Г. Флоровский считает «неверным» обвинять в этом «одного Могилу», поскольку «процесс начался до него» и он «скорее выражал дух времени, чем прорубал новые пути» [9].

В конце концов, непосредственно П. Могила возглавлял православную делегацию на польском сейме 1632 г., созванном для избрания нового короля Владислава IV [10]. Позиция П. Могилы могла определяться стремлением добиться реального религиозного суверенитета для киевского престола, как от католического Рима, так и от православной Москвы, поскольку латинская направленность богослужения отдаляла «киевлян» от Московской митрополии. Но и Папа не мог считать Киев определенно «своим» — последний, даже будучи пропитан «латинизмом», сохранял православный облик.

Тем временем в борьбу за влияние на восточную ветвь христианства включилось оппозиционное Риму молодое протестантское движение.

Петр Могила против протестантских веяний в православии

Исследователь Й. Майер показывает, как усиливающиеся с начала XVII в. протестантские Нидерданды и Англия начинают католическую Францию. теснить частности, константинопольском направлении, где под воздействием в том числе «известного протестанта», немецко-нидерландского купца Давида де Вильхема Константинопольский патриархат «все больше склоняется к кальвинизму». Так, патриарх Кирилл I (Лукарис) неловольство выказывал постоянными «заигрываниями» с Римом Константинопольского престола, «не противостоящего римско-католическому влиянию православие», и сетовал на то, что православная церковь отводит Писанию «слишком незначительное место» [11].

Апофеозом этих настроений явилось приписываемое ему «Восточное исповедание христианской веры», которое вышло в 1629 г. на латинском языке, а спустя два года и на греческом, и было созвучно своей сути основным ПО положениям протестантизма. К примеру, патриарх православных истолковывал веру в Божественное предопределение как наличие избранных «не по делам их», а благоволением Господа, соглашаясь, что Всевышний «прежде создания мира отверг тех, кого отверг». Также Кирилл I признал оправдание человека «верою, а не делами», а в том, что касается икон, «служить не творению, но одному только Творцу» и лишь «Его одного почитать». Признавая право «любого желающего» иметь «изображения Христа и святых», поклонение им он назвал «ненавистным» [12].

Говоря другими словами, все «Исповедание» проникнуто духом протестантизма, в связи с чем Константинопольский собор 1638 г. подверг резкой критике Кирилла и его труд – в общей сложности, как «еретик» Кирилл I был осужден на шести православных соборах.

Разумеется, католический мир не мог быть молчаливым свидетелем происходящего. Так, для недопущения «реформаторства» православного престола «пользовавшиеся в Константинополе большим влиянием иезуиты» [12] добились от султана ссылки Кирилла. А затем «подставили» его, обвинив в предательстве, вследствие чего султан приказал избавиться от патриарха.

П. Могила по логике вещей должен был что-то предпринять – ведь титул экзарха Константинопольского трона ему присвоил сам патриарх Кирилл. Итак, П. Могила в 1640 г. представил свое «Православное исповедание веры» на латинском языке сначала Киевскому собору, а через три года – общевосточному собору в Яссах. Различные источники отмечают определенные проблемы, процессе принятия соборами возникавиие В «Исповедания», поскольку в нем имелись «усвоенные от школ формулировки»: учение о креационная теория происхождения человеческих душ и другие. Тем самым «Исповедание» П. Могилы, в отличие от кириллового, несло «латино-римский [отпечаток] толкований церковных догматов», что отдельные эксперты обосновывают его стремлением «окончательно отбросить [их] кальвинское понимание» [13].

Наверное, в православном мире не стоит ожидать единой оценки деятельности П. Могилы, при участии которого был основан крупнейший в Украине центр просвещения — Киево-Могилянская академия. Одни считают многие из его действий «нововведениями» в пользу папского престола. По мнению Флоровского, происходившее являлось «псевдоморфозой религиозного сознания, православной мысли» [9].

Другие акцентируют внимание на «восстановлении» П. Могилой православия на территории современных Украины и Беларуси. Поэтому здесь вряд ли возможна усредненная оценка.

Тем временем, согласно Поляновскому миру, подписанному в 1634 г. между Москвой и Речью Посполитой, последняя обязывалась вывести войска за пределы России, а Владислав IV отказывался от претензий на московский трон. Поляки не добились разрешения на строительство католических костелов в Московском государстве. Не довелось быть исполненным и их предложению о смене подписи русского самодержца Михаила с «царь всея Руси» на «царь своей Руси».

Богдан Хмельницкий в поиске союзников

В 1648 г. гетманом войска запорожского был избран Богдан Хмельницкий. В том же году пошел он «войной на ляхов ⁹⁷»; «соединился с татарами и выгнал ляхов со всей Украины; того ж года мая 8 побил очень много ляхов на Жовтой Воде» [14].

Это антипольское восстание, осуществленное при поддержке Крымского ханства, привело к освобождению в течение нескольких месяцев всей территории Левобережья Украины, правобережных воеводств (Брацлавского, Киевского Подольского), а вскоре всей Волыни и большей части Подолии. По результатам военных действий летом 1649 г. был подписан документ, так называемый Зборовский договор, согласно которому Украина получала автономию в составе Брацлавского, Киевского и Черниговского воеводств, на территории которых власть принадлежала гетману (с резиденцией в г. Чигирине), на все административные должности назначались православные шляхтичи, численность реестрового войска увеличивалась до 40 тыс., а митрополиту Киевскому обещано было место в сенате (Речи Посполитой). В Киеве и других городах не имели права жить и организовывать свои школы иезуиты, запрещалось прибывать туда евреям, за исключением «купеческих дел» [15].

В то же время, украинский исследователь В. Бровко приводит иное название договора — «Декларация милости короля данной на пункты прошения войска Запорожского», заявляя, что именно она изначально предполагалась для утверждения на осеннем сейме. Среди важнейших пунктов декларации значились принятие Яном II Казимиром, ставшим с конца 1648 г. королем Польским и Великим князем Литовским, войска Запорожского «в свою милость при всех давних вольностях» и назначение правителем Б. Хмельницкого, принесшего ему присягу, «делая его верным слугой своим и Речи Посполитой».

По словам В. Бровко, наиболее опасным для престижа и репутации гетмана и всего гетманского правления на Украине было его соглашение «с разрешением Польского короля Крымскому хану о взятии ясыря ⁹⁸ из украинских земель, отошедших под контроль Б. Хмельницкого» [16].

_

 $^{^{97}}$ Поляков. — прим. авт.

⁹⁸ Населения в рабство. – прим. авт.

Что касается вопросов о ликвидации унии одновременно с возвращением православной церкви захваченного у нее имущества, то их решение откладывалось до следующего сейма. Однако на ноябрьском его заседании были утверждены все пункты «Декларации» за исключением ликвидации унии. При этом Киевский митрополит даже не был допущен на слушания.

Безусловно, такие манипуляции поляков вынуждали Б. Хмельницкого искать внешнюю поддержку. Происходило это на фоне определенного взаимопонимания между Яном Казимиром и крымским ханом Исламом Гиреем. Так, в 1650 г. в ответ на послание короля хан призвал его усердно стараться «провести необходимые военные приготовления», чтобы выступить весной следующего года «общими силами». Речь шла о совместных действиях против Москвы, так как Ислам Гирей озвучил желание «получить обратно астраханские, казанские и другие орды магометанской веры, принадлежавшие нам сто лет тому назад» [17].

Б. Хмельницкий же периодически искал прямых контактов с Османской империей, намереваясь приобрести в ней антипольскую опору. В 1650 г. османский султан Мехмет IV Авджи заявил, что если гетман предаст себя «под крылья и протекцию» османов, «Высокая Порта принимает вас». В связи с этим султан, сообщив о данном Исламу Гирею указании, «дабы он никогда на польскую сторону не обращал свои очи», подчеркнул, что пока войска Б. Хмельницкого будут верны султану, крымский хан «вас не подведет» [18].

Уже в начале 1651 г. османский визирь Мелех Ахмед паша сообщил Б. Хмельницкому о наличии приказа Исламу Гирею об оказании помощи украинскому войску в войне против Речи Посполитой. Однако после вторжения польских войск в пределы Браславской области в Берестецкой битве казацко-крымское войско потерпело поражение: «В году 1651 князь Радивил⁹⁹ к Киеву пришел и город спалил» [14]. Белоцерковский договор того же года признал казацкой территорией лишь Киевское воеводство, с подчинением украинского гетмана польскому

⁹⁹ Януш Радзивилл, будущий Великий гетман Литовский. – прим. авт.

коронному гетману без права внешних сношений. Союз с крымским ханом подлежал расторжению.

Как следствие, в $1652~\mathrm{r.}$ Б. Хмельницкий поворачивается в сторону Москвы.

Войско Запорожское и Москва

В письме занявшему к тому времени царский трон Алексею I Михайловичу Тишайшему Б. Хмельницкий делает акцент на конфессиональной составляющей, говоря, что «неприятелем же тем, которые так веру нашу, церкви божий, как и нас самых християн изнищити и искоренити желают, не изволь ваше царское величество верить и помочи на православие давать», православным «всякими мерами пособляти покорно просим. А ныне сами себе со всем Войском Запорожским в милостивое жалованье вашего царского величества прилежне вручаем» [19].

Земский собор, состоявшийся в 1653 г. в Москве, на основании того, что «вся Речь Посполитая» восстала на православие, а Ян Казимир церкви «многие разорил, а в-ыных униею учинил», а также в целях недопущения запорожцев, которые «стали ныне присягою королевскою вольные люди», в «подданство турскому салтану или крымскому хану», принял решение об изволении Алексеем Михайловичем взять Войско Запорожское «з городами их и з землями» под «свою государскую высокую руку» [20].

Для приведения жителей «Малой Руси» к присяге царю было образовано Московское посольство, возглавляемое Василием Бутурлиным. По словам его членов, на состоявшейся в начале 1654 г. Переяславской раде «весь народ возопил: волим под царя восточного, православного, крепкою рукою в нашей благочестивой вере умирати, нежели ненавистнику христову поганину достати». После этого, согласно писарю Ивану Выговскому, «казаки и мещане все под государеву высокую руку подклонились». По сведениям членов Московского посольства, И. Выговской назвал милостью то, что как и «при великом князе Владимире, так же и ныне сродник их, великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец, призрил на свою государеву отчину Киев и на всю Малую Русь»

— «вечное их государского величества». На этом фоне была засвидетельствована радость «служить» царю и готовность «головы свои за его государское многолетное здоровье складывать» [21].

По итогам Переяславской рады Б. Хмельницкий выразил благодарность «Богу милостивому» и Алексею Михайловичу, «промыслом божиим и милостию неизчетною» принявшего под крепкую «государскую» руку «верных слуг своих» [22].

В ответ на что царь сообщил: изволение «принять вас» под «высокую руку» основано не на пустом месте, благо вы «служити нам, великому государю, обещались до века» [23].

Б. Хмельницкому наказывалось «будучи в нашей государской милости, нам, великому государю, служить, и прямить», не прельщаясь «на польского короля и сенаторей». Обосновывалось это тем, что в отличие от последних, которые никогда «на правде не стоят, а ищут всякого зла», Москва «вас, православных християн, во всякой нашей государской милости содержати хотим». При этом подтверждалось сохранение за запорожцами прежних прав и привилегий [24].

Таким образом, с середины XVII века возник новый формат взаимоотношений Левобережной Украины с Московским государством, приведя к значительному изменению геополитической конфигурации во всей Европе.

Казаки между Москвой и Польшей

Первым последствием вышеупомянутых событий стала очередная московско-польская война 1654 г., в которой активно участвовали и казаки.

Вскоре войну Речи Посполитой объявила укреплявшаяся Швеция, которая претендовала на значительные польские территории. Ввиду захвата Московским государством почти всей Литвы и украинских земель, находившихся в составе Польши, Ян Казимир вынужден был предложить царю Алексею перемирие. Возможно, Москва приостановила не наступление, однако признание Великим гетманом Литовским Янушом Радзивиллом власти Швеции над Великим княжеством Литовским создавало сложности ДЛЯ царя, лишая

северозападную Русь «литовских» завоеваний. Поэтому начало московскопольских переговоров в рамках Виленского перемирия было вполне логичным шагом.

Однако такое развитие событий пришлось не по душе Б. Хмельницкому, который призвал Алексея Михайловича не верить «прехитрым ляхом, разумея их хитрости». В то же время, отвечая на вопрос царя о предпочтительных границах будущей Украины, Б. Хмельницкий возжелал, чтобы «рубеж княжества Росийского по Вислу реку был, аж до венгерские границы» [25].

Исходили эти территориальные претензии от самого Б. Хмельницкого или были озвучены им от имени Москвы, но факт остается фактом — речь зашла о распространении интересов Московского государства и на Западную Украину.

Однако вскоре Б. Хмельницкий нашел себе новых союзников. В связи с недопущением представителей казаков на московско-польские переговоры и распространением известий о согласии Москвы на передачу Гетманщины полякам Б. Хмельницкий в конце 1656 г. заключил антипольский союз со Швецией. Но когда Польша озвучила возможность наследования Алексеем Михайловичем польского трона, казаки устами Б. Хмельницкого поддержали это решение, высказав желание, «чтоб царское величество, как царь православный, под крепкую свою руку Коруну Польскую принял» [26].

Но ситуация резко поменялась с избранием старшинской радой в Корсуне («при закрытых воротах») гетманом Ивана Выговского. Белорусский историк В. Кохнович оценивает это событие как переворот, поскольку «Украина из монархии превратилась в олигархическую республику по образу Речи Посполитой». По его словам, «легитимность узурпации» утверждалась присутствием на раде послов ряда государств, включая Москву. И. Выговский разорвал Переяславский договор, подписав в 1658 г. с Польшей Гадячский трактат о возвращении украинских земель в состав польско-литовского государства. Этот договор, который номинально признавал Украину в составе Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств «Великим княжеством Русским», то бишь «субъектом обновленной Речи Посполитой» наряду с Польшей и Великим княжеством Литовским , а также уравнивал православное

вероисповедание с католическим, тем самым фактически заменял суверенитет казачества на автономию в рамках польсколитовского государства. Но и при этом польский сейм договор не ратифицировал [27].

Поэтому нет ничего удивительного в падении И. Выговского и избрании гетманом Юрия, сына Б. Хмельницкого. Предложенный последним проект договора, определявший принципы союза с Москвой, включал отмену московских гарнизонов в украинских городах, кроме Киева, а также подчинение гетману всех московских войск, направлявшихся на Украину, и другие аспекты, касающиеся самоуправления.

Однако в 1659 г. подписан был документ, подготовленный Москвой, известный как «Переяславские статьи» и имевший в корне иное содержание. Согласно этому документу казакам запрещалось переизбирать гетмана без санкции царя и иметь дипломатические отношения с зарубежными государствами. Московские гарнизоны и воеводы должны были расквартировываться в Переяславе и других местах на средства украинского населения. Киевская митрополия подчинялась Московскому патриарху без дозволения принимать посвящение от Константинопольского патриарха и т. д. [28]. Тем самым Украина теряла самостоятельность.

Москва же, заключив к концу года трехлетнее перемирие со Швецией, вновь получила возможность для войны с Речью Посполитой и поначалу вела ее успешно. Но спустя год поляки при поддержке крымских татар и казацких сил одержали над Москвой победу. Вследствие чего Ю. Хмельницкий, разорвав политический союз с Москвой, в 1560 г. заключил договор с Речью Посполитой, именуемый Слободищенским трактатом, согласно которому Украина становилась автономией, возглавляемой гетманом, а украинские войска обязались принимать участие в военных действиях польской армии против Московского царства, не предпринимая нападений на Крымское ханство.

Если пропольская казаческая рада в Корсуне одобрила Слободищенский трактат, то промосковские левобережные полки его условий не приняли. Это предопределило раздел

Гетманского государства на левобережную и правобережную части, каждая из которых подчинялась «своему» гетману [29].

Украина раскололась государственных Так на два образования по принципу внешнеполитических пристрастий. Речи Посполитой И Москвы территориями неподчинявшимися ИМ оказались безрезультатными, после чего между сторонами был подписано Андрусовское перемирие.

Накануне его заключения, в 1666 г. Москву посетила польская делегация во главе с генералом Станиславом Биеневским. Во время беседы с гостями московский дипломат Афанасий Ордин-Нащокин, признавая необходимость «нерушимо и навеки» сохранять свободу поляков, включая «ваши древние обычаи», «разумное безобидное» предложение довел И Михайловича подумать о пользе «благополучию нашему и вашему народу и христианской вашей республике» в случае, если польский королевский престол будет отдан сыну царя. Сторонниками единодержавия «над двумя государствами» были определены его принципы. Послы учтиво сослались на необходимость посоветоваться «светлейшим co своим величеством» [30].

Пункт о единодержавии по вполне объяснимым причинам не вошел в итоговый вариант перемирия, заключенного на 13,5 лет, определенных сроком подготовки условий «Вечного мира» между сторонами. По условиям «Вечного мира» к Московскому государству отошли Смоленское и Черниговское воеводства, Стародубский повет (уезд) и Левобережная Украина. Под властью Речи Посполитой оказались Беларусь, Правобережная Украина и ряд других территорий. Для Запорожья было учреждено совместное русско-польское управление. Киев передавался Москве на двухлетний срок, но по его истечении возвращен не был [31].

Таким образом, раскол Украины перешел в еще более «официальный» формат.

Вместе с тем, по окончании польско-московских переговоров 1666 г. с поляками встретились Антиохийский и Александрийский патриархи. Эта беседа представляется важной отнюдь не из-за обращения иерархов к польским послам с

просьбой «ходатайствовать при светлейшем короле вашем и республике о восстановлении союза между обеими церквами». Согласно источникам, «прибыли же оба сии патриархи в недавнем перед тем времени в столичный город Московии для низложения московского патриарха, обвиняемого в поползновении к изменению священных догматов и в прежней его наклонности вмешиваться в гражданские дела» [30].

Речь здесь идет о московском патриархе Никоне, самовольно покинувшем свою кафедру. И этот нюанс свидетельствует о важнейших процессах, происходивших в тот период внутри Московского государства.

1. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom36.htm

- 2. Возникновение и эволюция казачества a/ http://www.timeshistory.ru/historys-296-1.html 6/ http://www.timeshistory.ru/historys-296-2.html
- 3. Рігельман Олександр. Літописна оповідь про Малу Росію та іі народ і козаків узагалі (Летописное повествование о Малой России)

http://litopys.org.ua/rigel/rig04.htm

4. Густынская летопись http://litopys.org.ua/gustmon/gusm.pdf

5. Грамота царя Михаила Федоровича гетману П. Сагайдачному

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620164 0/300let_voss/1-20/2.htm

- 6. Соловьев С. М. История России с древнейших времен http://az.lib.ru/s/solowxew_sergej_mihajlowich/text_1100.shtml
- 7. См.: В борьбе за волю

http://www.tovtry.com/en/tur/ex/freedom.html

- 8. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text1.phtml?id=189
- 9. Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия http://www.vehi.net/florovsky/puti/02.html
- 10. Петр Могила (1596–1647 гг.). В проекте: Сто великих украинцев

http://history.vn.ua/book/person/23.html

11. Проф. Й. А. Мейер. Жизнь и деятельность Кирилла Лукариса

http://www.reformed.ru/articles/misc/lukaris-activities.html

12. Кирилл Лукарис, патриарх Константинопольский.

Восточное исповедание христианской веры,

Константинополь, 1631 г.

http://calvinism.ru/eastern.htm

13. Митрополит Петр Могила (1632–1647 гг.)

http://www.biblicalstudies.ru/Books/Kartash12.html

14. Межигорская летопись (XVIII в.)

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1700-1720/Mezigor_let/text.htm

15. Подписание Зборовского Договора и его Основные Условия

http://histua.com/ru/knigi/aktualni-problemi-istorii-ukraini-kurslekciie/pidpisannya-zborivskogo-dogovoru-ta-jogo-osnovni-umovi

- 16. Бровко В. Присоединение Крымского ханства к росийской империи и современная геополитика http://www.narodnapravda.com.ua/politics/4824b29ca7b58/
- 17. Письмо крымского хана Ислам Гирея польскому королю http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/121-140/134.htm
- 18. Письмо султана Мехмета Богдану Хмельницкому http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1640-1660/Vojna1/121-140/140.htm
- 19. Письмо к царю Алексею Михайловичу гетмана Богдана Хмельницкого

http://his95.narod.ru/doc00/bh1.htm

20. Решение Земского собора о воссоединении Украины с Россией

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620164 0/300let voss/101-120/101.htm

21. Из статейного списка русского посольства во главе с В. Бутурлиным о торжественной встрече послов населением Украины

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620164 0/300let_voss/101-120/105.htm

22. Письмо Богдана Хмельницкого Переяслава царю Алексею Михайловичу

http://ukrhist.at.ua/publ/16-1-0-141

23. Грамота царя Алексея Михайловича гетману Богдану Хмельницкому о принятии Украины в состав Русского государства

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620-1640/300let_voss/101-120/109.htm

24. Грамота царя Алексея Михайловича Богдану Хмельницкому с подтверждением всех прав и вольностей Запорожского Войска

 $http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVII/1620164\\ 0/300let_voss/101-120/112.htm$

25. Ответная грамота Богдана Хмельницкого царю Алексею Михайловичу от 12 июня 1656 г.

http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1640-1660/AlexejI/gramoty_Bogdan_1656.htm

26. Цит. по: Гадячский договор 1658

http://dictionnaire.sensagent.leparisien.fr/%D0%93%D0%B0%D0%B4%D1%8F%D1%87%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%B4%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BE%D0%BE%D0%BE%D0%B

- 27. Кохнович В. А. Освободительная война украинского народа под предводительством Б. Хмельницкого. http://hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/hist/5_kurs/Kohnovich/Glava13.pdf
- 28. Переяславские статьи (1659)

http://nado.znate.ru/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1 %8F%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D1%81%D0%BA %D0%B8%D0%B5_%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D1 %8C%D0%B8_(1659)

29. Слободищенский трактат 1660 г.

http://ua.convdocs.org/docs/index-39788.html?page=8

30. Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию

http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Polsk_Posol/frametext.htm

31. Русско-польская война 1653—1667 гг. http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/07642eb4-d6ef-edd68a3c-7fda288f67b2/1011543A.htm

НИКОНОВСКИЕ РЕФОРМЫ КАК ДУХОВНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ОБЩЕМИРОВОГО ПРАВОСЛАВНОГО ГЛАВЕНСТВА МОСКВЫ

Почему реформы?

На исторической арене фигура Никона возникла в 1646 г., когда он стал архимандритом Новоспасского монастыря. Никон вошел в созданную при дворе царя группу духовных и светских лиц, которую русский писателель XIX—XX вв. Николай Каптерев, занимавший кафедру всеобщей истории Московской духовной академии, назвал кружком «ревнителей благочестия». Нередко их также именуют боголюбцами. В ней состояли духовник царя Алексея Михайловича (Тишайшего), протопоп Благовещенского собора Стефан Вонифатьев, царский окольничий Федор Ртищев, протопоп Казанского собора Иоанн Неронов, протопоп храма в Юрьевце-Поволжском Аввакум и другие.

Сергей Зеньковский, выдающийся русский славист и историк XX в., работавший в США и Германии, писал, что члены кружка пребывали в ожидании времени, когда «вся Россия, весь русский народ будет благоговейно предстоять перед великой тайной преосуществления святых даров». Когда же страна «со всей силой веры сознательно причастится телу Христову», начнется осуществление «вечного Царства Божия на православной земле, в Третьем и Последнем Риме» [1].

В этой связи Н. Каптерев обращает внимание на то, что «в церковных грекофильских стремлениях» царя не последнюю роль играли политические мотивы, поскольку самодержец «считал себя преемником древних благочестивых греческих императоров не только в делах веры и благочестия, но и законным наследником царства». Алексей Михайлович Тишайший был убежден, что ему или его наследникам суждено будущем «действительно владеть В Константинополем всеми православными и томящимися под турецким игом», в свете чего «церковное

единение он считал первой и необходимой ступенью будущего политического единения» [2].

В свою очередь, церковный историк и публицист, регент Спасского собора Андроникова монастыря в Москве Борис Кутузов, называя рассмотрение государем реформы для достижения церковного единообразия по греческому стандарту «первой ступенью в осуществлении его глобальных политических замыслов — создание Великой Греко-Российской Восточной империи», оценивает такую идею как политическую наивность, что являлось «бедой не только России, но и вселенского православия» [3]. В любом случае, идеология образования «Великой империи», возглавляемой московским самодержцем, явилась причиной спешной унификации русской и греческой церковной практики. Впоследствии она была названа никоновской реформой, главный пункт которой заключался в изменении обрядовой традиции, существовавшей в то время Московском государстве.

По всей видимости, во главе реформы — и в идеологическом, и в практическом плане — Алексей Михайлович изначально видел Никона, избранного в 1652 г. Собором архиереев и духовенства Патриархом Московским и всея Руси.

Естественно, Москва была заинтересована в получении согласия Константинополя, и Вселенский Патриарх Афанасий III Пателларий в челобитной самодержцу не преминул заявить, что «ныне на земле Царь учинился всем православным христианам». Исключительно «тебя, Великого Государя, мы имеем столп и утверждение веры, и помощника в бедах, и прибежище нам, и освобождение», а Никону — «освещать соборную апостольскую церковь Софии», что в Константинополе [4]. Первым шагом к претворению идеи «правопреемничества» становились реформы в конфессиональной сфере, в частности унификация обрядов между церквами Москвы и Константинополя. Непосредственно Афанасий III также призвал к видоизменению богослужения в Северо-Западной Руси.

Оттенки реформы

Необходимостью унификации обрядов объяснялся приоритет пунктов реформы Никона, касавшихся замены части земных поклонов во время молитвы прп. Ефрема Сирина на поясные; троеперстного сложения при крестном знамении вместо принятого на Руси двуперстного; произнесения славословия Богу «алилуйя» не дважды и т. д.

Основываясь на узаконивании Стоглавым собором 1551 г. двоеперстного сложения и сугубой аллилуи с возобладанием ученого типа церковнославянского языка в Московской церкви, многие исследователи периода никоновской реформы утверждают, что ее сущность состояла лишь в видоизменении обряда и не затрагивала основ православия.

Как бы то ни было, реформа началась с видоизменения способа сложения перстов при совершении крестного знамения. Весьма примечательно, что некоторые исследователи видят истоки идеи троеперстия в предыистории. Так, известный русский филолог XX века Б. Успенский ссылается на записки жителя города Констанца Ульриха фон Рихенталя о Констанцском соборе 1414—1418 гг., на котором, как отмечалось выше, присутствовал и митрополит Литовской (Юго-Западной) Руси Григорий Цамблак.

У. Рихенталь свидетельствует, что при служении литургии он и окружающие его священнослужители делали «перед собой три креста».

Вместе с тем, по словам Б. Успенского, никоновская реформа, субъективно ориентированная на греческую церковь, объективно испытывала влияние церковной традиции Юго-Западной Руси [5]. И его мнение не является единичным.

Собор 1654 г. положил начало процессу согласования московских книг с греческими, на основе чего была осуществлена «книжная справа» — исправление книг. Решения о «книжной справе» были утверждены на Константинопольском соборе под председательством Патриарха Паисия I, весьма активное участие в котором принимал постриженник Киево-Печерского монастыря, иеромонах Епифаний Славинецкий — один из лидеров «греческого» направления в просвещении и богословии. Наверняка его кандидатура была согласована с Алексеем Михайловичем, который еще в 1649 г. вызвал его в

числе прочих киевских «справщиков» для подготовки нового издания Библии.

Однако в числе «справщиков» значились и лица, считавшиеся пропапскими. Таковым, в частности, представлялся заведовавший патриаршей библиотекой и переводчик богослужебных книг Арсений Грек, в свое время «побывавший» католиком. Правда, с его слов этот шаг был вынужденным – изза стремления поступить в римское училище.

Никоновская реформа начала набирать обороты: в 1655 г. был откорректирован текст Символа Веры и введен во всеобщее употребление в Русской Церкви одобренный новоисправленный Служебник. Примечательно, что его основой служило венецианское издание греческого служебника 1602 г., увидевшее свет после утери Византией «православной независимости» от католического Рима посредством Флорентийской унии. Как писал входивший в группу «ревнителей» дьякон Феодор Иванов, «те книги, их же накупи Никон во Греках, проходят сквозе еретическия руки латинския, и прошедшия давно печатают их латинники в трех градех у себя: в Риме, в Париже и в Винецыи» [6].

однозначно свидетельствует, Этот факт внутри «ревнительского» произошло размежевание. кружка основании ряда источников можно предположить, что причиной тому стали различия в подходах членов кружка к реализации «греческого» проекта. Если И. Неронов, Аввакум и иже с ними ратовали за «старогреческий» принцип движения, то Никон вместе с Ф. Ртищевым и прочими единомышленниками приняли за основу «новогреческий» принцип. Наиболее важный нюанс происходящего заключался в том, что богослужение на Руси в тот период в действительности осуществлялось по доуниатской практике – традиции, более древней сравнению ПО новогреческой, православному близкой к «чисто» литургическому канону. Никоновский же маховик реформы – при поддержке самодержца – прокладывал «новый» путь.

Раскол

Очередным реформистским шагом стало провозглашение в Успенском соборе патриархами Антиохийским (Макарий), Сербским (Гавриил) и митрополитом Никейским Григорием анафемы всех тех, кто, в частности, впредь будет креститься двумя перстами. Спустя год была обнародована книга «Скрижаль» с толкованиями патриарха Иерусалимского Паисия чина литургии греческого иеромонаха Иоанна Нафанаила и др. Наступил период, которого при таком развитии событий было просто-напросто не избежать: Московская Церковь начала разделяться на «никониан» – сторонников Никона, и его противников, так называемых «раскольников» или «старообрядцев». Старообрядец В. Е. Макаров в своей лекции 1908 г. причиной раскола единой «до того времени» православной «русской семьи» назвал «деспотичность» реформ, ввиду которой «народ возстал против новопечатных книг, новых обрядов», а также «латынских нравов духовных владык», отождествляющих «церковь с самими собою». Никон же, поддавшись влиянию «облатинившихся малорусских монахов и греков, воспитанников иезуитов», фактически «на чистое поле русскаго векового благочестия» внес «знамя раздора» [7].

В 1910 г. архиепископ Волынский Антоний (Храповицкий) охарактеризовал сложившуюся в рассматриваемый период ситуацию так, что при Никоне «Москва стала православным Пантеоном. В ней постоянно во множестве пребывали греческие, арабские, сербские, болгарские и др. святители, архимандриты, священники, чернецы и миряне и в Московских храмах славилось имя Божие на всех языках». Здесь имело место не «предпочтение одной нации пред другой», а «вселенскость пред национализмом» [8].

В свою очередь, профессор С. Севастьянова, декан гуманитарноэкономического факультета Рубцовского индустриального института, считает, что Никон, «как автор», органично вписался «в литературный контекст». С одной стороны от него – протопоп Аввакум и ревнители благочестия, «продолжившие демократическое направление и описавшие современные события через душевные переживания, чувства и эмоции». С другой – «аристократы, представители барочной

культуры, развиваемой Симеоном Полоцким ¹⁰⁰ и "западниками"». Заняв «срединное положение между этими гетерогенными зонами эпохи», патриарх «посвоему рисовал портрет» ее, запечатлевая церковно-обрядовые события, «выбор и характер отражения которых» были обусловлены его положением «в церковной иерархии, а также его личными взаимоотношениями с царем» [9].

К слову, в 1670-х гг. белорус Симеон Полоцкий стал одним из лидеров «латинского» направления в просвещении и богословии в Москве.

Среди главных обличителей никоновского движения наряду с теми самыми «ревнителями благочестия» оказался протопоп юрьевский Аввакум Петров, свидетельствовавший о преимуществе старых русских книг в отражении православной веры. Патриарх «отступник веру законы казил и церковныя, — писал он, — до самодержство Никона в князей у благочестивых России царей и все было православие чисто непорочно и церковь немятежна». Но одновременно у Аввакума проскальзывают нотки обиды на Никона, который, приступив к патриаршим обязанностям, «друзей не стал и в крестовую пускать» [10].

Кстати, Даниил Сысоев, священник Русской православной церкви, настоятель московского храма святого апостола Фомы на Кантемировской, убитый в 2009 г., считал, что «раскол во многом объясняется личной обидой» Аввакума за его «отстранение от дела исправления книг» [11].

Но даже если не учитывать возможные личностные мотивы критиков Никона, обусловленные неисполнением им предварительных обещаний 101, внешняя причина расхождений, видимо, имеет идеологическую подоплеку. Однако, как представляется, в основу событий легли все же значительно более глубинные причины.

Царь и патриарх – единое целое?

Согласимся с тем, что не будь на то воли царя, ни одна из реформ Никона не состоялась бы – в особенности периодическое

_

¹⁰⁰ Выпускник Киево-Могилянской коллегии; наставник царских детей. – прим. авт.

¹⁰¹ Иван Неронов также был отстранен от дела. – прим. авт.

совершение им литургии по-гречески или, к примеру, введение в обиход греческого покроя монашеского одеяния. Вполне возможно, что царь, соглашаясь на реформы, воспринимал их в качестве шагов к более благозвучной «симфонии» светской и духовной власти в Московском государстве — вспомним челобитную Афанасия III Пателлария Алексею Михайловичу. Богослов Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский (1879–1882), историк церкви, приводит выдержки из предисловия к Служебнику, отмечающие предоставление Богом Руси «два великие дара»: царя Алексея и святейшего Никона, характеризуемых как «богоизбранная и богомудрая двоица». Более того, обе персоны называются «великим государем», а в конце предисловия сказано: «Да возрадуются вси живущии под державою их под единым их государским повелением» [12].

Получалось, что Русь возглавлялась двумя государями, тождественными по своей сути. Именно здесь просматривается тончайший геополитический пунктир. Дело в том, что в 1648 г. император Священной Римской империи Фердинанд III подписал ряд мирных соглашений с Францией и Швецией, ознаменовавших окончание Тридцатилетней войны. известно, эта война, начавшаяся внутри Священной Римской империи как религиозная с легким оттенком гражданской, переросла общеевропейскую. результатам В По Вестфальского мира 1648 г. сложилась так называемая Вестфальская система – новый порядок в Европе, основанный на концепции признания государственного суверенитета, которая была принята основными европейскими державами. Вестфальскому миру Швеция и Франция прирастили собственные территории германских за счет Объединенные провинции Нидерландов получили правовое закрепление своего автономного статуса, а Швейцарский союз – международное, то есть европейское признание. Тем самым фактически были сформированы национальные государства, провозгласившие равенство прав католиков и протестантов (при узаконивании осуществленной до 1624 г. конфискации церковных земель).

Вестфальская международных система отношений подразумевала сокрушение двух главенствующих доныне сил папства и империи, поскольку в результате уравнивания в правах с императором глав независимых государств Европы, имевших титул королей, имперские и религиозные силы утратили господство в европейском масштабе. А после отмены принципа ослабился вера» значительно ≪чья власть того И конфессиональный акцент в мировой политике. Благо в рамках европейского (международного) порядка развязывания войн рассматривался как законная прерогатива суверенного государства. Легитимизация статуса правителя (в Европе или за ее пределами) уже не требовала его вхождения в круг геополитических лидеров Церкви, оставшейся на вторых ролях, причем на условиях «найма по необходимости» в случае, когда светским правителям требовался в помощь религиозный фактор.

Внутримосковский унисон обеих ветвей власти, возникший в этот период, стал фактором воздействия на геополитическую ситуацию, имеющим конфессиональную основу, что очевидно соответствовало интересам Вселенской церкви. Вместе с тем, с большой долей уверенности можно предположить, московский светско-религиозный тандем рассматривался царем как начальный шаг ко вселенскому православному верховенству правителей Руси. Примечательно, что с учетом нового формата Левобережной взаимоотноплений Москвы возникшего в 1654 г., царь принял титул «всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержец», а Никон – «Патриарх всея Великия и Малыя и Белыя России». Таким образом, это равенство реально осуществлялось во многих сферах. Писатель, архидиакон Павел Алеппский, сопровождавший своего отца, Антиохийского патриарха Макария, в период его визита в Москву в 1655-1656 гг., описывает эпизод во время царского угощения: «Певчие пропели многолетие царице и ее сыну Алексею», а затем – Никону, и царь выпил за «его здравицу». После чего «пропели многолетие патриарху антиохийскому» [13].

Это «единение» проявлялось не только во внутригосударственных делах. В 1655 г., по совершении

Божественной литургии Никон и Макарий благословили царя на новый военный поход на Литву, вручив ему походный предносной крест. Уже в сентябре Никон прислал Алексею Михайловичу благословение называться Великим Князем Литовским, а вскоре царь повелел «в своем государском именованьи и титле писати себя великим государем, наше царское величество, великим князем Литовским и Белыя России и Волынским и Подольским» [14]. А тут еще эйфория от победы над литовцами дополнилась начавшейся в 1656 г. войной со шведами, ранее завладевшими Познанью, Варшавой и Краковом. Царские войска захватили шведскую крепость Динабург (ныне Даугавпилс), началась осада Риги.

Следовательно, внешне ситуация выглядела как проявление «унисона» в помыслах и действиях светской и духовной ветвей московской власти, направленного на реализацию «предначертанной» новой роли России в общемировом масштабе. Однако вскоре в тандеме возникла трещина.

Приглушение звуков «симфонии»?

Весьма показательно, что, например, патриарх Филарет, даже будучи отцом Михаила Романова - самодержца, - не ставил своей задачей надзирать над ним. Наоборот, он создавал всяческие условия для беспроблемного правления сына, что не позволяло «симфонии» звучать фальшиво. Никон же, напротив, примеряя на себя одежды восседавшего в Константинополе Вселенского патриарха, возможно, видел себя «духовным отцом» всего православного мира наподобие Папы Римского. Пусть только духовным властителем, но с явным преимуществом над светским началом. Однако проуниатские нововведения предполагать, воспринимал Никона позволяют что ОН константинопольский престол сквозь призму не православия, а униатства.

Как впоследствие писал сподвижник Аввакума дьякон Феодор Иванов, Никон «до конца отверже белый святый клабук и черной наде на себе, омерзе бо ему та благодать, яко древним отступником и еретиком римским» [6].

Как бы там ни было, в середине 1650-х гг. его уже официально именовали «Великим Государем», хотя доселе данный титул являлся исключительной привилегией самодержца. С другой стороны, пользуясь безграничным карт-бланшем царя Алексея, он пытался законодательно возвысить статус Церкви по отношению к светской власти, в частности, активно участвуя в упразднении Монастырского приказа – ведомства с функциями государственного светского суда над церковью, то есть фактически высшей судебной инстанции Русской Церкви, которая пришла на смену епископским судам, упраздненным Соборным Уложением от 1649 г. Примечательно, что с 1655 г. в судейской коллегии Монастырского приказа отсутствовали представители духовенства. Таким образом, если ранее боярский (то есть светский) суд мог коснуться любого представителя духовенства, включая высших церковных лиц, то упразднение Монастырского приказа означало отсутствие какого-либо посягательства на суверенность Церкви. Это, пожалуй, не особенно беспокоило бы царя, не переступи намерения Никона ту грань, за которой они уже могли быть истолкованы как шаги по «пересмотру» властной иерархии в государстве. К слову, несмотря ни на что в последующем все эти спорные моменты были решены в пользу духовной власти.

Необходимо отметить, что еще в 1653 г. Никон включил в число дополнительных статей к официальному своду русского канонического права, называемого «Кормчей книгой», так называемый «Константинов дар», а именно, «Дарственную грамоту императора Константина папе Сильвестру», свидетельствовавшую о передаче Константином I верховной власти над Западной Римской империей главе римской церкви. Однако ко времени внесения этого документа в «Кормчую книгу» была доказана его подложность. Еще в XV в. итальянский гуманист Лоренцо делла Валла убедительно доказал факт фальсификации, а написанное им сочинение «О даре Константина» было опубликовано в первой четверти XVI в. фон Гуттеном. Следовательно, Ульрихом соответствующего дополнения «Кормчей книги» определенно являлось «историческое» обоснование преимущества духовной власти над светской, поскольку в «Константиновом даре»

подчеркивалось не только старшинство главы католической церкви над всем христианским миром, но и превосходство духовенства над светскими христианскими правителями. Тем самым православие как бы заимствовало католическую идею «священство выше царства». Правда, по мнению того же Антония Храповицкого, Никон, «весьма часто» заявляя «о превосходстве священнической, — а не патриаршей или епископской — власти над царской», понимал таковое «в нравственном смысле» [8].

Так мог ли царь согласиться с чьим-либо превосходством над самодержавной властью в его лице, пусть даже облекаемым в «духовную» оболочку? Вопрос риторический. Да и чиновничий аппарат не склонен был терпеть «церковный гнет» — к тому времени уже отмененный в Европе Вестфальской системой.

Все это не могло не привести к политическим «играм» во властных верхах — наверняка не без участия экс-сподвижников Никона. Мировоззренческие расхождения между ними, а также возрастание роли иностранцев, грозившей проникновением иноземной культуры и влияния, становились причинами недовольства среди царских сановников и церковных иерархов. Но недовольство это вполне могло грамотно обыгрываться (или инспирироваться) «сверху». И вполне вероятно, что определенные шаги патриарха доводились до царя в таком свете, в каком это было выгодно его сановникам: «Всяким ложным глаголником веру имет», — писал об этом Никон.

Уход Никона с политической сцены

Обладая незаурядным умом, патриарх не мог не понимать, что движение к вершинам власти невозможно без внутренней стабильности. По-видимому, именно из этих соображений в 1657 г. он дал согласие на отправление богослужения как по исправленным, так и старым книгам — «обои де добры — все де равно, по коим хощешь, по тем и служишь». Однако колесо реформ набрало такие обороты, что предотвратить раскол уже было невозможно. И антиниконовские подозрения тоже не могли развеяться в один миг.

Таким образом, нить взаимопонимания между Никоном и Алексеем Михайловичем на том этапе прервалась не сразу.

В этой связи исследователи зачастую приводят слова царского спальника, князя Юрия Ромодановского в адрес Никона, что царь гневается на него (Никона) за то, что тот пренебрегает царским величеством, именуя себя «Великим Государем, а у нас один Великий Государь». После этого царь запретил ему именоваться таким титулом.

Конфликт загасить не удалось, да и вряд ли кому-то это было под силу. В итоге Никон, решивший удалиться от дел, оказался в Воскресенском монастыре, позже описывая происшедшее так: «Отисперва убо был царь благ, кроток, послушлив, и Никон на патриаршестве был», а как Алексей Михайлович «развратился со святою соборною апостолскою церковью, и святыя Божия заповеди и святых Апостол и святых отец правила в презрении положил», перестал Никона слушать, начав неподобно». Посему патриарх «отходит, дая место гневу царскому» [15]. Как отмечал в этой связи идеолог русского православного монархизма, епископ (с 1945 г.) Русской православной церкви (Московский Патриархат) Серафим (Соболев), идея Никона «оцерковления Русского государства не была принята царем и в особенности окружавшими его боярами» [16].

Тем не менее, от патриаршего сана Никон не отказался, возможно, не предполагая, что царь не будет настаивать на его возвращении.

В связи с этим, на наш взгляд, заслуживает внимания еще один момент, не особо не упоминаемый исследователями, а именно то, что новый характер взаимоотношений Москвы с Левобережной Украиной начиная с 1654 г. потребовал создания общероссийской нормы богослужения и церковнославянского языка. Но в статьях Переяславского договора не значился пункт об изменении канонического статуса Киевской митрополии, то есть о подчинении ее Москве. По свидетельству митрополита Макария, имеются данные, свидетельствующие об отсутствии у Никона претензий на контроль над Киевской митрополией в связи с тем, что он «не считал себя вправе вступаться в дела» ввиду ее принадлежности «Цареградскому патриарху», о чем он

«впоследствии писал» константинопольскому патриарху Дионисию [12].

Вполне возможно, что Никон не желал нарушать предписание Константинополя о Киевской митрополии из-за нежелания менять существующий порядок на тот гипотетический случай, когда он «сядет» на православный «византийский» престол. Но, с другой стороны, не объясняется ли это его пониманием «исторических» претензий католического Запада на земли «Малой Руси»? Ведь только после удаления Никона в Воскресенский монастырь в договоре Москвы с гетманом Юрием Хмельницким от 1659 г. оказалась статья «О правах как духовных и мирских», согласно которой «Царское Величество пожаловал прав, наданных из веков от Княжат и Королей как духовным и мирским людям, ни в чем нарушать не велел». Эта статья гласила: «Митрополиту Киевскому, также и иным духовным Малыя России, быть под благословением Святейшего Патриарха Московского и всея Великия и Малыя, и Белыя России. А в права духовные Святейший Патриарх вступати не будет» [17].

Не будем, однако, забывать, «Переяславские статьи» 1659 г. появились вслед за военными действиями против предшественника Ю. Хмельницкого — Ивана Выговского, переметнувшегося на сторону Речи Посполитой.

Вместе с тем, стоит отметить, что конфликт между царем и Никоном развивался на фоне не самых благоприятных для России итогов русскошведской войны, что, возможно, также нарушило царско-никоновскую «симфонию». Хотя по Валиесарскому перемирию 1658 г. к России отходили завоеванные балтийские земли, включая Ингерманландию с Копорьем, Нарвой, Дерптом и другие, этот пункт имел временный характер, будучи принят до заключения мирного договора. Кроме того, срок действия соглашения для Швеции определялся в 3 года, тогда как для России — в 20 лет, что свидетельствовало о неравноправном характере перемирия.

В целом, влияние Никона падало одновременно с ухудшением внешнеполитических позиций Москвы. На фоне подписания в 1661 г. невыгодного для царя Кардисского мира, обязывавшего его вернуть Швеции все ливонские и ингерманландские

завоевания, у Никона обострились отношения с «гражданскими» соседями Воскресенского монастыря, приведшие к судебной тяжбе. Решение было не в пользу Никона, в связи с чем он высказался в антигосударевом духе, утверждая, что тот «сам на ся чин святительский и власть церковную восприял, чрез Божественныя уставы и чрез свою клятву, еже трегубо клялся ово во крещении, ово во царское поставление. Он не точию архиереов, игуменов и священников и дьяконов во свою волю привлече, множицею и Никона патриарха в суд нудил. [Но] неподобно то царское величество деет, еже нас архиереов, чрез Божественныя уставы, мирским судиям судити» [15].

Расправа с Никоном под прикрытием Константинополя

Скорее всего, государь принял окончательное решение расправиться с Никоном на соборе. В 1662 г. он пригласил в Москву Паисия Лигарида, с 1652 г. выполнявшего функции митрополита Газского. По всей видимости, царь намеревался возложить на него юридическое обоснование отстранения патриарха, то есть организовать процесс при патронаже Восточной церкви. Иными словами, процесс должен был стать не просто показательным, но и «доказательным» с точки зрения юридического и морального осуждения патриарха по линии Вселенского православного центра. Такой подход продемонстрировал бы «реальную вину» Никона пред всем православным миром.

Однако сам Константинополь к тому времени был далеко не однороден, что не удивительно в условиях зависимости церковного престола от османской власти. Кроме того, настроения по-прежнему униатские витали константинопольском воздухе. Поэтому противоречивая фигура Лигарида не могла быть фактором, способным «совместить» интересы Константинополя и Москвы в деле Никона, которого несколько раз посетил архимандрит афонского Кастамонитова монастыря Феофан. В 1664 г. иконийский митрополит Афанасий передал Алексею Михайловичу просьбу константинопольского патриарха Дионисия о примирении царя с Никоном. Тогда же о Никоне лестно высказался Иерусалимский патриарх Нектарий –

как о создателе условий для неотступного следования русской церковью древним правилам.

Царь, естественно, не МОГ оставаться безучастным наблюдателем и принял решение «поработать» с Востоком. Для этого он призвал на помощь Паисия Лигарида, попросив того сформулировать в его трудах «доказательную базу» для обоснования примата светскости над «священством». Тот немедля подготовил панегирик Москве и царю, обосновавший полноту царской власти. Следом, посредством иеродиакона Мелетия, Алексей Михайлович приступил к «обработке» восточных патриархов: Константинопольского Нектария Иерусалимского, (Дионисия IV), Александрийского и Макария Антиохийского. В довершение ко всему он даже вступил в контакт с султаном Мехмедом II, прося его не препятствовать осуществлению царской идеи. Знакомясь - между строк - с различными, хотя и очень скудными источниками на этот счет, можно предположить, что Алексей Михайлович обсуждал с Востоком такую политическую сделку: поддержка султаном его антиниконовских действий в обмен на определенную лояльность Москвы к Константинополю, а также существование «полуавтономного» Московского патриархата, не подчиненного напрямую Константинополю. Однако далеко не все шло гладко. А могло ли быть иначе, если у противостоящих друг другу геополитических центров - Османской империи и Запада – планы в отношении Москвы в корне различались?

Так что игры вокруг фигуры Паисия Лигарида неслучайны. Сначала в 1665 г. были данные о том, что патриарх Константинопольский Дионисий назначил его своим экзархом — по просьбе царя. Причем с наделением правом голоса на соборе. Но затем их опровергли: у Паисия нет полномочий экзарха. Мало того, были приданы огласке сведения об его пролатинских настроениях и сообразных действиях — благо во многих уголках православного мира Лигарид считался не «своим», а «чужим», то есть прокатолическим. Здесь можно сослаться на известного дипломата и путешественника XVII в. Якова Рейтенфельса, отметившего, что Паисий Лигарид «некогда провел немало лет в коллегии, принадлежащей Пропаганде» [18].

Речь здесь шла об его обучении в римской коллегии св. Афанасия, находившейся в ведении миссионерской Конгрегации пропаганды веры, образованной в 1622 г. Римской курией.

Таким образом, анализ характера игр вокруг фигуры Паисия Лигарида дает понять, что фактор Никона явно перерос местный уровень.

Да был ли он таковым изначально? Ко всему прочему, как было отмечено выше, Константинополь не прекращала сотрясать внутренняя нестабильность. Патриархи сменяли друг на друга — в частности, Парфений и Дионисий, — что не могло не отразиться на ходе подготовки царем процесса над Никоном. Но русский государь продолжал свою линию, используя политику «умиротворения» Константинополя, вплоть до разработки приветственного текста в адрес прибывающих мировых православных лидеров.

Алексей Михайлович, разумеется, не ограничился лишь идеологическими рамками, вдохновив Большой Московской собор (1666—1667 гг.) на решение о лишении Никона не только патриаршего достоинства, но и епископского сана — со ссылкой в Ферапонтов монастырь. Причем решение это было принято без проволочек. Собор не имел характер вселенского, однако его решения вынесены в присутствии не только Лигарида, но также патриархов Паисия Александрийского и Макария III Антиохийского, митрополитов Григория Никейского, Афанасия Иконийского и других.

Судьба реформы

В то же время, реформа получила полное одобрение Большого Московского собора, что выразилось в наложении собором анафемы на антиреформистов как на «еретиков и непокорных». Причем с использованием правила древней Церкви, предполагавшего как церковное, так и гражданское наказание еретиков. Наряду с этим, согласно данным окружного послания Собора Русской Древлеправославной Церкви 2009 г. «О церковном расколе XVII века», соборно, как исповедание веры, была утверждена книга «Жезл правления», составленная «еретиком-латинщиком» Симеоном Полоцким и «содержащая в

себе многочисленные порицательные выражения в адрес древлеправославных преданий». Тем самым «под сомнение» было поставлено все духовное прошлое Церкви Руси, ибо «если хранимые ей обычаи были еретическими, то и христиане, содержавшие их, являлись еретиками», включая «многочисленный сонм русских святых» [19].

В этой связи немало исследователей задаются вопросом, не униатским ли по сути было решение Большого Московского собора, да и вообще все реформистское движение изначально? Ведь деятельность того же С. Полоцкого оценивается как таковая, нацеленная на пропаганду идеи «единения христиан под духовной эгидой римского папы и под государственным патронатом московского царя» [20].

Вместе с тем, согласие царя на продолжение реформенного движения вполне могло быть вызвано предварительными договоренностями с Константинополем: юридическое обоснование ухода с политической –именно так! – арены Никона в обмен на прогреческие реформы, специфика которых позволяет считать их скорее проуниатскими.

На этом фоне Алексей Михайлович предпринимал новые шаги идеологического плана. В 1673 г. по его повелению был осуществлен перевод сочинения Паисия «Хрисмологион, сиречь книга пререченословная, от пророчества Даниилова, сказание сония Навуходоносорова». В комментариях Навуходоносора о четырех царствах сну (Дан 2), содержащихся ЭТОМ сочинении, использован поздневизантийских апокрифов. Это позволило поставить во главу угла идею утверждения власти московских правителей как основной силы в возвращении Константинополю прежней роли – посредством борьбы с османами.

Перевод «Хрисмологиона» осуществил в Москве переводчик посольского приказа, молдавский боярин Николай Милеску-Спафарий, что также не случайно. В тот период одним из главных направлений общественно-политической мысли Молдовы являлась пропаганда единоличной сильной власти государя. Наилучшую форму государственного правления Милеску-Спафарий видел в абсолютной («совершенной») монархии, поэтому в противопоставление утверждениям о

происхождении царской власти «от Бога» он выдвинул положение об ее земном источнике. В «Хрисмологионе» оно обозначено фразой: «Един царь или краль, сам владеет без клеврета» [21].

В том же ключе Н. Спафарий рассуждал и о государственном строе Китая, так как «китайский хан самовластный и единоначальный есть», что хочет, так и делает, и «для того совершенная монархия есть и царство их идет по наследству от отца к сыну». Вместе с тем, обязанность правителя заботиться об общем благе — это как раз есть проявление духовного аспекта, а не юридических обязательств перед подданными [22].

Никон и движение Степана Разина

Как известно, в 1668 г., в первый год после Московского началось знаменитое движение Степана Разина, преподносимое советской историографией как восстание или крестьянская война. Примечательно, что в ряде источников параллель между проводится ЭТИМ событием некая «официальной отставкой» Никона – как намек на определенную связь экс-патриарха с бунтовщиками. В частности, в источниках приводятся сведения о визите к Никону еще в период пребывания его Воскресенском монастыре донских казаков, обещавших вновь посадить его на патриаршество. По некоторым данным, одним из первых в сношениях с посланцами С. Разина обвинил Никона Иоаким (Савелов), возведенный на патриарший престол в 1674 г. Произошло это уже после смерти Алексея Михайловича в 1676 г., а затем Никона перевели в Кирилло-Белозерский монастырь. Показательно, что Приказ тайных дел занимался делом Никона одновременно с делом Стеньки Разина.

придерживался Священник Сысоев, однако, Д. противоположного мнения. Прежде всего, он не согласен с определением сотрясавших страну «с начала раскола» восстаний как «классовых», поскольку, по его мнению, «это были религиозные войны. классические аналогичные западноевропейским». Далее священник утверждает, непосредственно «староверами было инспирировано восстание Разина», который лишал жизни священнослужителей и грабил «храмы под руководством раскольников», напоминая, в частности, об убийстве им «святителя Иосифа Астраханского».

На основе анализа конфессиональных аспектов старообрядчества Д. Сысоев приходит к выводу, что «утверждение о прирожденном патриотизме старообрядцев верно с точностью до наоборот», а возможность определения «реальной веры староверов [в качестве] православной» он категорически отрицает — «нельзя никак» [11].

Действительно, с митрополитом астраханским и терским Иосифом у Никона были натянутые, мягко говоря, взаимоотношения.

Вместе с тем, по Аввакуму «разовщина¹⁰²» есть «возмущение грех ради». Не связывая восстание напрямую с деятельностью Никона, он приравнивает его к поразившим Русь мору и войне, возникших из-за того, что «отврати лице свое владыка, отнеле же Никон нача правоверие казити, оттоле вся злая постигоша ны и доселе». Тем не менее, опосредованно имя Никона в связи со С. Разиным у Аввакума все же прозвучало [23].

Обряды и политика

Хотя внешней причиной церковного раскола второй половины XVII в. в Московском государстве представлялась обрядовая сторона, в действительности речь шла о путях развития Северо-Западной Руси. Безусловно, обрядовая тональность никоновских нововведений имела немаловажное значение, но, по словам того же Д. Сысоева, никто из «святых Древней Руси не верил в обряд — старый ли то, или новый». Отмечая неоднократное изменение обряда в богослужении, священник приводил в качестве примера переход от Студийского устава к Иерусалимскому Типикону, действующему и поныне, когда «никакого протеста» не произошло.

Политический же фон реакции на реформы высвечивался через призму внешнеполитических ориентиров Алексея Михайловича и его окружения. Одни видели процветание в движении в сторону католического Рима. Другие ратовали за

_

 $^{^{102}}$ Движение С. Разина. – прим. авт.

путь в константинопольском направлении с перспективой занять главенствующие позиции в общемировом пространстве в качестве ведущей православной силы. Третьи, поддерживая предыдущий пункт, желали его осуществления посредством унии при главенстве Папы Римского.

Но все же нельзя согласиться с заключениями некоторых экспертов о явно выраженной склонности Алексея Михайловича в пользу унии.

Конечно, такого рода настроения в высших эшелонах власти не были чем-то запредельным, но, тем не менее, планы Москвы по достижению первенства в общепланетарном масштабе не основывались исключительно на униатской парадигме.

Подтверждением тому послужил следующий Побывавший в Москве с 1670 по 1673 гг. уроженец Курляндии Я. Рейтенфельс – говоря словами известного немецкого исследователя, иезуита Атанасиуса Кирхера, «ревностный католик, ученый», пользующийся «расположением Великого Царя», - оказавшись в 1674 г. в Риме, попытался реализовать проект массового отправления в Россию миссионеров в целях создания церковной унии. Однако призывая к «обработке» москвичей в этом направлении, в своем сочинении о «Московии» важнейшим фактором успеха этого дела он считал скрытность, которая «лишь одна» обеспечит проводникам «всюду и всегда полную безопасность», не давая «повода к заподозрению их». При этом он призывал расположить «в свою пользу некоторых лиц» подарками, поскольку «в этой стране давать и брать взятки – явление обычное». Приобретя же расположение государя, пользующиеся его милостью лица должны «стараться выпросить, хотя бы тайное, отправление церковных служб, дабы Московиты чрез это» постепенно подготовлялись «к полному слиянию». В свете чего важно добиться от «Папы отправить послов, или, на первый раз, только грамоту Царю, с полным его титулом», с призывом «заключить навеки союз, скрепленный обоюдною присягою, против Турок – этого общего врага всех христиан». Й одновременно с этим попытаться предоставить Московскому патриарху «более преимуществ и льгот, нежели предоставлено прочим Грекам и Русским, присоединившимся к католической вере» [24].

Даже эти факты свидетельствуют, что хотя концепция унии и не была малозначительным аспектом политики, она все же не являлась ее приоритетом.

Естественно, османы были прекрасно осведомлены событиях в православном мире, и не исключено, что те или иные действия православных лидеров осуществлялись с их подачи. Поэтому одной из внешнеполитических задач султанов являлось недопущение антиосманского геополитического противников Порты. В 1669 г. гетман Правобережной Украины Петр Дорошенко стал вассалом Османской империи, что было значительным ее достижением ввиду намерений подчинить эти земли . Москва просто обязана была предпринять адекватные ответные шаги. И это было сделано в период польско-османской войны 1672-1676 гг., когда в 1674 г. промосковские силы избрали гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича, присягнувшего на верность царю, единым гетманом Украины. Это не могло не привести к столкновению Османской империи и Москвы, которое было представлено историографией как русско-турецкая 1676-1681 завершившаяся ΓГ., война подписанием Бахчисарайского мирного договора. Османы признали за Москвой Левобережную Украину, Запорожье и Киев с городами Васильков, Стайки и другими, обязавшись не помогать врагам Москвы, явно усилившейся на южном направлении.

Что касается непосредственно реформаторского движения, одним из его последствий стало утверждение Собором 1681 г. запрета на совершение старообрядцами совместных молитв в частных владениях. Для осуществления единых действий духовной и светской властей в борьбе против антиреформистов предусматривался мирской государственный суд над ними.

Вместе с тем, спустя год после кончины Никона, в 1682 г. царь Федор III Алексеевич исходатайствовал у восточных патриархов разрешительные грамоты, повелевавшие причислить его к лику патриархов и поминать в таком звании открыто. В том же году восточные патриархи — Константинопольский, Иерусалимский, Александрийский, Антиохийский — прислали в Москву «разрешительные грамоты», согласно которым осужденный Никон прощался и «восстанавливался в сонме

Патриархов Российских» — как «столп благочестия неколеблемый, Божественных и священных канон оберегатель искуснейший» [25].

На пути к царствованию Петра І

Со смертью в 1682 г. царя Федора III Алексеевича московские политики разделились из-за разницы во взглядах на кандидатуры на царский трон в лице его братьев, к тому времени не достигших совершеннолетия. 16-летний Иван был сыном Алексея Михайловича от первой жены (линия Милославских), а 10-летний Петр — от второй (линия Нарышкиных). На царство венчались оба, а регентшей стала их старшая сестра Софья.

В 1685 г. Патриарх Московский и всея Руси Иоаким поставил на кафедру Киевскую, Галицкую и всея Руси митрополита (Святополк-Четвертинского). Акт посвящения происходил в Успенском соборе Московского Кремля в присутствии Ивана и Петра Алексеевичей, которым, наряду с Патриархом, правительницей царевной Софьей и гетманом Самойловичем, Гедеон принес присягу. Однако на него не было дано согласия Константинопольского патриархата. И хотя первоначально Вселенский престол выступал против этого назначения, геополитическая раскладка все же привела к промосковскому результату. Дело в том, что в 1684 г., при покровительстве Папы Римского Иннокентия образована антиосманская «Священная лига» в составе Австрии, Речи Посполитой и Венеции, в которую активно зазывалась Москва. Чтобы не допустить усиления лиги за счет Москвы, османы решили использовать православный фактор внутри христианства. Ради этого в 1686 г. Константинопольский патриарх Дионисий IVСвященный Константинопольской Церкви издали Томос (указ) о передаче Киевской митрополии в каноническое ведение Московского Патриарха. В качестве подарка Москва вручила по 200 золотых червонцев Дионисию IV и Патриарху Иерусалимскому Досифею. Дионисий, получив «три сорока соболей», обратился к Москве с просьбой поддержать материально и всех архиереев,

подписавших грамоту о передаче Киевской митрополии Москве [25].

Ho Европа была католическая настолько сильно заинтересована во вступлении Москвы в антиосманский союз, что в том же году она настояла на заключении Москвой «Вечного мира» с Речью Посполитой, который принес Москве важнейшие политические дивиденды: Киев был окончательно уступлен Москве, а Речь Посполитая отказывалась от совместного с Москвой протектората над Запорожьем. Тем самым Украина, Киев, Запорожье, Левобережная Смоленск Чернигово-Северская земля с Черниговом и Стародубом оказались под контролем Москвы; Северная Киевщина, Волынь и Галичина оставались в составе Речи Посполитой; Южная Киевщина и Брацлавщина от городка Стайок до реки Тясмин с городами Ржищев, Трахтемиров, Черкассы и др., то есть земли, сильно опустошенные за годы войны, становились нейтральной территорией между Русским царством и Речью Посполитой. В ответ Москва, вступившая в «Священную лигу», обязалась организовать военный поход против Крымского ханства.

Однако с 1689 г. Петр Алексеевич стал править Россией фактически самостоятельно, что ознаменовало новую эпоху в ее истории.

- 1. Зеньковский С. А. Русское старообрядчество http://apocalypse.orthodoxy.ru/zenkovskij/10.htm
- 2. Каптерев Н. Патриарх Никон и Царь Алексей Михайлович

http://www.krotov.info/history/17/1650/kapterev_01.htm#1

3. Церковная реформа XVII века: трагическая ошибка или диверсия?

refu.ru/refs/70/26437/1.htm

- 4. Цит. по: Васильева О. Ю., Дорошенко С. М. Шмидт В.
- В. Хронограф: век XVII

http://www.ferapontovo.ru/objects/mainbrowser-604.pdf

- 5. Успенский Б. Этюды о русской истории http://krotov.info/history/17/1660/1653uspe.html
- 6. Диакон Феодор. Ответ православных благочестия поборниково символе православныя веры

http://starajavera.narod.ru/otvetOrthodox.html

7. Старообрядчество. Его смысл и значение. Публичная лекция, прочитанная старообрядцем В. Е. Макаровым 20 января 1908 г. в Москве, в помещении 1-го общества торговых служащих.

http://nama-hatta.narod.ru/DATA/raskol.html

8. Восстановленная истина. Труды и дни патриарха Никона. Лекция Высокопреосвященнейшего Антония (Храповицкого), архиепископа Волынского, о святейшем Никоне

www.voskres.ru/podvizhniki/antonii.htm

- 9. Севастьянова С. Литературно-публицистическое наследие патриарха Никона: принципы работы автора середины второй половины XVII века dibase.ru/article/21092009_sevastyanovask/5/
- 10. Житие протопопа Аввакума им самим написанное http://feb-web.ru/feb/avvakum/texts/a34/a34-063-.htm
- 11. Священник Даниил Сысоев. Размышления о протопопе Аввакуме, церковной смуте и любви к Родине http://russdom.ru/oldsayte/2007/200704i/20070432.shtml
- 12. Митрополит Макарий. История Русской церкви magister.msk.ru/library/history/makary/mak5201.htm
- 13. Павел Алеппский. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Москву в XVII веке http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Makarij/text3.phtml?id=1048
- 14. Именной царский указ «Об именовании Государя, Царя и Великаго князя Алексея Михайловича Великим Князем Литовским, Белыя России, Волынским и Подольским» http://almanah-pp.ru/ago/decree/3.php
- 15. Мнение Патриарха Никона о Соборном Уложении... (Из ответов боярину Стрешневу)

http://www.portal-

slovo.ru/history/35632.php?ELEMENT_ID=35632&PRINT=Y

- 16. Архиеп. Серафим Соболев. Русская идеология apocalypse.orthodoxy.ru/ideology/7.htm
- 17. Ригельман А. И. Летописное повествование о Малой России

http://litopys.org.ua/rigel/rig14.htm

- 18. Якоб Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии vashaktiv.ru/texts/r/reytenfels_pril.php
- 19. См.: Окружное послание Собора Русской Древлеправославной Церкви 4/17 мая 2009 года «О церковном расколе XVII века»

http://ancient-orthodoxy.narod.ru/doc/2009_p2.htm

- 20. В нынешнем году исполняется 380 лет со дня рождения белорусского просветителя Симеона Полоцкого polotsk.vitebsk-region.gov.by/ru/news/?id=2667
- 21. См. подр.: Урсул Д. Николай Гаврилович Милеску Спафарий

http://litlife.club/br/?b=222572&p=28

22. См. подробнее: Баскин Ю. Я., Советов П. В. О некоторых основных направлениях политической и правовой мысли Молдавии, XV– XIX вв.

law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1130128

23. Аввакум. Послание Симеону, Ксении Ивановне и Александре Григорьевне

http://feb-web.ru/feb/avvakum/texts/jag/jag-260-.htm

- 24. Якоб (Яков) Рейтенфельс. «Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» vashaktiv.ru/texts/r/reytenfels_pril.php
- 25. Никон, Божией милостию Патриарх Московский http://благовестсамара.pф/-public_page_7573

ОГЛАВЛЕНИЕ

Из истории развития христианства. Геополитика между Константинополем и Римом8
Политические корни принятия на Руси христианства24
Русь как сфера интересов Константинополя и Рима55
Новгород и первые элементы самоуправления на Руси67
Суздальско-киевское противостояние. Тюркские корни Москвы75
Рим раскрывает «объятия» для Руси88
«Битвы» Александра Невского. Некоторые мысли по поводу продвижения монгольских войск в Европу101
Взаимоотношения Московского княжества с Золотой Ордой. Борьба за митрополичьи кафедры122
Москва против Великого Новгорода на фоне противостояния между Византией и Папским Римом170
Православие и ислам – извечные противники?184
Геополитическая подоплека постепенного превращения Московского княжества в царство194
На пути к утверждению концепции «Москва – Третий Рим»204
Об отдельных нюансах легализации Константинополем царского титула Ивана IV220
Подводные пути к зарубежному признанию Московского патриаршества232
Политическая подоплека рождения Брестской унии244
На пути к новому формату отношений Левобережной Украины с Московским государством254
Никоновские реформы как духовно-идеологическое обоснование общемирового православного главенства Москвы

Из истории геополитической борьбы за территории России, Украины, Беларуси и Балтии

От принятия на руси христианства до Петра I. Путь ко дню сегодняшнему

Подписано в печать 14.04.2017 г. Формат 60х90х16. Гарнитура Time New Roman Тираж 500. Заказ № 80

Отпечатано в типографии ООО «Наш формат» 02105, Киев, пр. Мира, 7, кв. 45 Реестрационное свидетельство ДК № 4540 от 7 мая 2013 г.

Теймур Атаев – азербайджанский политолог, теолог, публицист. Сотрудничает с русскоязычными Интернет-сайтами в Украине, России, Азербайджане и других странах. В своих статьях он касается проблем геополитики, истории, религии, литературы, искусства. Избранные труды: «Светско-религиозный тандем в геополитике, или глобализационное миссионерство: история и современность» (2009), «Красота и гармония в исламе как проявление божественности акта творения» (2012). В предлагаемой читателям книге

MARE

отражены подробности происхождения росов (русов), взаимоотношения русских княжеств с Византией, политико-религиозная борьба за овладение Киевом (Киевским престолом), причины разгрома Киева А. Боголюбским, невидимые нюансы перемещения центра Руси из Киева в Москву, тонкости взаимоотношений Московского княжества с Золотой Ордой, битвы за митрополичьи кафедры, геополитический фон постепенного превращения Московского княжества в царство, рождение концепции «Москва - Третий Рим», политическая подоплека возникновения Брестской унии. развитие отношений Левобережной Украины с Московским государством, Никоновские реформы как «духовно-идеологическое» обоснование общемирового лидерства Москвы в православном направлении и др. вопросы. Книга, написанная в научно-публицистическом стиле, предназначена как для профессиональных историков, политологов, журналистов, студентов гуманитарных факультетов, так и для широкого круга читателей.